

ДНЕВНИК СВАДЕБНОЙ ФЕЙ

Римма Чистякова

Римма Чистякова
Дневник свадебной феи

«Автор»

2023

Чистякова Р.

Дневник свадебной феи / Р. Чистякова — «Автор», 2023

Как стать настоящим Вершителем своей судьбы? Взять управление жизнью в свои руки, перестать зависеть от обстоятельств, наворотить интересных событий, достичь неоткрытых другими вершин. В книге рассказывается, как из простой советской девчонки, воспитанной на идеалах коммунизма, вырастает человек, способный к трансформации своей личности, с собственным взглядом на мир, пытающийся воздействовать на него и улучшать по своему усмотрению, чтобы сделать хоть немного счастливее и гармоничнее. Много раз меняя профессию, место жительства, круг общения, порой совмещая несовместимое. От простой работяги на стройке до артистки эстрады, от кабинетной служащей до азартного предпринимателя. Многого удаётся, но мечтается о большем: о будущем, для которого стоит жить, ради которого стоит свернуть горы, сделать невозможное – возможным!

© Чистякова Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1 Куда уходит детство? Юность?	5
Часть 2 Полоса препятствий	36
Часть 3 Творчество как выход из тупиков	44
Часть 4. Законы рынка, или сколько стоит имя?	58
Часть 5. НАЧАТЬ СНАЧАЛА!	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Римма Чистякова

Дневник свадебной феи

Часть 1 Куда уходит детство? Юность?

«Когда человек берет управление в свои руки, жизнь его перестает зависеть от обстоятельств. Кораблик можно направить в какую угодно сторону от той «судьбы», которая якобы предначертана. Всё очень просто: жизнь – как река. Если вы гребете сами, то имеете возможность выбирать направление, а если просто отдаетесь течению, то вынуждены плыть в русле потока, в котором оказались. Например, хотите карму – будет вам карма. Думая о том, что ваша участь зависит от каких-то неумолимых обстоятельств или ошибок прошлых жизней, вы тем самым реализуете соответствующий вариант. Воля ваша, ведь вы – сын Бога. Ну, а если желаете быть Вершителем своей судьбы, то и это в вашей власти».

Вадим Зеланд

Наверное, в жизни каждого человека бывают моменты, когда хочется оглянуться на прожитые годы и понять, что же происходит с тобой? Почему всё складывается именно так, а не иначе? По чьей же воле строится твоя жизнь?

Дни бегут, мелькает год за годом, превращаясь в длинную череду задач и проблем, которые едва успеваешь решать, и не особенно вникаешь в причины тех ситуаций, в которых оказываешься. Но вдруг, однажды, с удивлением отмечаешь, что ведь мечтал-то ты совсем о другом! И вот только тогда задумываешься: а тем ли делом я занимаюсь, туда ли иду по жизненной дорожке? А может, я где-то не там свернул и заблудился?

Вот и я подошла к очередному порогу и оказалась на распутье: какой же сделать выбор? Как известно, у каждого из нас своя миссия на Земле. Вот только одним она известна с юности, а другие ищут её много лет. Кто-то легко делает свой выбор, а кому-то приходится отрабатывать грехи и ошибки прошлых воплощений, а уж потом даётся некоторая свобода действий, и может открыться истинное призвание.

Я пишу эти строки в 2002 году: мне почти 40 лет, и я всё ещё в поиске себя. Мне пришлось сменить множество профессий и видов деятельности, без конца преодолевая свои страхи и внутренние проблемы. Но теперь, когда уже наработан опыт, целый арсенал внутренних достижений и качеств, пора определиться и выбрать главное. Хотелось бы приступить к своей миссии уже в этой жизни. Кто знает, будут ли в следующей мои шансы лучше? Так что, не теряя времени, я хочу уже сейчас изменить многое из того, что меня не устраивает, и начать всё сначала.

Говорят, без пользы жить – безвременная смерть. Да и слишком коротка наша жизнь, чтобы растрчивать её на пустяки и ошибки. Давайте будем сами строить свою биографию, своё настоящее и своё будущее, «творить мгновения, не откладывая».

День рождения. Семья

То, что жизнь часто ставила меня в двойственное положение, было заложено ещё в момент моего рождения: не каждый человек может похвастаться, что у него – **два Дня рождения!**

Я родилась в самую длинную и холодную ночь, **22 декабря 1962 года**. Родителям эта дата чем-то не понравилась, и они решили её подкорректировать: официально я была зарегистри-

стрирована только 1 января 1963 года. Это было несложно сделать в маленьком провинциальном посёлке **Оленино**, который находится недалеко от города **Нелидово**, в 4 часах езды от **Москвы**. Мои родители объяснили это тем, что не хотели, чтобы мне приписывали лишний год, когда я стану взрослой. В то время они ещё не были знакомы с астрологией и нумерологией. И не предполагали, что новая дата рождения, несомненно, должна была повлиять на мою судьбу. Теперь-то я догадываюсь, почему меня часто принимали не за того человека, которым я являюсь на самом деле.

Однако во всём этом есть не только какая-то мистика, но и свои преимущества: День рождения я праздную два раза в году! Это очень удобно для гостей: больше возможностей для выбора подходящей даты. А поздравления растягиваются на всю рождественскую неделю.

Конечно же, настоящую дату знают все мои друзья: я никогда не скрываю свой возраст, наоборот, горжусь им, как неким накоплением потенциала знаний и опыта. Мне нравится сообщать людям свой возраст: всегда вижу удивление и восхищение на их лицах. Матушка Природа наделила меня какой-то детской непосредственностью в манерах и поведении, в звучании голоса, во всём внешнем облике – и меня до сих пор называют «девушкой» или даже «девочкой». Хотя мне уже почти сорок лет! Я вешу 56 килограмм при росте 167 сантиметров. Меня называют «веселушкой» и «хохотушкой» в компании, считают «тургеневской барышней» в домашнем кругу, на работе называют «практичным Козерогом» и «Ходячим словарём». На самом же деле я по-прежнему чувствую себя озорным ребёнком, фантазёром и авантюристом. Мне никогда не бывает скучно, потому что голова моя полна идей, которые «бегут впереди паровоза», не позволяя ему остановиться ни на минуту...

Наверно, я росла не очень послушным ребёнком: помню, что отец часто меня наказывал, шлёпая по попе и приговаривая: «Будешь ещё так делать? Получишь снова по попе!» Помню, много раз я оправдывалась и обещала, что «больше так не буду». Но однажды я посчитала, что он не прав. И к великой его досаде, из духа противоречия в ответ на шлепок, дерзкая девчонка вдруг заявила: «Хочу и буду! Хочу и буду!» Наверно, мне было лет шесть или семь. Мне это припоминали потом много лет: для семьи "Хочу и буду!" стало моим «фирменным» изречением из детства.

Моё увлечение музыкой и поэзией, детективными романами родители расценивали, как инфантильность и незрелость.

Они мечтали увидеть меня серьёзным специалистом, авторитетным инженером. А я была романтичным созданием с непробиваемым оптимизмом и верой в своё необычное предназначение. Впрочем, стараясь не огорчать их, я делала всё возможное, чтобы соответствовать их представлениям. Но мой внутренний мир не согласовывался с тем Образом, который я строила внешне. Возможно, двойная дата рождения тому виной?

Опять вспоминаю, как когда-то, кажется, году в 1994, я шла домой, нагруженная тяжёлыми сумками. Вдруг меня окликнула старушка: «Доченька, а ведь ты ещё судьбы своей не знаешь! Твоё будущее будет совсем другим...» Я оглянулась: нет, не цыганка... Но, как обычно, только отмахнулась, не веря предсказаниям. Удаляясь, я услышала вслед: «Ты будешь на подиуме стоять! А твоё лицо увидят тысячи людей».

Эти слова врезались в мою память навсегда. Но до сих пор вызывают у меня только недоумение и вопросы. Ведь уже две трети позади, если не больше. Что там от лица останется-то?

Мои родители и прародители

Мой отец, Тимошинин Алексей Петрович, родился **25 мая 1934 года** в Тверской (Калининской) области, в простой крестьянской семье, дружно занимавшейся сельским трудом. Он рано лишился отца, и с пяти лет был единственным мужчиной в доме, где росли ещё четыре сестрёнки.

Отец его, дедушка Пётр, погиб ещё в мирное время, в 1939 году. С ним произошёл несчастный случай: на лесозаготовительных работах его убило деревом. Мне о нём мало что известно. Характер отец унаследовал от матери, Анны Ивановны: от природы он был добрым человеком, но иногда проявлял властные командирские черты. Может быть, его характер закалило голодное детство, тяжёлый труд с ранних лет, поэтому он был таким фанатичным в работе, требовательным к окружающим, строгим к своим детям.

Военные годы наложили тяжёлый отпечаток на всю его жизнь: восьмилетний мальчишка познал и голод, и лишения, и страшную жестокость немцев за свои невинные шалости. Однажды он, скатившись с ледяной горки, попал прямо под ноги идущему мимо немецкому солдату, сбив его с ног. А тот, рассвирепев, избил ребёнка до полусмерти. Несколько дней в горячке, без сознания, оставили неизгладимый след в его жизни, которая несколько раз висела на волоске.

Позже им было принято твёрдое решение: защищать Родину. Он стал профессиональным военным служащим, сделал неплохую карьеру, заслужил массу военных наград, но всю жизнь самой важной для него, выросшего среди лесов и полей, оставалась любовь к земле, к русской деревне с её сенокосами, урожаями, народными песнями... Любимыми напитками для него так и остались парное молоко да берёзовый сок.

Когда его перевели служить в Ленинград, то в свободное время он использовал каждую возможность выехать в лес, на природу. Это был хороший грибник и рыболов, а также мастер на все руки, как в доме, так и в лесу. На досуге он мог взять в руки баян и исполнить плясовую, а на дружеских вечеринках не было лучшего запевалы.

Он мечтал о сыне, чтобы научить его различным ремёслам, а родилась я – ничего не поделаешь. Вот откуда у меня умение красить стены и потолки, клеить обои, приколачивать полочки. В лесу я, как и он, чувствую себя, как дома: построю шалаш, разведу костёр, смогу на лодке переплыть озеро. И вообще, не боюсь оставаться одна: способность адаптироваться, изобретать и мастерить у меня, видимо, от него. Если бы отец так серьёзно не подорвал своё здоровье на военной службе, то остальные проблемы он легко бы преодолел.

Последние годы жизни он провёл в борьбе с тяжёлыми недугами, старательно используя и народные рецепты, и новейшие изобретения в медицине, и нетрадиционные методы лечения. Он пытался зафиксировать свой опыт, ведя дневники, а также писал об этом в своих мемуарах.

Его литературный талант ещё в молодости поражал мою маму, когда она получала от него огромные художественные письма. Однажды, придя домой, она увидела, что всё её крыльцо и даже ступеньки застелены аккуратно исписанными тетрадными листами, а соседский малыш, занимавшийся этой работой, ей пояснил: «Это тебе такое письмо пришло!»

Мечта отца сбылась: через восемь лет после меня родился брат Александр – настоящий богатырь – и продолжил его дело: тоже стал защитником Родины. Отец, наверное, гордился бы им, если бы дожил.

Моя мать, Тимошина Мария Ивановна (до замужества – Соколова) родилась **8 июля 1941 года** тоже в Калининской области, в семье сельских тружеников. Она выросла без отца, так как его забрали на фронт, когда ей было всего восемь дней от роду. Иван Соколов пропал без вести в октябре 1943-го на Волховском фронте. И только в 2020 году мы нашли его в братской могиле.

В их семье сначала было восемь детей, выжили только четверо: два сына и две дочери. Мама была поздним ребёнком: её матери было уже сорок три года, когда неожиданно родилась Марийка. Она была на много младше других детей, и поэтому была любимым ребёнком всей семьи. Ей заменил отца старший брат Арсений, который рано начал работать на заводе и помогать матери содержать хозяйство.

Бабушка много рассказывала мне о тяготах войны, о том, в каких условиях росла её маленькая дочь, обо всяких невероятных событиях. Много было жуткого в этих рассказах. Но,

к счастью, по-разному вели себя немцы, пришедшие на нашу территорию. Были среди них и те, что не потерял человеческих качеств. Немцы, поселившиеся у них в доме, вели себя вполне человечно. Украдкой от начальства они отдавали детям остатки картофеля после ужина или горбушку хлеба. А маленькую Марийку иногда даже баловали конфетой: она помнит это всю жизнь. Продуктовые запасы у русских «изымались», и семья вряд ли выжила бы в те голодные военные годы.

Это было на подступах к Москве. Мама росла под грохот разрывов снарядов, по многу часов в день проводя в окопах, где пряталось всё местное население. Деревня по несколько раз в день захватывалась то немцами, то русскими. Жить в доме было просто невозможно.

Как только территория была освобождена от немцев, поздней осенью 1943-го местные женщины, в том числе и наша бабушка Ириша, поехали в ближайшую Литву (в товарных вагонах): там, работая в больших хозяйствах, можно было получить какие-то продукты. Народ в Литве очень сочувствовал русским и чем мог помогал нашим женщинам, зная, что их ждут голодные дети.

А после войны, с разорённой земли, в апреле 1950-го, бабушка с детьми переехала в Белоруссию, в Пинскую область (ныне – Брестскую). Так случилось, что старший брат Арсений навещал там родных, и ему очень понравились местные сады, живописная река, отличный климат и хорошие люди. Там они и обосновались, в Лунинецком районе Брестской области Белоруссии, в деревне Лахва.

Бабушка, Соколова Ирина Викторовна, была замечательной рассказчицей – я всю жизнь буду помнить её многочисленные байки и исторические версии. В народе её ещё называли «великой певуньей и плясуньей», без неё не обходилась ни одна свадьба в деревне и ни одни похороны: она знала все обряды и традиции, умела гадать на картах и предсказывать события. Я помню, к ней за советом ходила вся деревня.

Семья так и осталась жить в Белоруссии: климат там теплее, и земли плодороднее, говорила бабушка. Мама моя училась в белорусской школе: знала два языка как родные. Окончив школу с серебряной медалью, поступила в медицинское училище и его тоже закончила на «отлично». Вот тут-то и приехал в Белоруссию, в отпуск, к своим родственникам высокий симпатичный военный Тимошинин (он тогда служил во флоте) и познакомился с моей будущей мамой.

А потом началась длительная переписка. В результате этой переписки и решили они пожениться. Счастливая молодая семья переехала жить в Калининскую область, в скромный бревенчатый домик жениха в посёлке Оленино. Там и родилась я, через год после свадьбы. Декретные отпуска тогда составляли 56 дней до родов и 56 – после, и женщина сразу выходила на работу. По несколько раз в день маме приходилось прибегать домой, чтобы покормить двухмесячного ребёнка грудью, и, без передышки, снова – на работу. А я оставалась с бабушкой Анной Ивановной, которая очень любила меня. И помню, как много сказок она знала, и в какой артистичной форме, как завораживающе таинственно она умела их рассказывать. Если я иногда «озорничала», то бабушка великодушно всё простила мне и даже становилась моей главной защитницей от строгих родителей: прятала меня от наказания. И я отвечала ей нежной любовью.

Впоследствии, когда семья переехала в Ленинград, мы навещали моих бабушек каждое лето. Они были очень старенькими, так как мои родители были у каждой из них самыми поздними детьми. Бабушки нуждались в помощи и заботе. Вот родители и делали для них всё, что могли. А меня оставляли в деревне на всё лето, что доставляло им немало радости, а также хлопот и беспокойства. Хотя, помню, каждая из них гордилась мною и щедро учила всему, что считала важным, особенно любви к ближнему.

Бабушка Ириша так и прожила всю жизнь в Белоруссии, в деревне Лахва. Собирая по вечерам подружек-старушек, которые рассаживались на лавочках в тени жасмина с кулёчками

семечек, она с гордостью демонстрировала им свою крохотную внучку из далёкого Ленинграда, которая с упоением пела для них все подряд их любимые песни.

Радио тогда слушали редко, а телевизор был один на всю улицу. Помню, как иногда по вечерам все соседи собирались у нашего телевизора, поставив стулья рядами, но не всем хватало места и некоторым приходилось смотреть стоя. Тогда мои детские концерты были в большой цене. А ещё мои слушатели пророчили мне стать диктором телевидения, так как щебетала я «очень бойко и чисто». Заботливая бабушка для этих выступлений шила мне каждую неделю новое платье, покупая метр пёстрого ситца в местном сельмаге. Она была прекрасным модельером и портнихой, да ещё и мастерицей устраивать праздники. Когда она стала совсем старенькой, а это произошло годам к 85–86, не раньше, она стала жаловаться мне на то, как она устала от жизни, а «помирать всё некогда и некогда». Ей приходилось вести большое хозяйство старшего сына: обрабатывать огород, кормить домашнюю живность; она вырастила и вынянчила девять внуков, да ещё половину из тринадцати правнуков. А правнуки, в свою очередь, обучили её, неграмотную, читать и писать.

Умерла она, уснув с улыбкой на устах, после того, как отпела и отплясала свой последний концерт на свадьбе у любимого внука Толика. Мои родители бережно и с большой любовью относились к своим матерям. А про отцов своих знали и помнили всё из их устных рассказов. Отношения и традиции в большой деревенской семье я помню с детства, помню, как эмоционально все болели друг за друга, помогая и поддерживая в каждой мелочи.

Да и не только в семье: вся деревня крепко дружила домами. Каждый вечер то тут, то там собирался народ на лавочках, обсуждая дела прожитого дня, советуясь друг с другом, договариваясь о взаимопомощи на предстоящие работы, будь то обработка земель или вывоз урожая, ремонт крыши у соседа... А потом всегда были песни под гармошку или под гитару. Двери в домах никогда не запирались; будучи непосредственным ребёнком, я заходила в гости ко всем подряд: в каждом доме были дети, мы тут же начинали играть вместе. Я забывала предупредить бабушку, уходя из дома. Но она всегда знала, где я.

Деревня казалась мне огромной: из конца в конец – часа полтора ходьбы, но все знали друг друга. И, к моему большому удивлению, все знали меня. Хотя я была совсем ещё крошкой. Нечасто туда приезжали дети из самого Ленинграда. Все расспрашивали меня о моём городе и видно было, что люди даже не представляют себе, что это такое – большой город: трамваи, метро.

Люди, живущие в Лахве, щедро угощали друг друга фруктами, ягодами, семечками и парным молоком, стоило только заглянуть в калитку. Эта плодородная земля жила и процветала, пока в **1986 году** рядом с ней не произошла Чернобыльская катастрофа, после которой было запрещено купаться и ловить рыбу в нашей чистой речке со странным названием Смердзь, являющейся притоком Припяти, запрещено пить молоко наших славных Бурёнок и вкушать сахарные плоды здешних садов. Сейчас почти никого не осталось из родственников и друзей в этих краях: все, кто смог, покинули эту землю, остальные – ушли из жизни.

Мне кажется, что я помню всё. Впечатления детства оказались настолько яркими, что мне не верится, будто это было так давно. Кажется, ещё вчера я каталась на трёхколёсном велосипеде по длинным коридорам нашего военного общежития, распевая на ходу модные тогда песни со своим собственным изложением текста. И совсем недавно, раскачиваясь на больших качелях, привязанных к огромной ветке дерева, я наслаждалась эхом летевшей из моих уст песни собственного сочинения со словами: *«а я качаюсь, я качаюсь, и мир качается вокруг...»*

Самой привлекательной игрушкой для меня было пианино. Но все мои уговоры устроить меня учиться игре на пианино не увенчались успехом: родители работали допоздна, рядом не было клубов с кружками, а купить пианино в девятиметровую комнату общежития не представлялось возможным.

Музыка окружала меня с детства: она лилась потоком из открытых окон прямо на улицах, она заполняла мой дом в виде грампластинок, звуки гитарных струн не замолкали по вечерам во дворах, а песенный репертуар известных певцов я знала наизусть.

Ещё одним увлечением было у меня рисование. Я считала, что каждая чистая страница, найденная в доме, не должна оставаться неразрисованной, будь то тетрадка, обложка книги или крышка коробки. А как только я научилась писать печатными буквами, у всех моих рисунков стали появляться надписи, часто в стихотворной форме. Рифма в них всегда была безупречной, вот только смысл был неясен даже мне самой. Да ещё некоторые буквы, такие как «**Я**» и «**В**», часто были написаны задом наперед. Много лет спустя я от души хохотала, видя свои стихи, сохранившиеся на внутренних разворотах книг.

Неудивительно, что первую свою песню я сочинила в шесть лет, и была она посвящена моей любимой собаке, которая зализывала царапины на моих коленках и вытирала детские слёзы своим шершавым языком. Песня состояла всего из нескольких строчек, а смысл её сводился к тому, как же я люблю этого милого-милого Тобика.

Когда я научилась читать надписи на грампластинках, где-то году в **1970**, то стала старательно запоминать имена любимых исполнителей: Валерий Ободзинский, Аида Ведищева, Анатолий Королёв, Нина Бродская, Майя Кристалинская, Тамара Миансарова, Вадим Мулерман, Джанни Моранди.

А от песен Полада Бюль-бюль-оглы у меня кружилась голова, я танцевала до упаду и могла слушать их бесконечно. Я очень люблю его песни до сих пор. Он не изменился за тридцать с лишним лет. Этим человеком я восхищаюсь и сейчас: будучи министром культуры Азербайджана, этот седовласый, с мудрым взором человек с возрастом стал ещё привлекательнее. А ведь внешность формируется изнутри – состоянием души, внутренней работой над собой, а также личностными устремлениями. Особенно заметным это становится с годами. Как говорится, вся сущность человека вылезает «на лицо».

В раннем детстве я мечтала стать танцовщицей или актрисой, чтобы побывать в разных жизненных ролях, порхая, как бабочка, от одного образа к другому. Мне хотелось познать и почувствовать всю гамму человеческих переживаний в различных ситуациях жизни. И вовлечь в это других. Я часто устраивала домашние представления с переодеваниями, за что мне попадало от строгих родителей. Они предпочитали педантичное соблюдение порядка в доме, а я своими декорациями превращала его в «бедлам».

Но в то же время мне очень нравилось играть в уединении: я запросто могла целый день оставаться одна дома и мне при этом никогда не бывало скучно. Я давала волю своей фантазии, и всё вокруг превращалось в чудесный сказочный мир: куклы оживали, а предметы интерьера и домашнего обихода становились поездами, кораблями, многоэтажными дворцами или театральной сценой. Я жила в своём собственном, придуманном мире, где всегда было интересно. А большой плюшевый Медведь готов был защитить меня от обид, прижимаясь ко мне мохнатую щекой.

Школьные годы, или «Ирония Судьбы в Новогоднюю ночь»

В **1970** году я пошла в первый класс, уже умея бегло читать и писать. Мне повезло с подготовкой: часто бывая у мамы на работе (в медкабинете школы), я из любопытства заглядывала в учебные классы, и мне разрешали тихонько посидеть за свободной партой. Всё казалось необыкновенно интересным. Я даже заводила тетрадки и делала в них некоторые задания, как настоящая ученица, правда, разрисовывая их цветочками. А учительница, по маминой просьбе, даже ставила мне отметки. Я этим очень гордилась в свои 5–6 лет. Такую приметную ученицу – вся мамина школа хорошо меня знала – пропускали в самые загадочные кабинеты:

с чучелами птиц и головами животных, с колбами и пробирками, с пугающими воображение противогазами за стеклом шкафа.

В результате этого к учёбе я относилась с большим интересом, всё давалось мне легко. Но пошла я в совсем другую школу – в английскую. Родителям хотелось дать мне самое лучшее образование. Ученицей я была вполне самостоятельной: от учебников было не оторваться до ночи. А уроки приходилось делать в единственной комнате, где отец смотрел футбол по телевизору, мама утюжила бельё на другом конце стола, а вокруг стола ползал, вереща, маленький братишка. Отцу тогда, в связи с рождением второго ребёнка, выделили комнату побольше – 20 метров. После девятиметровой комнаты она казалась очень большой. В ней и прошли следующие восемь лет.

Годы шли, жили мы неплохо, только стало тесновато. Мы мечтали о квартире. Отец ходил на военную службу, мама продолжала работать в школе. Брат Саша подрастал и становился очень задиристым, по характеру совсем не похожим на меня. Но если мы с ним находили общий язык, то это превращалось в грандиозный спектакль: брат тоже любил театр и музыку. Родители были строги и требовательны к нам, и, если мы ссорились, то наказывали обоих.

В общем, была жизнь как жизнь, со своими обычными радостями и горестями. Пока не случилось то роковое событие, которое позднее сильно отразилось на всей моей жизни.

Это случилось прямо под Новый год, 30 декабря, накануне праздника, когда все вокруг веселились – наступал **1977 год**.

Я не сразу поняла, в какую беду попала. Всего лишь упала на льду, с разбегу. Удар пришёлся как раз на копчик. Встать мне помогли подружки. Добраться до медпункта я уже не могла: как-то дотащили девчонки. Острая боль внизу спины нарастала, и движения становились всё скованнее. Перелом копчика со смещением вызывал страшную нестерпимую боль, из-за которой я не могла пошевелиться. Повреждение крестцового отдела повлекло за собой защемление позвоночного нерва: я оказалась в почти неподвижном состоянии. Это произошло далеко за городом, в зимнем лагере, где не было необходимой медицинской помощи и возможности произвести обследование. Меня попросту уложили в медпункте на ровную доску, положенную на кровать. Дикую боль внизу спины было нечем снять, всё тело как будто оцепенело. Постепенно, в течение суток, нижняя часть тела перестала меня слушаться, а затем я, вообще, перестала чувствовать свои ноги: их словно не было у меня, они отказали полностью. И моя нижняя половина стала неподвижна!

На следующий день меня пришёл поздравить Дед Мороз, молодой и красивый, что меня страшно смутило, а затем все ушли на дискотеку – встречать Новый год. Всю новогоднюю ночь я провела в страшных муках и одиночестве. Тогда не было даже обезболивающих, кроме анальгина. Вот такая ирония Судьбы!

На доске, без движения, я провела десять дней каникул. Местный врач решил, что меня лучше не трогать и никуда не везти: при травме позвоночника нужен полный покой. Постепенно боль утихла, но подвижность к телу вернулась не сразу.

После зимних каникул я начала ходить, но сидеть не могла ещё долго. В городе мне сделали рентгеновский снимок позвоночника, но ничего толком не разглядели, кроме смещений дисков. Это сейчас, спустя годы, на новейшем оборудовании МРТ обнаружили последствия перелома (подвывих копчика) и странную внутривозвонковую гемангиому в этом месте.

К весне стало казаться, что травма прошла бесследно: я начала ходить, бегать и даже прыгать. И, однажды, на апрельском солнышке, когда мне, девчонке четырнадцати лет, захотелось попрыгать на скакалке, случилось нечто неожиданное и совершенно непонятное: сердце моё словно оборвалось, как будто вышла из строя какая-то шестерёнка. Сердечный приступ тахикардии с частотой 190 ударов в минуту продолжался около часа. Врачи в то время не смогли определить причину. А подобные приступы стали мучить меня регулярно. И только

много лет спустя, благодаря новейшей компьютерной технологии, обнаружилось, что в смещённых позвонках был зажат нерв, идущий прямо к сердечной аорте.

В школьные годы эта травма редко напоминала о себе и физкультуру я как-то выдерживала. Всё началось несколько позже.

Учёба моя шла нормально. Учителя, как правило, хвалили меня перед родителями: успеваемость была на высоте и им не о чем было беспокоиться.

Всё же моя усидчивость и природная сила воли помогли мне справиться с этими повторяющимися «катаклизмами» и закончить Экспериментальную английскую школу № 157 от Академии наук СССР практически на «отлично».

Студенческие годы. Выработка «железной» самодисциплины

Закончив школу, я благополучно поступила в институт. Но не в тот, о котором мечтала. Во времена тотального дефицита в **1980 году** происходило смещение ценностей: критерием успеха считалась близость к продуктам питания. Меня же привлекали искусство и литература: сочинения в школе я всегда писала «на отлично», к тому же я неплохо пела и сочиняла стихи, но меня предостерегали, что на этом пути я всегда буду без работы и без денег. Главным талантом женщины, во всяком случае, так меня учили, являлся хорошо накрытый стол. Я с детства осваивала рецепты кулинарии, методы консервирования, училась делать заготовки и запасы. При пустых полках гастрономов умение накормить семью считалось вершиной успеха. Доступ к реальным «пищевым ценностям» был большой удачей.

И однажды, в день открытых дверей, просмотр процесса изготовления мороженого и сгущёнки в лаборатории Технологического института холодильной промышленности сыграл решающую роль в моём выборе профессии. А родители только и мечтали видеть меня инженером в пищевой промышленности. К тому же, после голодного военного детства, они хотели сытой жизни для своих детей.

Уже на первом курсе я поняла, как жестоко ошиблась. Бесконечная химия, физика, высшая математика были так далеки от вожделенных накрытых столов! А позже – сложные технические дисциплины, они сводили меня с ума. Но родители были строги и категоричны: «Не вздумай бросить! Пропадёшь в жизни ни за грош! Да и кому сейчас просто? В других институтах тоже не легче».

И я продолжала учиться, используя жёсткий самонастрой и самоконтроль, собирая в комок всю свою силу воли и прилагая бесконечные сверхусилия для успешной сдачи экзаменов. Я считала: уж если взялась за дело, то надо довести его до конца. Тем более, что других перспектив для себя я тогда и не видела.

Да и добрые люди говорили, что диплом – это всегда диплом! Родители настаивали на получении диплома во что бы то ни стало. И я решила пожертвовать пятью годами собственной жизни во имя получения «бумажки, без которой ты букашка», как говорили в народе.

Таким образом, я стала дипломированным инженером-технологом пищевого производства.

Студенческие годы запомнились мне огромным объёмом рутинной работы и зубрёжки, бесконечными контрольными, курсовиками и рефератами, которые мне приходилось писать по ночам и в выходные дни, иначе я не успевала.

Главное, чему я там научилась, – это железной самодисциплине и выдержке, усидчивости в доведении дела до конца. По окончании института мне уже казалось, что теперь я способна «высидеть» проект многоэтажного хладокомбината или новой космической станции. Лишь бы справочников хватило. Но вот смысла в этом я для себя не видела: совсем другие были у меня стремления и мечты.

Во время учёбы мы, студенты, регулярно проходили практику на заводах. Мне довелось поработать в различных цехах молочного хладокомбината, кладовщиком-учётчиком на отгрузке товара, лаборантом в заводской лаборатории, на конвейере в цехах мясокомбината, на рыбоконсервном заводе и пр. И везде я видела, что процесс производства продуктов шёл с большими нарушениями, как санитарных норм, так и технологии. Всё, чему нас учили в институте, оказалось таким далёким от реальности.

Большинство заводских цехов и складов в 1980-е годы находилось просто в аварийном состоянии. А мой патриотический порыв попытаться перестроить и модернизировать эти производства был тут же пресечен начальством: ну кто же будет слушать молодого специалиста? Работать же в условиях полного развала техники и бесконечной подтасовки показателей качества продукции я не могла из принципиальных соображений.

В результате такой практики я получила стойкое отвращение к профессии и решила после учёбы пойти в науку. Мне казалось, что заниматься лабораторными исследованиями куда интереснее и честнее. Моей целеустремлённой натуре хотелось достичь красивого результата в своей работе, изобрести новые виды продуктов, разработать невиданные доселе, «космические» технологии.

Ровно три года, как это и было положено молодым специалистам, я отработала по распределению в научно-исследовательском институте: в НПО «МАСЛОЖИРПРОМ».

Каждый день, с 9.00 до 18.15, строго по графику, как и вся социалистическая страна, я работала на окладе сто двадцать рублей в месяц – стандартная зарплата инженера. В старинном здании института, в «допотопных» условиях, на отжившем свой век оборудовании люди пытались что-то исследовать и изобретать. Было ощущение, что все просто коротают время: оклад ведь не зависел от количества разработок. Но коротать время не входило в мои жизненные планы – ведь это же **время моей жизни!** Я вовремя это поняла.

Здесь я окончательно убедилась, что выбранная профессия совсем не по мне. Да и зарплата инженера не позволяла сводить концы с концами: целый год я откладывала деньги, чтобы купить себе зимние сапоги, которые стоили тогда как раз сто двадцать рублей. Ещё год я собирала себе на пальто. Пришло осознание, что наше общество устроено как-то неправильно: учиться пять лет в институте, чтобы потом, голодая и отказывая себе во всём, служить тупиковой отрасли экономики?

Тогда я приняла твёрдое решение: найти своё истинное призвание, которому не жаль отдавать всё своё время. Даже если и голодать, то хоть ради высокой цели и развития.

Первое испытание на прочность. Ураган

Кроме учёбы, были в те годы и некоторые события, не позволяющие скучать от однообразия студенческой жизни. Об одном из них я и хочу сейчас рассказать в качестве лирического отступления. Это могло бы стать основой для сценария остросюжетного фильма: столь яркие приключения выпадают не часто.

Чего стоит человеческая жизнь? Как устоять человечку, такому крохотному, перед огромной силой стихийного бедствия? Откуда берётся тот несокрушимый внутренний стержень, который даёт опору в любой, самой сложной ситуации? Я поняла тогда, что без этого стержня никак нельзя – унесёт.

Всё произошло **14 августа 1982 года**, в Белоруссии. Будучи девятнадцатилетней студенткой, я приехала на каникулы к бабушке Ирише, в нашу деревню Лахву. Приехала вместе с младшим братишкой Сашей, которому в то время было 11 лет. Остальные родственники как раз тоже решили собраться: жизнь раскидала всех по разным городам, закрутила в водовороте дел – мы не виделись несколько лет. И вот бабушка получает сразу несколько телеграмм: четыре внучки одновременно едут в гости! Едут со своими семьями. Старший сын Арсений

имел трёх дочерей: красавицы все и умницы – Лида, Таня и Рая. Четвёртая внучка – я, ну и мой брат Саша. Все сёстры уже были замужем, имели по двое детей.

На соседней улице деревни жил второй сын бабушки – дядя Павел. У него детей было двое: Галя и Толик. Тоже взрослые, у каждого своя, интересная жизнь, и мне не терпелось их всех увидеть поскорее и обо всём расспросить.

Мы с Сашей прибыли первыми, добрались вполне благополучно. Затем приехала Рая с двумя малышками-дочками и с мужем Сашей. Вечером надо было встречать с поезда Таню с маленьким Серёжкой, а под утро, на рассвете, должна была приехать Лида с семьёй. В общем, день обещал быть очень интересным. Но он превзошёл все наши ожидания!

Всё началось вечером, в восьмом часу. Погода стояла жаркая, солнечная, небо было чистое, безоблачное. Ничто не предвещало беды. Мы с Раей, две счастливые сестрички, радостно обсуждая новости, отправились пешком на вокзал, встречать сестру Таню с ребёнком. Раин супруг Саша в это время, вместе с Толиком и с прибывшим ранее Таниным супругом, тоже Сашей, взяв с собой верного сторожевого пса Барса, сели в лодку и поплыли на реку Припять искать островок, где можно было бы поохотиться на уток. Они рассчитывали вернуться утром к большому семейному столу с добычей.

Дядю Павла в это время задержали на работе неотложные дела: он был председателем сельсовета. Телефонов в то время ещё ни у кого не было. Связью служило «сарафанное радио». Одиннадцатилетний Саша оседлал велосипед и отправился за дядей Павлом в сельсовет, чтобы тот поторопился к вечернему приёму, где его ждёт «сюрприз»: собираются гости. В общем, жизнь кипела, никто не сидел без дела в этот жаркий летний вечер. Все находились в предвкушении интересных событий, радости встреч, в ожидании сюрпризов.

Но ошеломляющим «сюрпризом» для всех неожиданно стала разбушевавшаяся стихия.

До станции идти было далековато, минут сорок, через всю деревню. Мы весело разговаривали с Раей, когда вдруг мне стало трудно дышать. По моим наблюдениям, такое могло быть только при надвигающейся грозе. Сначала Рая удивилась и не поверила: «Смотри, какое небо чистое!» Когда же мы дошли до вокзала, действительно небо вдруг помрачнело и горизонт окрасился зловещим тёмно-серым цветом. Долгожданный поезд пришёл без опозданий, и радостная Таня с ребёнком прыгнули по лесенке в наши объятия. Мы взяли её тяжёлые сумки с гостинцами, а она несла трёхлетнего ребёнка.

От станции до деревни простиралось широкое поле, а за ним тянулся сначала нежилой район каких-то старых складов. Вокзал же представлял собою крохотное неудобное строение без «посадочных мест», так что перспектива простоять там до конца грозы нас не устраивала. Оценив ситуацию, мы решили, что успеем добежать хотя бы до ближайшего жилья.

Бежать, конечно, было непросто с чемоданом, который несла Рая, и двумя сумками, которые достались мне. Но, видимо, убежать от этой напасти было уже и не суждено. Чёрная туча, казалось, была ещё далеко. Мы торопливо шли по просёлочной дороге через цветущее поле, любясь бескрайними просторами, как вдруг на горизонте небо стало совсем чёрным, и могучий лес, видневшийся вдали, вдруг начал ложиться, как будто его приглаживал невидимый асфальтовый каток. И тут же над полем возник странный громкий гул: земля словно задрожала и загудела. Вслед за этим завывли сирены находящейся неподалёку воинской части. Этот жуткий рёв дал нам понять, что происходит нечто более серьёзное, чем просто гроза. Уж её-то привычные раскаты нас не пугали.

То, что начало твориться через минуту, не поддавалось пониманию. Порыв ветра с лёгким хлопком уложил несколько придорожных столбов. То тут, то там нам преграждали дорогу фонтаны искр из рухнувшей прямо под ноги линии электропередач. В то время ещё повсеместно стояли деревянные столбы. Мы отскочили в сторону от дороги, которая мгновенно стала опасной. Следующий удар ветра поднял, кажется, всю дорожную пыль в воздух: ничего не стало видно, только взвесь песка и камней со всех сторон, больно бьющая в лицо. Нас сбило

с ног, но песок – это мелочь, подумала я, отмоемся. В следующую минуту солнце исчезло совсем, и стало так темно, что я едва различала предметы в нескольких шагах от меня. Сёстры вдруг исчезли во мраке. Я услышала их голоса, окликавшие меня, и прокричала в ответ, чтобы не ждали, а скорее уносили ребёнка. Быстрее идти с сумками я не могла. В странном мутном мареве я пыталась двигаться в сторону деревни. Но попытки не были успешными: резкие порывы ветра отбрасывали меня в сторону. Чтобы не паниковать, я представляла себе Чарли Чаплина: как смешно это выглядело бы на экране немого кино.

Меня поднимало и переносило одним махом на несколько метров! Такие лихие прыжки не удаются даже опытным спортсменам, при этом я всё же каким-то чудом держалась на ногах.

Дальше, вообще, началась комедия «а ля фарс»: стоявший неподалёку огромный стог сена, заготовленный на зиму, вдруг плавно поехал «по полю-полю, по полю-полю», и, лихо перекатившись через дорогу перед моим носом, умчался в неизвестном направлении.

Наконец, я увидела бревенчатый дом, показавшийся мне спасительным пристанищем, и кинулась в его сторону. Дом повёл себя невежливо: небрежно сбросив крышу передо мной, он вдруг раскатился по брёвнышку. Я кинулась прочь, тем более что совсем близко увидела надвигавшийся на меня грозный забор с колючей проволокой. Едва успевая уворачиваться от несущихся на меня строений, перепрыгивая канавы, я упрямо шла к людям.

Огромное количество летающих объектов никак не давало мне в полной мере осмыслить происходящее, и я из последних сил двинулась к следующему силуэту. Это был одноэтажный дом, и я с радостью отметила, что он кирпичный. Я вцепилась в него, точнее в дверную ручку, и начала отчаянно стучать. Помню, подумалось тогда, что если меня оторвёт от этой ручки, то на вторую попытку сил может уже не хватить.

Дверь открыли не сразу, видно, в таком шуме мой стук просто таял. Девушка, вышедшая мне навстречу, явно рисковала: открытую дверь чуть не сорвало с петель. Меня, буквально, втянули в дом, и дверь захлопнулась. Только тут я поняла, как мне повезло, потому что в этот момент словно бездна обрушилась с небес: за потоками воды по стеклу было, вообще, ничего не видно.

Добрые люди напоили меня валерьянкой и чаем, заботливо расспросили обо всем произошедшем.

Дождь продолжался, казалось, целую вечность. За окном стояло нечто невообразимое: яркие вспышки молний озаряли кромешную темень, словно фонарь подводной лодки искал наш домик на морском дне. «Если нас не унесло ветром, то, наверно, смоем потоком воды», – озадаченно подумала я.

Сколько времени бушевала стихия, я не могу сказать – все часы, настенные и наручные, остановились. Сама атмосфера была фантастически наэлектризована. Дышать было трудно. Счастье, что я обрела крышу над головой!

Но всё когда-нибудь кончается. Наконец-то, немного рассвело, и даже показались блики заходящего солнца, напоминающие о том, что мы всё ещё на этом свете.

Мои спасители дали мне зонтик и большие резиновые сапоги, так как я сразу же собралась идти домой. Девушка по имени Ева любезно пошла провожать меня до центральной улицы, ведь я совсем не знала местности в этой части деревни.

Зрелище, которое открылось нашим глазам, было не для слабонервных. Всё вокруг было залито водой чуть ли не в полметра глубины. Апокалиптический пейзаж вокруг говорил о множественных разрушениях в деревне.

Мы двинулись в путь, и сразу зачерпнули воды в сапоги, но на такую мелочь некогда было обращать внимание. А посмотреть было на что: заборы и мелкие строения вокруг были разрушены, огороды затоплены, столбы лежали, перегородив дорогу. Огромные вековые деревья были расщеплены пополам и тоже перекрывали дорогу. Поэтому пробрались мы на центральную улицу не сразу.

Там было полно народу: кто-то уже разбирали завалы, кто-то бежал на помощь к соседям... Несколько человек пытались освободить из-под завалов уцелевший грузовик, ещё один грузовик лежал кверху колёсами. Ни электричества, ни связи не было.

Добравшись сначала до дома дяди Павла, я узнала, что сёстры благополучно добежали до него. Какое-то время они ещё пытались искать меня в тумане, но даже самый сильный крик не был слышен в таком гуле. К счастью, все были целы, хотя страху натерпелись: у Татьяны ветром вырвало из рук ребёнка и понесло. Такой маленький и лёгкий, он какое-то время находился в свободном полёте, а перепуганные сёстры носились за ним, пытаясь отобрать его у стихии. Ребёнок не пострадал, и, к счастью, ничего даже не понял. А Татьяну потом долго отпаивали валерьянкой.

Дядя Павел переждал стихию в сельсовете и вынужден был почти вплавь добираться домой.

А вот Сашка на своем велосипеде далеко не уехал: после того, как его, сидящего верхом, перенесло через канаву с водой вместе с велосипедом, он разумно решил укрыться в ближайшем соседском доме. Ну а потом уже и велосипед не понадобился: нужна была разве что лодка.

Когда мы дружно добрались, наконец, до бабушкиного дома, то с облегчением увидели его целым и невредимым, только повалило берёзу во дворе. При свете керосиновой лампы мы долго делились впечатлениями, утешая друг друга и радуясь, что живы.

Но «трое в лодке, не считая собаки», затерявшиеся где-то в волнах Припяти, не давали нам покоя: что же стало с мужчинами, уехавшими на охоту? Всю ночь мы не могли уснуть: ждали, что они вернуться. А их всё не было. Нервы у сестёр начали сдавать, и они дружно разрыдались. Наплакавшись вволю, они, наконец, взяли себя в руки, и Рая, с выражением безысходной тоски на лице, гордо произнесла: «Детей подниму сама!»

Начало светать. Утро принесло с собою новую надежду. К тому же все с нетерпением ждали поезда с юга, на котором под утро должна была приехать Лида с семьёй. Но их почему-то тоже всё не было и не было. Мы строили самые разные предположения, и ни одно из них уже не казалось нам невероятным в этот невероятный день.

Через несколько часов Лида, ко всеобщей радости, всё же появилась. Оказывается, их поезд в полной темноте проехал станцию. Света не было на много вёрст вокруг, и заметили это далеко не сразу. Первой забила тревогу Лида, увидев знакомые с детства силуэты ландшафта. Ей ничего не оставалось делать, как остановить поезд с помощью стопкрана. До следующей станции был ещё не один час пути. И поезд, как ни странно, остановился по требованию, посреди диких лугов.

Лида с Николаем ехали с Украины, конечно, не с пустыми руками. Август – время урожая. Они везли арбузы и дыни со своего огорода, на свою голову. Да ещё пару ведер с фруктами и орехами. Шли по шпалам до самой станции и не могли понять, что стало с их родным краем. Всё вокруг выглядело незнакомым, словно здесь прошёлся ураган. У них возникло странное подозрение. А когда вошли в саму деревню, то с ужасом всё поняли.

Где-то к полудню, наконец, появились и наши мужчины-путешественники. Все целы, но без лодки и без собаки. Нашли они далёкий островок, когда вдруг цвет неба изменился. Только вышли на берег, и началось! Хотели накрыться лодкой, но её тут же куда-то унесло: вглубь острова, на сушу. Собаку тоже унесло – только она одна знает, куда. И только через неделю, исхудавшая до костей, вернулась она домой: видно, долго искала дорогу, так как уехала из дому впервые и местности не знала. Шла, видно, вдоль по реке, против течения. От радости она долго не могла начать есть, пока трижды не облобызала каждого члена семьи.

Мужчины наши ночь пересидели на острове, а утром пошли искать свой «Летучий голландец». Лодка, как ни странно, уцелела, хотя «прочесала» весь остров. По бездорожью дотащили они её до воды. А потом вдруг решили, что негоже с пустыми руками возвращаться с охоты, и всё же подстрелили одну дикую утку (которую потом никто есть не мог). Домой доби-

рались так долго, потому что речка вся была запружена рухнувшими в неё деревьями, и лодка с трудом огибала их, то и дело застревая в намокших ветвях.

Наконец, вся семья собралась за большим столом. Постепенно все успокоились, а затем почувствовали прилив энтузиазма – пошли на экскурсию по деревне, проведать друзей и соседей.

Экскурсия оказалась незабываемой. Вид поваленных деревьев напоминал о мощности ветра: у многих погибли целые сады, с домов посрывало крыши, повывивало окна. Деревянные столбы линии электропередач были полностью уложены на дороги до самого горизонта. Тропинки были размыты ливневыми потоками, придорожные канавы превратились в венецианские каналы. Пострадали животные: где-то погибли свиньи в обрушившемся сарае, где-то куры и утки, коровы поломали ноги. Человеческих жертв, как выяснилось, не было.

Радио и телевидение не работали из-за повреждений на линиях. А в газетах потом написали, что это был смерч небывалой силы. Нам ещё повезло, что мы не оказались в эпицентре: где-то рядом переворачивало железнодорожные составы, а машины летали, как аэробусы.

Родители мои всё это увидели в программе «Время», но не могли нам дозвониться – связи не было ни телефонной, ни телеграфной. Вот уж поволновались!

Вот так однажды мне удалось соизмерить силу гравитации и природной стихии. Это было смешанное ощущение страха, беспомощности, но и, одновременно, азарта борьбы. Такое фантастическое зрелище я впервые видела наяву: необыкновенное, неправдоподобное и уникальное. Опыт, который я получила, послужил стимулом к занятиям спортом.

Я подробно записала тогда всё это в свой дневник: поэтому так хорошо помню детали спустя столько лет.

Создание собственной семьи

В студенческие годы я как-то не задумывалась о замужестве.

Во-первых, будучи чересчур ответственной, я полностью сосредоточилась на учёбе, и она поглощала все мои силы и время. Да и по вечерам я, в основном, сидела в библиотеках или на семинарах, образовательных курсах. Ещё в пятнадцать лет я осознала, как мало собою представляю. С тех пор доминирующим желанием стало самосовершенствование. К счастью, ко мне в руки вовремя попали редкие тогда книги Владимира Леви и Дейла Карнеги, заставившие поверить в себя.

Во-вторых, я совершенно не умела общаться с противоположным полом. Мама всю жизнь старательно предохраняла меня от коварства мужчин: она знала массу страшных историй и панически боялась, что что-то подобное может произойти с её наивной дочерью. Поэтому лет до 23-х я жила с установкой: держаться от мужчин подальше.

В-третьих, мне вполне хватало моих фантазий, книг с любовными романами, очаровательных киногероев и эстрадных певцов на экране. А если кто-то из сверстников и вызывал мой интерес, то я старательно заглушала его в себе, тщательно скрывая свои симпатии. Я боялась своих чувств.

А ещё я очень боялась своего отца: его старорежимные взгляды и строгие предупреждения заставляли меня трепетать. Я-то знала, на что он способен за послушание: мог и ремень взять в руки – в детстве мне часто перепадало подобное наказание.

В глазах родителей моей жизненной задачей было стать достойным гражданином своей страны – со строгой нравственностью и принципами коммунистической морали. «Комсомольское» воспитание прочно вошло в моё сознание и не допускало какого-либо кокетства или вольности в отношении мужчин.

Я была симпатичной стройной голубоглазой блондинкой с длинными волосами. Именно это и беспокоило строгих родителей: они регулярно «читали мне нотации» для профилактики.

Я носила строгие костюмы, тщательно скрывающие линии фигуры, и причёски с гладко зачёсанными волосами, убранными в пучок. Пользоваться косметикой мне запрещалось, разве что её не будет видно: прозрачный лак для ногтей и светлая пудра.

Так были заложены комплексы, с которыми мне потом пришлось бороться целых двадцать лет. Теперь я сожалею, что в своё время стеснялась молодёжной одежды, боялась даже простого макияжа и модных стрижек. Я стремилась быть незаметной: так было проще, безопаснее, что ли.

Стоило мне хоть чуточку принарядиться, как внешний мир сразу же становился агрессивным. Цепкие взгляды мужчин обескураживали меня, а придирчивые взгляды женщин заставляли делать каменное лицо и стоять по стойке «смирно». Про мою походку говорили: «качающийся столб». С прижатыми к бокам руками и опущенной головой я старалась пройти как можно незаметнее.

Лишь дома, наедине с собой, я могла позволить себе танцевать и петь. Эта свобода была такой сладкой! Но состояние творческого экстаза было для меня «запретной зоной». И было бесконечно жаль, что никто не увидит моих талантов. Лишь робкие стихи, что писала украдкой по ночам, оставались на память о тех днях. Я не понимала, что «тюрьма» была внутри меня, и все жизненные «ограничители», на самом деле – всего лишь призрачный фантом. Но тогда я жила по железным законам, подчиняясь чужой воле и общественному мнению.

Позже, лет с двадцати трёх, у меня периодически стали возникать дружеские отношения с ребятами, но только дружеские – никаких романов! Я панически боялась, что кто-то вдруг заметит, что я – особа женского пола, а не просто товарищ, поэтому вела себя соответственно: очень сдержанно, по-деловому. Никому я не позволяла нарушать эту дистанцию.

А ещё я очень боялась попасть в зависимость: зная властный и упрямый характер своего отца, я всячески избегала подобных мужчин и могла общаться лишь с тихими и покладистыми юношами. Поэтому долгое время ни о каком замужестве не могло быть и речи.

Однако, наступило время, когда мама спохватилась и забеспокоилась о том, что я могу остаться «старой девой», а это, вообще-то, тоже не входило в родительские планы. И тут на меня стали оказывать давление, буквально выставляя из дома – на поиски жениха.

Нехотя и в мрачном настроении я пошла на вечер во Дворец молодёжи. Это было 22 декабря 1987 года.

Новогодний концерт закончился. После него была, как водится, дискотека. Я давно разочаровалась в дискотеках: считала их детской забавой для бесшабашной молодёжи. Меня же привлекал особый тип мужчин: сдержанные, целеустремлённые, таинственные, недостижимые для обычных девчонок.

В этот вечер, в уютной атмосфере новогоднего праздника, ко мне вдруг подошёл юный паренёк с большими удивлёнными голубыми глазами и открытой улыбкой. Он пригласил на танец и больше не сводил с меня взгляда. Во время танца и после я не знала, куда деваться от его глаз. Захотелось сбежать. Но сбежать от него не удалось: с этого момента он стал ходить за мной буквально «хвостом». Он приезжал каждый день встречать меня с работы, а в выходные появлялся у моего порога прямо с утра. Он был очень внимателен и забот лив. Я поняла, что это – первое его серьёзное чувство, и осознала, наконец, как же мне повезло.

Витя оказался на два года моложе меня. Его чистая душа ещё не успела окунуться в круговорот жизненных проблем, его восторженные голубые глаза так мало повидали в этом городе, куда он приехал учиться в вузе. Скромный паренёк из тихой глубинки Костромской области, он выглядел удивлённым мальчишкой, которому всё вокруг было необычайно интересно.

Как можно было не ответить на чувства такого возвышенного создания?! Его лучистые глаза и ласковые руки быстро «отогрели» мою одинокую душу: он стал мне очень дорог и необходим.

Уже через месяц он сделал мне предложение. Такое бурное начал, отношений меня не испугало. Наоборот, я с радостью отпустила на волю все свои чувства, и они хлынули таким потоком, что не было никакого смысла ни ждать, ни скрывать их. Я дала согласие: мы поженились через три месяца после знакомства, **16 марта 1988 года**.

Во Дворец бракосочетаний приехала добрая половина родни, друзья, сослуживцы. Говорили, что я выглядела, как классическая юная невеста: традиционная фата с венком из белоснежных цветов, гипюровое многослойное платье. Особое удовольствие мне доставляли туфельки, белые с серебристым рисунком: таких красивых и удобных у меня ещё никогда не было. И никогда прежде я так не танцевала! Я чувствовала себя самой счастливой на свете. Восторг и покой впервые охватили мою мятежную душу.

После свадьбы наши отношения стали ещё нежнее и только крепили с каждым днём. Я, в свою очередь, старалась оправдать все его надежды. Раньше мне казалось, что я ещё и не живу вовсе, а только готовлюсь. И лишь теперь пришло ощущение полноты жизни, осмысленности её цели: давать счастье любимому человеку.

Мой сын – Чистяков Михаил Викторович

Ровно через год, **18 марта 1989 года**, у нас родился сын Мишутка – этакий крепыш и настоящий русский богатырь. Я чувствовала себя невероятно счастливой. Наконец-то, я сделала нечто значительное в своей жизни!

Мишутка был необыкновенно милым и славным ребёнком. Он быстро подрастал и радовал всех своей сообразительностью. В нём с самого раннего возраста чувствовалась большая сила и энергия, волевой характер. Конечно, иногда с ним было нелегко сладить, но я старалась предоставить ему больше возможностей для проявления себя, не подавлять его детские порывы. А получив свободу действий, он быстро всему учился сам.

Это было как раз время дефицита продуктов и товаров. Баловать было некогда и нечем. Мы с ним вместе стояли в многочасовых очередях за продуктами первой необходимости, которые продавались в строго ограниченном количестве, по талонам, за которыми, в свою очередь, тоже надо было постоять в очереди в паспортном столе.

Детское питание – молочные смеси и баночки с фруктовыми пюре – продавалось только в специализированном магазине, до которого ещё надо было добратся, строго по рецептам детской поликлиники, и к тому же надо было постоянно караулить его привоз, иначе могло просто не достаться. Ползунки и пелёнки «официально» продавались в единственном магазине «Аист», что на Васильевском острове, по талонам женской консультации, которые выдавались строго только женщинам, идущим в декретный отпуск. А подгузники приходилось шить самой – из марли, которая тоже была в страшном дефиците. Да ещё надо было раздобыть стиральный порошок и детское мыло, простояв пару часов в «душной» очереди.

И только тогда, придя поздно вечером домой с ребёнком в коляске, загруженной сумками с ценной добычей, можно было... не отдохнуть, а от души «оттянуться» в стирке подгузников и ползунков, что накопились за день.

Бытовые проблемы отнимали гораздо больше сил и времени, чем непосредственные занятия с ребёнком. Ведь почти всё приходилось делать вручную. Кипячение, утюжка, приготовление обеда и молочных смесей... Хорошо ещё, что долго кормила грудью (7 месяцев), пока он не попробовал более густой пищи с ложки, и тогда он стал требовать только ложку – как настоящий мужчина.

В свободное от кухни и стирки время я старательно шила и вязала на спицах малышу костюмы, комбинезоны, брюки и даже ботинки. Купить все это было очень трудно, да и не на

что. Иногда для того, чтобы выкупить детское питание в 10 утра, сначала приходилось в 8 утра заработать немного денег, постояв в очереди в пункт стекло тары – на сдачу молочных бутылок.

Наш папа тогда был студентом дневного отделения ЛИТМО, по вечерам после учёбы посещал школу менеджеров, а ещё учился на курсах в автошколе. Будучи старательным учеником, он одновременно был и хорошим отцом. Именно он больше всех играл с сыном: крутил-вертел его, подкидывал вверх, как мячик, от чего тот приходил в полный восторг.

Когда материальное положение стало совсем затруднительным, Витя пошёл работать ночным сторожем на соседнюю стройку, а заодно дворником в ближайшую поликлинику. Я гордилась им, и иногда ходила с ним – помогать по работе. Радостно смеясь, мы вместе подметали территорию или сгребали снег: вдвоём эта работа не казалась такой скучной. А на стройке однажды ему пришлось в одиночку тушить пожар ночью: он вовремя заметил дым и справился без помощи пожарных.

Когда ребёнку исполнился год, я решила, что мне тоже пора подрабатывать: надо было как-то обеспечивать текущие нужды. И я занялась пошивом одежды на дому. Целыми днями я металась между швейной машинкой и ребёнком. Мишка ползал по всей квартире и делал всё, что ему вздумается, к великому своему удовольствию. Я обучала его играть самостоятельно, чем он и занимался, но вскоре его приходилось мыть с головой.

Зато, когда я отдала его в ясли в полтора года, воспитатели были поражены тем, что ребёнок умеет самостоятельно есть ложкой, надевать штанишки, ходить на горшок и убирать игрушки, причём не только за собой, но и за другими детьми. И он не устраивал истерики по поводу отсутствия мамы, а с удовольствием играл и общался с другими детьми.

Миша рано начал говорить и с двух лет свободно общался со взрослыми: с воспитателями, с соседями, с гостями. Его высказывания передавались из уст в уста, как анекдоты, я иногда даже записывала их в книжку, на память. Они были так забавны и оригинальны.

Одно из первых его «гениальных» изречений я помню, как сейчас. Миша любил книжки про роботов и трансформеров. Но вот однажды в его руки попал медицинский атлас (ему тогда было 1 год и 8 месяцев), он впервые в жизни увидел скелет. Не зная, кто это такой, он изумлённо констатировал: «Мама! Йобот голенький!»

Впоследствии он хорошо рисовал скелетов, тщательно изображая каждый позвонок, каждую косточку, чем немало шокировал воспитателей в детском саду.

Примерно через год он уже высказывал собственные суждения обо всём на свете. Однажды, увидев два одинаковых «Запорожца», стоящих «нос к носу», он воскликнул: «Как два друг дружки стоят!» А в троллейбусе, увидев солидного военного в каракулевой папахе, он стал вслух высказывать предположения: «Ой, какой солдат!» Вокруг тихо засмеялись. «Нет, это не солдат, а генерал!» – смех вокруг стал громче. «...Нет, не генерал. Я знаю, это – Чапаев!» После чего весь троллейбус покатился со смеху, включая военного.

Миша рано стал проявлять самостоятельность, не только дома, но и в незнакомой обстановке: он никогда не терялся. Однажды в магазине, на виду у огромной очереди, трёхлетний карапуз прошёл под столом к продавцу, заглянул под прилавок и на вопрос, что он здесь делает, невозмутимо ответил: «Хочу посмотреть, что у тебя есть из-под прилавка?» – очередь разразилась дружным смехом.

В два с половиной годика он самостоятельно ушёл «по малину». Я долго и громко звала его, бегая по склону горы. Он прекрасно слышал меня, но откликнулся не сразу. На мой вопрос, почему он не отзывался, малыш с набитым малиной ртом спокойно ответил: «Мой рот всё время был занят!»

Его развитие шло с опережением: так считала наша участковая врач. Он был довольно крупным, в раннем детстве ничем не болел: мы с ним не знали, что такое диатезы или плохой аппетит. И я надеялась, что мой ребёнок станет сильнее меня в жизни. Таланты у сына были всесторонними. В 4 года он стал хорошо рисовать, к 6 – уже читал и писал. Правда, были и

проблемы: с двух лет у него появилось косоглазие, а когда в три года удалось его протестировать у окулиста, то выяснилось, что резко упало зрение правого глаза. Нам с ним пришлось долго, несколько лет, ходить на лечебные процедуры для восстановления зрения. А затем, в 6 лет, в детской глазной больнице ему сделали две операции подряд по выравниванию глазного яблока. Миша мужественно вытерпел всё, ни разу не жалуюсь.

Таким образом, к школе удалось восстановить зрение и исправить косоглазие. А это важно, как для учебного процесса, так и для отношений с одноклассниками. Я-то не понаслышке знаю, что это такое, когда тебя дразнят очкариком. Сама в детстве носила очки и не хотела подобной участи для своего ребёнка.

Мои родители в детстве слишком опекали меня, контроль был жёстким на каждом шагу. Я часто чувствовала давление с их стороны и бесконечные ограничения, отчего уже во взрослом возрасте иногда проявляла нерешительность и несамостоятельность. За своего ребёнка я никогда особо не волновалась, спокойно относилась к его играм, увлечениям, самостоятельным поездкам. Он с малых лет казался мне толковым и сообразительным человечком. Я чувствовала в нём природную смекалку и выносливость, чего не хватало мне самой.

Вспомнился ещё один случай. Мише было пять лет, когда он однажды «пошёл искать работу». Мы с ним жили на даче во Всеволожске. Здесь повсюду продавались фрукты и лакомства, но мы не могли себе этого позволить: нужно было достроить дом, в котором мы собирались жить. И мальчик решил научиться зарабатывать деньги. Утром я проснулась, а ребёнка нет дома. Заглянула на соседние участки, но его не нашла. По соседству сносили старые дачи пионерских лагерей. Немного встревоженная я вернулась домой и решила подождать, готовя завтрак. Должен же ребёнок проголодаться!

Через некоторое время Мишка пришёл сам, усталый и довольный, заявив, что «ходил на работу». Встал пораньше, надел нарядный белый костюмчик, меня будить не стал, и пошёл по соседним стройкам искать, не требуется ли где помощник. Работа для него нашлась быстро: неподалёку разбирали ветхое строение и сжигали обломки, надо было носить мусор в костёр – так он мне рассказал. И он, конечно, с удовольствием этим занялся вместе с «дяденьками-строителями». Похоже, все остались довольны. И настроение, и аппетит у ребёнка были отменными. Я отмыла его от сажи: тут же, в саду, постоянно стояла ванночка с водой для этих целей. Вот только белый костюмчик, в густой саже, уже спасти не удалось. Но я промолчала, стараясь не испортить победного настроения сына.

С шести лет я стала оставлять его одного дома, так как устроилась на вечерние обучающие курсы, чтобы получить профессию с новым названием «менеджер» и освоить компьютер: в 1995 году это было новшество. Однажды, позвонив сыну на перемене, я услышала: «Мама, в доме нет света. Но ты не волнуйся: я зажёл свечку на столе и газ на плите, – от них мне светло. А заодно решил и пельмени сварить, чтоб газ зря не горел!»

Довольно рано я начала с ним советоваться, а лет с десяти разговаривала часто как со взрослым. Лет с двенадцати он стал задавать вопросы такого глобального плана, что я терялась с ответом. К тринадцати годам вопросы уже можно было задавать ему. Он начал работать над своим характером и имиджем, а также занялся осмыслением своей личности: за год он прочёл полное собрание фантастического детектива «Секретные материалы». А вскоре его настольной книгой стала «Как завоёвывать друзей» Дейла Карнеги.

Иногда я чувствовала себя легкомысленной рядом со своим тринадцатилетним сыном и мне было неловко за свою беспомощность в решении его детских, но уже таких серьёзных проблем.

Единственное, что я могла сделать, это не навязывать ему своей точки зрения и своих ограничений в миропонимании. Уже тогда было ясно, что он во многом пойдёт дальше нас. Это естественный процесс эволюции. Дети и должны быть умнее нас.

Витя, конечно, тоже принимал активное участие в его воспитании. Иногда они подолгу спорили, но Мишу переспорить было практически невозможно, так что было непонятно, кто кого воспитывает. Может быть, Миша сомневался в правильности папиных советов, видя, что у того у самого проблем хватает в жизни? А может быть, новое поколение – новое мышление?

Во всяком случае, у Миши на всё была своя, независимая точка зрения.

В младших классах он занимался в кружке живописи, и его картины попали даже на городскую выставку во Дворце творчества юных (бывший Дворец пионеров). В одиннадцать-двенадцать лет он самостоятельно устроился в школьный духовой оркестр, научился неплохо играть на трубе-теноре. В тринадцать лет он увлекся сочинением эстрадных пьес на компьютере, освоив цифровые программы. Самостоятельно записал целый диск собственных композиций в стиле «рэп», сам сделал дизайн обложки для него. Лично я не отличала их по качеству от звучащей по радио профессиональной молодёжной музыки.

В этом возрасте у него начал ломаться голос, расти усы, начали меняться взгляды. Он был на целую голову выше своих одноклассников, которые рядом с ним казались слабенькими и шуплыми. Ко встрече нового, 2003 года, когда я готовилась в очередной раз сыграть роль Снегурочки, он обогнал меня по росту и вполне мог бы составить мне компанию в виде Деда Мороза.

Решение жилищного вопроса – пожизненная проблема

Самой большой проблемой и самой смелой мечтой в жизни моих родителей было получить отдельную квартиру. Отец полностью отдавал себя работе, соглашаясь на самую тяжёлую и невыгодную ради обещанной ему квартиры. Но много лет этот вопрос всё откладывался и откладывался его начальством.

Мы жили вчетвером в одной комнате, куда также регулярно приезжали родственники из других городов, чтобы провести отпуск в городе на Неве, друзья и земляки родителей, их дети, попавшие сюда на учёбу, их соседи, будучи проездом. Я помню, на полу часто едва хватало спальных мест. Меня иногда укладывали спать на общественной кухне, на раскладушке.

Разговоры об отдельной квартире были сказочно притягательны, и мне чудилось в этом решение всех семейных проблем.

Мечта о собственном доме, в котором я буду полной хозяйкой, стала и моей личной мечтой. Я выросла со стойким убеждением, что ничего нет на свете важнее, чем создание уютного дома и собственной семьи.

Все мечты когда-нибудь сбываются, и у моих родителей – тоже. В 1979 году мы, наконец, переехали в трёхкомнатную отдельную квартиру в Озерках. От её размеров у нас дух захватывало! Мы, шутя, «аукались», как в лесу, и радостно смеялись, что так далеко ходить из конца в конец квартиры, общая площадь которой была всего-то 63 квадратных метра.

Это был новый, по тем временам, тип жилья: дом-корабль. Правда, отца несколько огорчило, что нам достался первый этаж, но я выдвинула массу положительных аргументов в пользу этого. И вскоре, действительно, мы все оценили, как же нам повезло, когда однажды вечером пришлось влезать в окно из-за неисправности дверного замка.

Квартира поначалу была необыкновенно хороша, но с годами она становилась всё теснее и теснее и всё неудобнее. И вот уже с горечью мы сокрушались: «Ну кто же придумал такой идиотский проект?» – ни прихожей, ни кладовки. В коридорчике, ведущем на кухню, вдвоём не разойтись. Из-за тонких бетонных перегородок дословно слышен весь семейный скандал соседей.

«Корабли» давно уже сняты с производства, как непригодные к проживанию. Многие из них «рассыпались» и деформировались уже вскоре после постройки. Наша «коробка», правда, всё ещё стоит, вся в трещинах и с подвалами, полными воды. Но тогда, в далёком 1979-м мы

восхищались и любовались своей квартирой – всё ведь познаётся в сравнении, а мы не знали лучшего жилья.

Когда я вышла замуж, а точнее, никуда не «вышла», а, наоборот, привела мужа к себе, то начались новые проблемы: муж не нашёл общего языка с отцом. Появление ребёнка только усугубило отношения: отцу, который в то время был уже серьёзно болен, нужны были покой и тишина. Ребёнок же был необычайно подвижным. Отец, будучи собственником по натуре, чётко дал нам понять, кто хозяин в доме. Квартира, которую он «с таким трудом заработал и благоустроил», принадлежала только ему. Нас он рассматривал как временно проживающих. По его понятиям, святой долг и обязанность каждого человека – самому заработать себе жильё. Я ничего не имела против, но для этого в нашей стране, да в 1980-е годы, для простого человека не имелось ни малейшей возможности: просто не существовало такого права.

У мужа имелось койкоместо в студенческом общежитии. Он в ту пору был студентом второго курса вуза, приехавшим из глубинки. Для постановки на городскую очередь ему необходимо было иметь не менее десяти лет ленинградской прописки. А всё имущество его заключалось в том, что было на нём надето, плюс учебники...

Считалось, что отец всегда прав, поэтому мы пошли к юристам: искать выход из сложившейся ситуации, выяснять свои жилищные перспективы. Информация, которую мы получили, была просто ошеломляющей: на городской очереди нам пришлось бы стоять не менее сорока лет! Но мы не попадали под категорию очередников: 43 квадратных метра жилой площади (три комнаты) для шестерых – это считалось излишком площади. На строительство кооператива (предшественника частного жилья) у нас просто не было средств. Да и не предвиделось. О размене квартиры не могло быть и речи: отец бы этого не допустил. Да и первый этаж дома «корабля» имел плохую репутацию и считался неизменным вариантом.

Вот в такой «ловушке» мы оказались! И на ближайшее время нам была поставлена задача: «слезть с родительской шеи», заработать на собственное жильё. Было ясно, что обычному человеку с обычной зарплатой никогда не заработать таких денег.

И тогда наша молодая семья гордо приняла решение о независимости и пустилась в свободное плавание. От родителей мы уехали: я устроилась работать в ясли, которые находились во Всеволожске, – там предоставлялось жильё. Работа няни с дипломом инженера не была моей мечтой, но других вариантов жизнь пока не предлагала.

Это первое отдельное жильё казалось мне очень романтичным: комнатка в мансарде старинного деревянного особняка, с ветхой дачной мебелью и с небольшой кладовкой, про которую двухлетний Мишка говорил: «Там чудеса, там леший бродит!» Удобства были во дворе, но весь он был заполнен цветущим кустарником и клумбами, а хозяин дома, «деда Борисович», как называл его Миша, постоянно что-то мастерил во дворе, к большому Мишкиному интересу.

Витя в это время, оставшись в городе, начал активно работать «на телефоне», прозванная тогда ещё печатную газету «Реклама-шанс» в поисках вариантов жилья. Тогда и началась целая эпопея приключений и катаклизмов в жилищной сфере. Видно, так было заложено самой Судьбой: пожизненное испытание жилищной темой. Этот остросюжетный сериал не прекращается и по сей день.

Сначала Вите попала одна маклерша, которая пообещала помочь вполне законным способом, если мы найдём для неё ссуду на приличную сумму денег: всего-то на два месяца! И Витя самоотверженно занялся поиском денег: он обошёл всё своё общежитие и занял различные суммы у знакомых и друзей, да ещё немного добавил мой отец – спасибо ему за это, конечно.

После торжественного вручения маклерше оговоренной суммы нам не пришлось долго ждать – она сразу же таинственным образом исчезла. Деньги, собранные в долг, Вите пришлось всё лето отрабатывать в стройотряде.

Осенью тема недвижимости поглотила нас целиком. Люди часто обращались за помощью в обмене квартиры: не каждому давалась эта хитрая наука: построить обменную «цепочку», отселить соседа, помочь с ремонтом, с переездом. В любую работу мы впрягались с энтузиазмом: ведь надо было на что-то жить. В общем, в поисках жилья и заработка Витя так поднатерел в жилищных процессах, помогая другим, что и сам вскоре стал профессионалом в недвижимости. В конце концов, в одной из цепочек, куда мы вложили немного денег, нам выпала небольшая комнатка, обугленная после пожара. На неё страшно было смотреть, но это был уже первый наш реальный адрес с пропиской.

Мы решили не останавливаться на достигнутом и, отремонтировав это пепелище, а заодно и места общего пользования, мы легко разменяли обновлённую квартиру. Следующую комнату, полученную в результате расселения, мы продолжали обменивать дальше, каждый раз понемногу улучшая параметры своего жилья. Обмены совершались почти ежемесячно – так рьяно мы взялись за дело. Но переезжать так часто смысла не было. Поэтому сами мы жили на съёмной квартире. Мы лезли из кожи вон, чтобы достичь желаемого результата, ведь в начале девяностых напрямую ничего купить было невозможно: права собственности на жильё не существовало в законодательстве.

Снятая в аренду квартира в Весёлом посёлке, на улице Шотмана, стала нашим вторым местом жительства. Её мы отмыли и обустроили уже на свой вкус – мебелью, сделанной своими руками из обрезков мебельного производства – таких чудесных маленьких дощечек из ДСП. Мы понаделали массу причудливых полочек, навесных шкафчиков, так что квартира получилась очень уютной. Гости, осматривая её, обычно с восхищением говорили: «Голь на выдумки хитра!» Здесь мы прожили два года.

В то время я, в основном, занималась ребёнком, домашним хозяйством и помощью мужу в качестве телефонного диспетчера; а ещё – шитьём, вязанием, добыванием пищи, отстаивая огромные очереди; домашним консервированием и заготовками на зиму. Воспитание постоянно напоминало мне, что главное для женщины – это сытая семья, тёплый уютный дом, ухоженный муж и здоровый ребёнок. Я просто не поняла бы тогда, что существует какое-то ещё более высокое предназначение женщины. Витя же увлёкся ремонтом квартир, реставрацией ветхих загородных дач, не забывая при этом регулярно обменивать нашу комнату.

Через два года закончился срок аренды жилья, и мы сняли следующую квартиру – на Ленинградской улице во Всеволожске, который стал уже привычным. В ней пришлось сделать основательный ремонт, зато цена аренды была минимальной: 50 долларов в месяц. Её мы тоже целый год с любовью благоустроивали и улучшали.

Всеволожская природа настолько тронула наши сердца, что мы решили остаться здесь жить. Причём не в бетонной «коробке», как прежде, а среди зелени, цветов и щебетанья птиц: на собственном участке. Словом, появилась новая идея, новая мечта: построить свой дом.

Как только появилась такая возможность, мы начали активно искать варианты. Такие трудоголики, как мы, были способны на всё! В результате 22-тикратного обмена нашей комнаты (я сосчитала без ошибки, не сомневайтесь), мы, наконец, подошли к решению собственного жилищного вопроса. За эти годы комната выросла в двухкомнатную квартиру. Пора было сделать выбор: переезжаем в квартиру или рискнём построить на земельном участке.

Нам вдруг так захотелось уйти от стереотипов, что решение построить собственный дом показалось единственно верным. Тем более что соотношение цен тогда было таковым, что за одни и те же 12 тысяч долларов можно было купить как двухкомнатную квартиру в Петербурге, так и построить двухэтажный коттедж во Всеволожске. В то время люди больше держались за городскую жилплощадь. А коттеджное строительство только-только начинало разворачиваться.

Мы заказали проект двухэтажного дома в архитектурной фирме: его сметная стоимость была около десяти тысяч долларов (1992 год). Именно в этот момент началась приватизация

жилого фонда, возникло право собственности и продажи. Продав свою заработанную «потом и кровью» двухкомнатную квартиру, мы были несказанно счастливы: денег должно было хватить на нашу мечту.

Наш коттедж во Всеволожске

Первой проблемой на этом пути оказалось приобретение участка. Земля ещё не оформлялась в собственность, а все другие способы её покупки допускали возможность обмана. Вот и нас не миновала сия чаша: в течение одного сезона мы покупали участок три (!) раза, и каждый раз он оказывался не нашим.

Приезжаешь, бывало, на облюбованный кусочек земли, расчистишь его, засучив рукава, сделаешь необходимые замеры, начертишь план, потом привезёшь архитекторов, которые делают привязку проекта к местности, помечтаешь у костра с друзьями, придумывая ландшафтный дизайн. А через неделю, смотришь, чей-то экскаватор уже копает здесь котлован, а рядом лежат чьи-то строительные блоки. И новый хозяин со своими друзьями уже сидит у нашего мангала. Просто нам продали один и тот же участок. И так три раза подряд! Как в сказке. Мы были молоды и неопытны в таких делах.

Но всё же эту проблему мы преодолели, и к весне **1993** года у нас, наконец, действительно появился свой участок. Некое деревянное строение, уже разрушенное, но имеющее официальный адрес, дало нам спасительную возможность документального оформления. Во всяком случае, это была уже законная купля-продажа.

Всю предыдущую зиму мы усиленно готовились к началу строительства: всей семьёй, включая Мишку, мы зарабатывали деньги на ремонте старого сгнившего дома в Бернгардовке, взяв в подмогу ещё одну семью – наших приятелей. Мужчины перестилали полы, таскали брёвна, доски. Мы с подружкой занимались покраской и обоями, а трёхлетний Мишка носил дрова и топил печку. Работы хватало всем. Однажды, в одном из таких заброшенных домов, Мишку привлекла таинственная тумбочка. Он с интересом заглянул в неё, но тут же разочарованно закрыл дверцу. А на мой вопрос ответил: «Да там какая-то неприятность лежит».

Затем был ремонт ещё одного дома, и ещё одного... И в холод, и в жару мы выполняли любые работы, учились по ходу дела, часто проявляя недюжинную выдержку и настойчивость. Помню, как-то раз морозной и снежной зимой, когда мы красили двери и окна в заснеженном дачном доме, вдруг вырубилось электричество. И пришлось мне докрашивать рамы, держа во второй руке свечку. А Мишке – усиленно топить печку с фонариком.

Сын в четыре года уже умело забивал гвозди и складывал из кирпичей экзотические сооружения. Кстати, доставкой кирпича для печек и каминов приходилось заниматься мне. И разгружали мы его все вместе.

Вообще, стройматериалы в то время тоже были в дефиците, и масса времени уходила на их поиски. Их нужно было не просто купить, а «достать». Это волшебное слово: «достать»!

А потом, я помню, мы таскали на себе все эти ящики и коробки с гвоздями, петлями, скобами, шурупами, ручками и замками. Не считаясь со своей спиной, я брала на себя любую нагрузку, какую только могла вынести. К счастью, у нас появился первый «крылатый» «Запорожец». И нагружали мы его беспощадно, как и свои спины.

И вот к весне **1993** года всё было готово для старта: началась «великая стройка века».

Сначала всё шло как будто по плану: фундамент был благополучно заложен в апреле. В июне прямо на глазах начали расти кирпичные стены. Работы велись под мудрым руководством опытного прораба Саши из Литвы: он знал все новейшие европейские технологии. Ни что не предвещало беды.

По расчётам, строительство дома должно было завершиться за год-полтора. Наша дружная семья, отказывая себе во всём, ничего не покупая, никуда не выезжая, работала чуть ли не

круглосуточно на этой стройке вместе со строителями. С моих рук слезала кожа, а позвоночник рвался на куски после уборки строительного мусора и разработки земли. На тот момент достижение заветной цели, казалось, было так близко. Этот оптимизм нам дорого обошёлся. Мы получили большой нервный срыв и удар по здоровью. Государство готовило всем большой сюрприз: страна впервые столкнулась со взрывным ростом цен.

Вдруг началось нечто невообразимое: не смерч, не ураган, не наводнение... Но такое, чего мы тогда и представить не могли. Мир сошёл с ума: цены, которые были стабильными на протяжении десятилетий, цены, которые я знала наизусть, вдруг начали стремительно меняться. Стоимость стройматериалов с каждой неделей удваивалась. Мы хватались за головы. Но это «стихийное бедствие» неумолимо разрасталось в глобальный финансовый кризис.

Это был именно тот год, когда за одно лето **1993 года**, без шуток, цены выросли в 5–10 раз! Никто не мог предвидеть такого «обвала», это была первая подобная инфляция на моём веку. Мы, как ошпаренные, пытались запастись исчезающими стройматериалами: народ сгребал с прилавков магазинов всё подряд. У нас на стройке шла просто бешеная гонка: кто быстрее – рост цен или рост стен?! Надежда умирает последней: мы решили не сдаваться.

В сентябре, под проливными дождями, наконец-то, была закончена крыша. Я собрала нашу бригаду за большим домашним столом, мы торжественно подняли бокалы за новую крышу с тостом: «Чтоб не поехала», и на этом все наши силы и средства закончились...

Витя успел запастись трубами для отопления и водопровода, утеплителем для крыши и станком для производства рам и дверей. Оконные и дверные проёмы были заколочены на зиму. И стройка остановилась. Приближался пугающий период застоя.

Несмотря на возникшие проблемы с деньгами, мы решили ещё поднапрячься и заработать денег на доделку. Хотя после такого напряженного лета сил почти не оставалось, мы снова дружно взялись за ремонтные работы и восстановление старых домов, заодно помогая их хозяйкам с обменями и продажами – полный комплекс услуг. Витя достиг такого профессионализма в этом непростом деле, что спокойно мог по заказу построить любую дачу, у него развились неплохие организаторские и архитектурные способности.

Как раз тогда стали появляться агентства по недвижимости, мы стояли у истоков этой новой отрасли. Опыта у нас было уже немало. Поэтому меня с удовольствием взяли агентом в «Адвекс», где я с ходу включилась в работу. Деньги я стала зарабатывать приличные, но и инфляция не хотела ждать, стремительно бежала вперед, обгоняя нас.

Этот год стал знаменательным по количеству стрессов. Сколько головных болей и сердечных приступов он нам доставил! Но чему быть, того не миновать. Оставалось только терпеть и преодолевать обстоятельства, сжав зубы, оставаться твёрдой в своих решениях. Именно тогда я научилась улыбаться и держать форму, несмотря ни на что.

Порой становилось невыносимо тяжело, и тогда я старалась взглянуть на всё как бы со стороны, увидеть смешное, забавное в каждой ситуации. Без чувства юмора было бы просто не выжить. Что эти трудности! Миру интересен лишь твой успех.

Именно в **1993 году** я снова занялась творчеством, но уже на совершенно ином уровне. Стихи приходили ко мне, как будто невзначай, во время однообразной физической работы. Я записывала их на клочках бумаги, рассовывая по карманам. Потом сама удивлялась тому, что получилось: перечитывая их, словно разгадку секретного шифра.

На фоне жизненного кризиса я поняла, что ничего нет на свете важнее, чем эти духовные озарения и взлёты. Ведь в собственном воображении мне открылся **новый источник энергии!**

Жилищная проблема перестала казаться неподъёмной, когда у меня появилась отдушина. Есть такое понятие – «катарсис», означающее снятие эмоционального напряжения в деятельности воображения. В искусстве происходит очищение от сильных эмоций, путём пере-

плавления их в творчество, в произведения искусства. В тридцать лет я открыла для себя новый способ самоисцеления: творчество.

Именно в этот период моё мировоззрение начало сильно меняться. Я поняла одну истину: мало построить красивый дом! Надо наполнить его содержанием и смыслом, а не только мебелью. Мне вдруг захотелось организовать в этом доме увлекательную, насыщенную жизнь, свой особенный распорядок. Я мечтала щедро устраивать праздники и литературные вечера в гостиной у камина, музыкальные встречи у рояля.

Весь дом, собственно, и состоял из одной гостиной размером в 70 кв. м, которая была полукруглой формы, а высота её достигала 6 метров; половина гостиной была выполнена из стекла, а остальной интерьер составляли внутренние балконы с причудливо изогнутой лестницей, ведущей на второй этаж, где располагались две спальни. Проект мы придумывали сами, а архитекторы только слегка подкорректировали его.

Ещё у меня появилась мечта создать эстрадно-театральную студию в нашем Доме культуры и организовывать там блистательные шоу-программы, чтобы дать людям возможность хоть иногда порадоваться жизни и отдохнуть от своих забот.

В то время я была активной участницей всех мероприятий в нашем Всеволожском ДК, и даже играла в Народном театре.

Зима стала подходить к концу. Мы готовились к продолжению строительства. Я всё ещё верила, что смогу сдвинуть любое дело с мёртвой точки. Но тут стало сильно подводить здоровье: резкое обострение остеохондроза после каждой нагрузки на работе тут же вызывало и сердечный приступ – ничего удивительного: старая травма давала о себе знать. К тому же мне пришлось сделать серию операций на носовых пазухах. У меня развилась аллергическая реакция на строительную пыль и химикаты.

Перечитывая сохранившийся дневник, который тогда вела, я ужасаюсь, сколько физических мучений пережила. Злой рок преследовал меня неотступно. Именно тогда я впервые узнала о законе кармы (механизме причинно-следственных связей). Возможно, всё это являлось искуплением каких-то ошибок в прошлом. А возможно, я просто отклонилась от своего истинного пути и тратила себя не на то, что было суждено? Как знать... Но это отразилось и на темпах строительства: муж не мог полноценно работать в одиночку – мы привыкли быть в одной связке.

Спасала меня музыка и медитация. Я молила помощи у Космоса... И дикая боль в спине отступала, а высокая температура снижалась. Исцеление музыкой показалось мне Знаком Судьбы.

Витя сильно изменился за этот год, это видно даже по фотографиям: повзрослел, отпустил бороду. Время, заботы и невзгоды делали своё дело... Его терпение поражало всех: он очень дипломатично решал самые острые проблемы и мужественно выдерживал все удары Судьбы. А она часто ставила нас в тупиковые ситуации, когда обманывали даже близкие друзья и крепко подводили партнёры по бизнесу.

Миша взрослел на глазах, ему пришлось разделить с нами все тяготы и невзгоды. Он всё это время пытался быть главнокомандующим в семье, его сообразительность и рассудительность в 4–5 лет удивляла даже наших коллег. Судя по сохранившимся альбомам, он хорошо рисовал сложную технику со множеством деталей, сам конструировал, «как папа», разные сооружения и всем вокруг давал советы. На стройке он постоянно задавал рабочим вопросы, требуя обоснования тех или иных действий. И вопросы эти не были совсем детскими.

И вот долгожданная весна пришла. Мы снова собрали бригаду рабочих и сами впряглись в работу на стройке. Я с воодушевлением занялась весенней расчисткой участка, целыми днями сжигая строительный мусор и горы еловых шишек. Витя начал завозить материалы. И работа закипела снова! Шёл ещё один суровый, **1994 год...**

От нашей квартиры в районе Котово Поле до стройки было минут сорок ходьбы: топтать приходилось по грязи, да ещё с ребёнком. Такие неоправданные траты энергии не входили в мои планы, и я упростила задачу, найдя временное жильё в двух шагах от нашей стройки. Тем более что квартиру, снятую на один год, по договору пора было освобождать. Мы надеялись, что этот, четвёртый переезд, будет последним, по крайней мере, в этом столетии.

Переехали мы в дачный домик, пустовавший на соседском участке. Теперь наша родная стройка была прямо под окном. Какое это было живописное место – как с картины Шишкина: корабельные сосны, пушистые ёлочки, старинные изгороди. И наш красавец-коттедж тут же, рядом. Перед его полукруглой стеклянной стеной лучами расходились свежие клубничные грядки, которыми я с упоением занималась каждый день. В уголках расчищенной территории уже тянулась к солнышку юная сирень, бережно выкопанная мною на соседних пустырях. Я старательно сажала цветочные клумбы, всё время боролась с сорняками и строительным мусором, который прибывал ежедневно. Очень хотелось, как можно скорее, благоустроить теперь уже родную территорию.

Мой отец в мае **1994-го** впервые приехал во Всеволожск. Он не одобрял наших диких перегрузок работой и стремления к независимости любой ценой. Будучи человеком очень осторожным, отец привык жить скромно, неприметно, и меня учил сдержанности и послушанию, а тут – дети «размахнулись» аж на целый коттедж. Но всё же, видно, любопытство одержало верх, и он приехал к нам.

Увидев наше добротное строение, отец пришёл в восхищение, его строгое сердце оттаяло. Он был чувствителен к красоте и загородному воздуху, да и сам был бы рад жить на природе. Отец даже изъявил желание помочь нам: ведь он так много умеет делать руками. Наконец-то, у него будет возможность всё это применить с пользой для дела. Вот только сначала поправится: ведь у него уже целый месяц держалась повышенная температура и её было ничем не сбить. Врачи не могли определить причину.

Отец так хотел приехать туда вновь. Но это было уже не суждено... Восемь месяцев он боролся с недугом, а болезнь всё прогрессировала, и наши доблестные врачи не знали, чем он болен, и как это лечить.

В доме закончили внутреннюю штукатурку, залили бетоном полы, привели в порядок подвал. Монтаж отопительной системы был успешно завершён. На установленном в подвале станке изготовили деревянные оконные рамы и наружную дверь. И на этом средства закончились вновь! Витя разводил руками, мол, он ничего не может сделать. Мы оказались в тупике. Благодаря бешеной инфляции, которая обрушилась на нашу страну в те непонятные **«лихие 90-е»**, наша стройка остановилась где-то на середине пути.

Конечно, среди голого бетона жить было нельзя, но надо было где-то жить. И... Витя начал залезать в долги, надеясь, что осталось уже совсем немного. Ведь была ещё середина лета. Он хотел во что бы то ни стало к зиме переехать в свой дом.

Мы надеялись, что сможем отделать хотя бы одну комнату, где можно было бы пережить зиму. Но, будучи в некоторой растерянности, Витя почему-то решил строить большое бетонное крыльцо, затем отмостку и водосточные трубы, которые, несомненно, были необходимы, но мало что изменили. Он не знал, за что хвататься: всё так стремительно менялось, а средства так быстро таяли.

Николай Александрович, отец Вити, привёз из своей деревни целую машину досок. Это было в некотором роде подвигом: дорога была неблизкой – около суток пути. Здешние цены были для нас уже недоступны. И оплачивать труд рабочих мы уже не могли, поэтому Витя с отцом взяли работать вдвоём. Они стояли плечом к плечу на стройке с утра до вечера: вырезали и собирали деревянную лестницу на второй этаж, приделывали аккуратно отшлифованные подоконники на окна.

Естественно, в то лето весь остальной бизнес был заброшен. И это было главной ошибкой: время было упущено, цены резко менялись. Я видела, что поступления средств больше ниоткуда не предвидится. А жить в доме без коммуникаций и сантехники, без внутренней отделки, с бетонными полами, без дверей – было невозможно.

Всё ещё осложнялось тем, что не было средств и просто «на жизнь»: все лето мне приходилось варить щи из крапивы. Мы отказывали себе во всём: просто выживали, сидя «на коробках», практически ничего не покупали, кроме стройматериалов.

Во Всеволожске работы я не нашла. В то время вся инфраструктура там состояла из одних магазинов и ларьков. Мне пришлось ездить в город на электричке в агентство по недвижимости. Я устроилась в только что открывшийся «Адвекс». Работа агента заключалась в многочасовых переговорах по городскому телефону, в организации просмотров квартир с клиентами. Мне приходилось «на своих двоих» мотаться по всему городу, а потом добираться поздно вечером домой на электричке. Дойти от станции до дома я могла уже только босиком, неся в руках модные туфли.

Однажды, совсем измученная, нагруженная тяжёлыми сумками с продуктами, я понуро тащила домой. Вдруг меня окликнула старушка: «Доченька, а ведь ты ещё судьбы своей не знаешь! Твоё будущее будет совсем другим...» Я оглянулась: нет, не цыганка. Но, как обычно, только отмахнулась, не веря предсказаниям. Удаляясь, я услышала вслед: «Ты будешь на подиуме стоять, или на трибуне. А твоё лицо увидят тысячи людей». Я была удивлена: ведь ни о чём подобном я даже не мечтала. Будучи «запряжённой» в такой неподъёмный воз проблем, я мечтала только об одном: иметь крышу над головой и спокойно готовить домашние обеды. Семья была для меня главным в жизни. В тот период я чувствовала только одно: нужно спасти нашу мечту – достроить семейный очаг!

Чтобы рационализировать этот процесс, я сняла комнату на улице Рубинштейна. Три часа времени появились в моих сутках, ранее затрачиваемые на дорогу во Всеволожск. Я занялась расселением многокомнатных коммуналок, которых было предостаточно в этой части города. Работа шла неплохо, контакты с заказчиками быстро множилось, сделки складывались в хорошие доходы. По шестнадцать часов в сутки я крутилась, как белка в колесе, но погасить долги по стройке никак не удавалось.

Да и жильё мне попало непростое – с обременением: старушкой, которая поставила мне условие ухаживать за нею, убирать и стирать её бельё. Зато я имела хорошую скидку за аренду. Помню, однажды придя с работы, я увидела полную до краёв ванну замоченного белья. Оказывается, оно копилось целый год! О стиральных машинах в то время ещё мало кто мечтал. И я стирала, и полы мыла, и посуду её чистила, сдирая кожу с рук.

Всё бы ничего, но однажды старушка, пригласив компанию странных субъектов, устроила пьянку на всю ночь. Я со страхом заперлась в своей комнате, вздрагивая от грохота за стеной и звона перевернутого стола с посудой. Это был настоящий погром под музыку с хохотом. Всё стихло только к семи утра. С опаской, на цыпочках выбравшись из своей комнаты, я ужаснулась от увиденной картины: люди и вещи валялись на полу, как после побоища. Все были без чувств. В туалете на боку лежал разбитый унитаз.

А ещё вдруг зазвонил городской телефон, и мужской голос поинтересовался, кто я такая. Ответила, что снимаю здесь комнату. «Ту, что самая дальняя? – спросил мужчина. – Это же моя комната!»

Оставаться здесь я больше не могла: быстро собрав вещи, я съехала сразу. Безобидная с виду старушка взяла с меня деньги вперед за не принадлежащую ей комнату.

На соседней улице (ул. Ломоносова) снимала комнату моя приятельница. Мне было некуда деваться, и я пришла ночевать к ней, фактически в коридоре девятикомнатной коммунальной квартиры. На полочке стоял общий телефон, под которым я и устроилась на газетке. Вспомнился Чебурашка, который, вообще, жил в телефонной будке.

Помню, много часов я просидела на полу в обнимку с телефонным аппаратом, пытаюсь найти по объявлениям в газетах приемлемую по цене комнатку. В те времена всё было в дефиците. Но мне опять помог случай. Однажды вечером, на просмотре одной из расселяемых коммуналок, одинокая старушка предложила пожить у неё. И не где-нибудь, а прямо на Невском проспекте.

Витя больше не мог заниматься шлифовкой подоконников – начинались заморозки. На летней даче, что мы снимали, было уже слишком холодно по ночам. Он долго не хотел сдаваться, никуда не собирался переезжать, кроме своего дома. Но, когда в комнатах вещи покрылись инеем, а щи в кастрюле замёрзли, пришлось всё бросить. Отец Виктора уехал в деревню.

Забрав ребёнка из Костромской области, где он проводил лето с бабушкой Ниной Николаевной, наше семейство поселилось в 13-метровой комнате второго этажа, над знаменитым «Литературным кафе», с окном прямо на исторические места Невского проспекта. Наше шестое по счёту место жительства имело свои особенности: оно давало мне уникальную возможность переглядываться с пассажирами городского транспорта, проезжающего в четырёх метрах от моих глаз. А мебель при этом содрогалась так, что посуда подпрыгивала в шкафу. Я думала, что никогда не смогу заснуть в этой комнате. Но человек ко всему привыкает, особенно если нет другого выхода.

Мишу я устроила в ближайший детский садик на Большой Конюшенной улице, где сейчас находится роскошный ресторан, в пяти минутах ходьбы от дома. А прямо напротив открылось новое агентство по недвижимости. После огромных Всеволожских расстояний даже полчаса ходьбы мне казались пустяком. А здесь всё было под рукой. Пять минут пешком – до театра эстрады или до Дворцовой площади. В общем, место было уникальное. Очень интересно было так кардинально изменить место жительства. Вся семья опять была в сборе. Мы перевезли вещи из Всеволожска, который уже покрылся снегом. Пришлось обустраивать быт на новом месте.

Цены взлетели так, что при подсчёте оставшихся доделок в доме выяснилось, что нам не хватает ещё тридцати тысяч долларов! Среднемесячная зарплата составляла тогда 500 долларов. И аренда маленькой квартиры – тоже 500 долларов в месяц. Шёл **1994 год**.

Витя впал в депрессию, «дошёл до ручки»: спал целыми днями и не мог выспаться... Хорошо ещё, что он что-то готовил на кухне и забирал ребёнка из садика. Но работать, как прежде, он уже не мог: силы закончились. Я продолжала работать по **16 часов** в сутки, но наши долги от этого не уменьшались.

В начале зимы и у меня здоровье совсем расстроилось: начались частые кровотечения отовсюду, сердечные приступы. Я тогда ещё не знала, что у меня особая форма гемофилии. Работала, как зомби, как одержимый маньяк. И в один прекрасный момент «сорвалась»: попала в больницу, и надолго. После такого перенапряжения я поняла, что мы уже не осилим эту стройку. Извержение обстоятельств было не подвластно человеческой воле. Это было крушение нашей мечты.

Витя же, по инерции, продолжал залезать в долги, чтобы ежемесячно выплачивать проценты по предыдущим долгам. Это было всё, что он мог делать.

Ясно было, что ситуация стала критической. Я жила со страшным ощущением, что мы катимся в скользкую, глубокую бездну. Слабые Витины попытки реанимировать брошенный бизнес не дали ощутимых результатов. Нас одолевала смертельная усталость. Больше не было сил бороться. Жизнь со всех сторон ставила тупик.

А я, выйдя из больницы, сразу же попала туда вновь, с осложнениями. А потом ещё раз. И ещё раз!

Витя тоже свалился с очень высокой температурой. А за ним следом и Мишка: началась эпидемия гриппа. Так мы, лёжа с градусниками и компрессами на лбу, дружно встретили новый, **1995 год**.

Возвращение на круги своя...

Подводя итоги года, мы пришли к выводу, что пора менять жизненные цели. Инфляция и другие государственные реформы устроили нам полный нокаут. Силы и средства были израсходованы, а цели так и не достигнуты.

К тому же резко подводило здоровье: то меня, то Витю периодически увозила скорая с сердечными приступами. Это была просто какая-то напасть!

Наша выносливость и вера в себя были подорваны. Лекарства стали нам не по карману, за квартиру нечем было платить, а кредиторы ждали возврата долгов.

Под гнётом усталости и отчаяния я уговаривала Витю продать коттедж – уже не могла о нём думать без боли. Ежедневные бытовые проблемы стали невыносимы для больного отчаявшегося существа, которое я из себя представляла. Ребёнок стал жутко капризным и неуправляемым, у него резко упало зрение, развился логоневроз.

Сам Витя почти не вставал с постели от сильной слабости. Он ни на что не мог решиться. Но жизнь требовала принятия радикальных решений, ведь от этого сейчас зависела наша жизнь. И решение приняла я.

В середине января **1995 года**, в полуживом состоянии сбежав из кардиоцентра, я приступила к «ликвидации последствий чрезвычайной ситуации», которая ставила перед нами вопрос выживания.

Было решено поскорее продать дом и купить готовую квартиру, в которой можно будет восстановить свои силы. Нам жизненно необходима была передышка.

Мы съездили в заснеженный Всеволожск, сфотографировали наш красивый коттедж со всех сторон и дали объявления в рекламные газеты. Я разработала рекламный буклет: начертила подробные планы всех этажей, туда же вставили фото фасада. В типографии нашего агентства, где я всё ещё числилась, напечатали эти рекламки. Надежда на быструю продажу была вполне обоснованной.

Но тут я снова попала в больницу – на целый месяц. После пустяковой операции, которой я не придавала особого значения (удаление крохотной опухоли), у меня 8 (!) раз открывалось артериальное кровотечение. Врачи не могли справиться с этим из-за общего ослабления организма. Никакой наркоз из имеющихся в наличии я не переносила из-за аллергической реакции. В конце концов меня пришлось просто «зашить» без наркоза, прямо посреди ночи, так как до утра я уже могла бы не дотянуть.

В тот день, **10 февраля**, все говорили, что я заново родилась. И это было уже не в первый раз: моя жизнь «висела на волоске» **12 марта 1986 года**, когда мне сделали полостную операцию на диафрагме. Операция была несложной, но из-за непереносимости наркоза возникли осложнения, и я несколько дней провела под наблюдением реаниматолога.

Зато потом я перестала бояться боли, хирургии и, вообще, смерти. Я тогда так много насмотрелась на это всё. Да и простая боль неопасна, в отличие от обезболивающих средств. Даже зубы после этого я просила лечить мне без новокаина, к удивлению врачей. Мои носовые пазухи также оперировали без наркоза. Пока не изобрели новые лекарства, мне периодически приходилось проявлять вынужденный героизм.

Я выбралась из больницы 15 февраля, и тут же меня свалил на редкость тяжёлый грипп. Чёрная полоса в жизни продолжалась. Мы с Витей лежали пластом с температурой, от которой зашкаливали градусники, и не могли пошевелиться. Маленький Мишка заразился от нас, но будучи мужичком покрепче, ещё мог как-то ухаживать за нами. Шестилетний ребёнок поил нас лекарствами, давая ложечку «за папу», ложечку «за маму».

На душе была убойная тяжесть: слишком долго стояли все дела; со съемной квартиры надо было съезжать – нечем было за неё платить; невозвращённые долги грозно висели над головой; денег не было даже на лекарства, да и некого было за ними послать.

И в этом состоянии мы получили известие о смерти моего отца! Он умер **22 февраля 1995 года**, перед этим много дней не приходя в сознание. Мама впала в полное отчаяние, непрерывно и безудержно рыдая не в силах смириться с этим страшным событием.

Мне удалось повидаться с отцом накануне, когда он был ещё в сознании. Я как раз сбегала из больницы на один вечерок и приехала к родителям.

В тот вечер мы очень душевно с ним поговорили, я показала ему свежие фотографии нашего коттеджа среди заснеженных сосен, при знавшись, что мы решили его продать. Но пообещала, что купим квартиру недалеко от них. Папу это даже обрадовало. Уж он-то знал, сколько нужно надрываться, чтобы достроить такой дом. Мы впервые тогда нашли общий язык, но так и не успели наговориться.

В то страшное утро мы с Витей, конечно, сразу же приехали к маме: оба с высокой температурой, едва стоя на ногах, и... конечно же, свалились совсем.

Было страшно за маму – она так сильно похудела и всё время плакала, плакала... Мы решили остаться у неё, надеясь, что хоть как-то сможем помочь друг другу, если будем рядом.

Я пишу так подробно об этих событиях благодаря своему дневнику, который весь закапан слезами. Тяжёлые страницы жизни. Их нельзя забыть.

Седьмой переезд дался нам с огромным трудом: возвращение в родную квартиру, в ту комнату, где умер отец.

Даже все вместе, помогая друг другу, мы долго не могли выкарабкаться из недугов. А я тогда и вовсе умудрилась проболеть весь март и весь апрель.

Но и в мае проблемы не закончились: Мишу положили в больницу для плановой операции по лечению косоглазия. Я дежурила у его постели и днём, и ночью. Но, приехав домой отоспаться, я обнаружила, что Витя не сможет сменить меня, т. к. сам попал в больницу по «Скорой» с сердечным приступом. Всё, что я смогла тогда придумать, – это «сложить» их в одну больницу, в соседние отделения, чтобы не скучали и навещали друг друга.

В общем, **1995 год** остался в памяти «годом борьбы за выживание». Все наши планы пошли насмарку. Мы, как когда-то в детской настольной игре, попали «на нолик» и – прогорели, пришлось заново начинать круг. Что же нам оставалось делать? Ведь даже смерть – это часть жизни. Несколько последующих месяцев все наши попытки решить свою жилищную проблему были безуспешными. Мы крепко «застряли» на этом «нолике», без гроша в кармане, пытаясь переосмыслить всю свою незамысловатую жизнь.

Но это были ещё «цветочки»! Я тогда и не предполагала, сколько же таких «сюрпризов» нам ещё приготовила Судьба.

Искусство презентации коттеджей

Несмотря на то, что мы давали массированную рекламу нашего коттеджа во всевозможные издания и агентства, покупателей на него всё не было и не было. Словно он был невидимкой. На рекламную кампанию была потрачена тысяча долларов, взятая, опять же, в долг. Всё было напрасно!

Мы начали снижать цену – на 10, 15, 20 тысяч долларов... Но дом словно заколдовали. Мы были близки к отчаянию. Что-то здесь было не так. И, вспомнив учение Карнеги, я начала создавать позитивную мыслеформу.

К каждому просмотру я стала готовиться, как к сольному спектаклю, и он становился событием. Ведь в это наше детище было вложено столько душевных сил, половина здоровья, не говоря уже о материальных средствах, что было бы очень обидно продавать его за бесценок.

Из духа противоречия, я снова подняла ценовую планку. Дом, резко поднявшийся в цене, стал вызывать интерес...

После зимовки требовалось навести уборку. На помощников рассчитывать не приходилось. Витя и Миша лежали в больнице. Мне предстояло самой проработать ситуацию. Добираться туда на электричках было тяжело, да и до Финляндского вокзала час езды. Силёнок после такой зимы почти не осталось.

Но нет худа без добра, как говорится: моей голове пришлось научиться думать. Во время бессонных ночей в неё приходило множество идей, а утром я обычно претворяла их в жизнь. Отличной идеей стал проект временки, которую я быстро начертила, вскочив глубокой ночью с постели. Свежие доски, привезённые свёкром, ещё не все растащили за зиму.

Договорившись с хозяином соседнего участка, у которого мы в прошлом году снимали дачу, и пригласив двух свободных приятелей, я быстро организовала на его территории постройку временки, выходящей окошком как раз на наш коттедж. Таким образом, дом теперь находился под нашим неусыпным контролем.

Вокруг нашего участка в то время были одни свалки и заброшенные развалины, которые активно распродавались под застройку, а мусор на них сжигался. Это был благодатный край. Недостатка не было ни в чём: рамы, двери, стекло – всё валялось прямо под ногами! Коробка домика размером 3,5 х 6 кв. м была собрана без проблем всего за неделю. Недаром так много говорилось о русской бесхозяйственности, зато «весёлым и находчивым» ещё можно было жить. Нашему туалету досталась дверь с табличкой «Начальник цеха».

Всё это мы тщательно покрасили и оклеили обоями. К тому времени, когда Витя и Миша выписались из больницы, у нас была готовая дача. Да ещё какая!

Она стояла посреди густо цветущей черёмухи и малиновых кустов. Вокруг были живописные джунгли, в которых пели птицы и по веткам сосен скакали белки, что лично меня приводило в неописуемый восторг. А наш кот Барсик и вовсе ошалел от радости: он катался по траве, носился по соснам за белками, прыгал по моим взрыхленным грядкам, а потом кидался нам на руки, лобызая всех подряд.

На этом участке до нас много лет никто не проживал, и весь он зарос свежей зеленью и молодым кустарником. Эта первозданная красота была для меня спасительной: живой лесной аромат стоял самый что ни на есть целебный. И мы всей семьёй сразу же переселились туда жить.

Лето и свежий воздух вдохновили нас на активный труд, и вскоре мы расчистили всю стройку: вымыли бетонные полы до последней пылинки, вкрутили самые яркие лампочки, отмыли двери, рамы, крыльцо... Дом пришлось хорошенько проветрить и просушить с помощью тепловентиляторов. Заботливые хозяйские руки сделали своё дело: дом засиял чистотой и стал очень привлекательным.

Одновременно, взяв грабли и лопаты, мы вычистили и весь участок, подравнивая клумбы и дорожку. Вид с балкона открывался просто великолепный. Словом, мы сделали всё, что было в наших силах. Дом словно ожил и стал выглядеть по-другому: ухоженным и почти жилым. А ещё немаловажно, что мы находились в это время на природе, дыша чистым сосновым воздухом и употребляя свежую зелень. Это пошло на пользу всем: крепкий сон и здоровый аппетит – вот то, что нам тогда было нужно.

И, как только оживший коттедж приобрёл товарный вид, тут же появился спрос, началась даже конкурентная борьба, повысившая в итоге его стоимость. И, наконец, нашёлся покупатель, который согласился купить его не торгуясь. Сделка прошла легко. Все остались довольны. Не было ни грусти, ни сожаления, и, наконец, ушло гнетущее напряжение всех последних месяцев.

Вот теперь можно было снова строить планы!

Восьмой переезд – последний в этом веке

После продажи дома мы с большим облегчением раздали все долги. У меня словно камень с души свалился!

Очень хотелось просто отдохнуть – ведь мы с Витей за все годы совместной жизни так ни разу и не были в отпуске. Но в нашей стране, где инфляция может произойти мгновенно, нельзя было терять ни минуты.

К тому времени я уже пару месяцев подыскивала себе квартиру в городе. Жить «на коробках» в двенадцатиметровой комнате у мамы было очень неудобно. Полученные деньги необходимо было сразу же вложить, не дожидаясь их очередного обесценивания. Это был август **1995 года**, времена стояли очень беспокойные.

Интернета ещё не было. Я «прочёсывала» улицы и дворы, расспрашивая старушек на лавочках о квартирах в их домах, опускала свою заявку в почтовые ящики, расклеивала свои «листовки», прозванивала всевозможные объявления в газетах. Сейчас это может показаться диким, но когда-то люди жили без интернета.

Квартиры в центре, которые мне предлагали агентства, не соответствовали моим запросам. А главным моим требованием был хороший вид из окон, ну и конечно, много солнца. Где же такое найти в старом северном городе? Но я всё-таки нашла!

1 сентября 1995 года мы купили первое собственное жильё. Так, в 32 года, я впервые почувствовала себя хозяйкой дома.

Это была двухкомнатная квартира на Петроградской стороне. Окна в ней были как витрины – по 6 кв. метров! Солнца было столько, что пришлось покупать жалюзи. А вид с пятого этажа был просто великолепным: на густые кроны могучих деревьев сквера. Словом, всё было замечательно. Всё, что не было замечательно, мы отремонтировали своими силами. Уж это-то нам было привычнее всего: засучить рукава и вперёд!

Я вычертила планировку квартиры на свой вкус, а потом мы постепенно придумали оригинальный дизайн её интерьера. Правда, мы совершили серьёзную ошибку, доверив по началу основные реставрационные работы случайным знакомым: помощники попались на редкость «старательные»: ремонт сильно затягивался и усложнялся с каждым днём. Наше терпение было на исходе: весь этот год мы жили, как в зале ожидания на вокзале. Все наши вещи стояли в маминой спальне упакованными в коробки и мешки. Их просто негде было распаковывать. Естественно, нам хотелось, как можно скорее переехать в свою квартиру и вздохнуть полной грудью, расслабиться, разложить, наконец, всё по полочкам.

Без помощников было не обойтись: сами мы с Витей все это время занимались поиском и закупкой материалов для ремонта, сантехники, мебели, посуды, электроприборов. В результате наших столь многочисленных переездов у нас остались «в живых» только часть гардероба да детские игрушки. В общем, всё хозяйство надо было создавать с нуля. Ещё мы очень торопились оформить прописку в новой квартире: уже так надоело быть бомжами. Известно, какие очереди нам пришлось выстаивать, чтобы оформить кучу бюрократических бумажек – по 6–8 часов.

А ещё мы занялись покупкой машины: позволили себе серебристую «Ауди». В общем, это были уже приятные хлопоты, но на них тоже потребовалось немало времени и сил. Поэтому ремонт на некоторое время мы упустили из виду и там без нас, конечно, наломали дров.

Забот хватало: торопились поскорее устроить Мишу в детский сад – уже был сентябрь месяц и все группы были переполнены. А без прописки и без кучи справок из детской поликлиники это было невозможно.

При всём желании нам не удавалось хорошо следить за ходом ремонтных работ: то надо было делать эскизы детской мебели на заказ, то придумывать дизайн межкомнатных дверей с

расстекловкой и искать подходящую столярную мастерскую. Мы подолгу замеряли и обсчитывали размеры и форму навесных потолков и антресолей. А отсутствие контроля, видимо, уже само по себе предполагает непорядочность. Просто мне не раз пришлось в этом убедиться. Как бы мне хотелось, чтобы люди относились ко мне так же, как и я к ним. Кончилось всё тем, что «помощников» мы разогнали, и, как в прежние добрые времена, взялись за краску и обои сами.

Всю мебель в прихожей (встроенные шкафы) мы сделали своими руками – из ДСП, оклеили самоклеящейся плёнкой, которая активно вошла в моду. Двери комнат и дверцы многочисленных антресолей я покрасила в белый цвет. Всю квартиру мы оформили с большой любовью, в тёплых, светлых тонах природной гаммы.

Витя, вообще, оказался мастером на все руки, с хорошим художественным вкусом: вот откуда Мишка так здорово рисует. В итоге у нас получился не просто ремонт, а образец красоты, новое слово в дизайне.

И вот исторический день наступил!

17 декабря 1995 года мы переехали в первую собственную квартиру, на постоянное место жительства. Это так сладко звучало! Это переполняло меня гордостью.

Я сразу же всем сердцем полюбила и эту квартиру, и Петроградский район с его богатой историей – в самом центре Петербурга.

Новый год мы встречали у себя Дома. Остальные нерешённые проблемы казались уже незначительными по сравнению с этой глобальной новостью.

Конечно, не всё было так гладко с ремонтом. Трубы в санузле перекладывали три раза. Кафель приходилось скалывать и клеить вновь. Свежая штукатурка потолка в комнате вдруг начала отслаиваться и осыпаться от первого же снеготаяния на верхнем соседском балконе. Старый фонд имел массу скрытых «сюрпризов» и особенностей.

Но всё же ещё три месяца ударного труда победили все дефекты и недоделки предыдущего периода.

В марте 1996-го мы торжественно справили новоселье, пригласив всех родных и друзей. Конечно, не сразу всех, а в несколько этапов, так как их количество было несоразмерно двухкомнатной квартире.

Наконец-то, я достигла первой своей цели в жизни: крыша над головой, надёжный «тыл», который защитит от внешних невзгод и зависимости от прихотей «хозяев».

Теперь можно было полноценно заняться второй: развитием своей личности, образованием – на новом уровне, а затем и самореализацией. Я надеялась, что центр города даёт некоторые преимущества: мне будет легче найти подходящие курсы для приобретения новой профессии. Думала, что выбор места работы у меня теперь значительно увеличится. Планировала расширить круг общения; не пропускать ни одного достойного спектакля или концерта.

В общем, я настроилась вести социально активный образ жизни, что было практически невозможно в пределах города Всеволожска. А здесь – прямо от подъезда вливаешься в бурлящий людской поток, а вокруг манящие огоньки витрин, уютные кафе и салоны красоты, рекламные щиты, обещающие исполнить все мои сокровенные желания, разбегающиеся во все концы белоснежные маршрутные такси. Все возможности у твоих ног!

Мне казалось, что новое место жительства открывает передо мною совершенно новые перспективы в жизни, что оно даёт мне более высокий статус. Я вступала в новый этап своего роста, переполненная честолюбивыми стремлениями и надеждами.

Лишь гораздо позже я поняла, что решение жилищной проблемы было самым простым из всех решений, которые мне ещё предстояло принять и воплотить в жизнь.

Часть 2 Полоса препятствий

«Засиживаться нечего: Фортуна переменчива!..»

Итак, в новой благоустроенной квартире мы начали новую жизнь. Первое, что нужно было решить, это что делать дальше? Для меня это был вопрос трудоустройства. Витя же заявил, что работать он больше не будет! Ему нужно полгода отдохнуть, отоспаться, восстановиться. Ну, устал человек.

Моя усталость была не менее мучительной, однако, в отличие от него, напуганная столь изменчивой Фортуной в жизни, я хотела прямо противоположного: поскорее развернуть собственный бизнес, добиться финансовой стабильности и независимости, а уж потом расслабляться, когда почувствую себя в безопасности.

Но желание-то у меня было, а вот способностей – никаких. А у него были хорошие способности и возможности, но... никакого желания.

Короче, оставшиеся от продажи коттеджа средства, а это были неплохие средства, мы решили вложить в «какое-нибудь достойное дело», которое бы нас хоть как-то кормило. Но такового на горизонте не оказалось. Зато появились «верные дружки», которым как раз до зарезу нужны были наши деньги.

Не слушая моих предостережений, расслабившийся и потерявший всякую бдительность Витя щедро «вложил» в руки своего приятеля (№ 1) очень крупную сумму, безо всяких обязательств и расписок с его стороны. Ведь просил-то лучший друг, да и всего на месяц-другой. А затем ещё один «друг» (№ 2) пришёл вместе со своим компаньоном по бизнесу, очень солидным человеком, которому тоже требовались вложения в развитие дела. Этот обаятельный компаньон, похожий внешне на столь уважаемого и любимого писателя-юмориста Михаила Жванецкого, сумел с таким юмором заморочить нам мозги, с такой широтой обрисовав перспективы нашего сотрудничества, что раскрутил добродушно настроенного Витю на все оставшиеся деньги.

Первый из них вскоре исчез с горизонта, в одну ночь съехав с квартиры, которую снимал. Впоследствии выяснилось, что он, быстро прогорев в бизнесе, скрывался ото всех. В конце концов, «умник» попал в тюрьму, так и не выкрутившись из многочисленных долгов своих. Второй же, собрав нужную сумму денег, вложил её в международный бизнес, о масштабах которого мы могли только догадываться. Знаю, что в Россию шли двухэтажные автобусы с новыми машинами. Знаю, что где-то были созданы огромные складские хранилища западного оборудования. Это поначалу оставляло какие-то надежды. В дальнейшем он планировал расширение своего бизнеса и Виктору было обещано место управляющего в одном из отделов в будущей компании. Пока же нам было предложено заняться расселением его четырехкомнатной коммунальной квартиры, которое оказалось не под силу обычным агентствам. Сам же он пока жил в загородном доме во Всеволожске.

Вариант был действительно сложным, требовавшим немалых усилий и терпения. Расселение, приватизация и продажа его квартиры заняли у нас больше полугода работы. К тому же мы умудрились найти покупателя на 10 тысяч (!) долларов дороже, чем запрашивал хозяин.

Витя, естественно, ожидал благодарности и возврата долга: к тому времени мы давно сидели на мели. Но вместо этого «добрый приятель», известный человек с большим авторитетом, не только не вернул ни копейки, не только никак не отблагодарил за работу, но и просто исчез из города, не оставив никаких следов. Позже мы узнали, что он давно уже готовил

выездные визы в Америку на постоянное место жительства. Но от этой информации легче нам не стало.

Словом, с друзьями нам крупно «повезло». Я утешала себя только тем, что это ещё не самое страшное в жизни. В боевиках бывает и покруче. Мы ведь жили в том самом «бандитском Петербурге», и нас тоже коснулись мошеннические лапы.

Главное: наша-то совесть была чиста. Там, наверху, всем всё когда-нибудь зачтётся. А уж Фортуна – очень непостоянная особа. Что с неё взять?!

Второй вопрос, который назрел для активного решения после переезда, это восстановление подорванного здоровья. Всё же пережитые стрессы не прошли бесследно, несмотря на наш ещё молодой возраст. К тому же у меня назрела необходимость очередной полостной операции – надо было удалить опухоль. Решение этого вопроса прошло хоть и с осложнениями, но в конечном итоге успешно. В отличие от первого.

Третий вопрос состоял в определении сына сначала в приличный детский садик, каковые в этом районе в те времена были ужасно переполнены, а затем – в его устройстве в подходящую школу, так как ему вскоре исполнилось семь лет.

Набор и тестирование детей для поступления в первый класс производились задолго до 1 сентября – уже в марте. Нам нужно было очень быстро его решать. Я и не знала, что уже на этом этапе карьеры ребёнка существуют такие сложности. Что же будет при поступлении в вуз?

После двухчасового тестирования Мишу торжественно приняли в гимназию № 47, на улице Плуталова. Именно там он пошёл «первый раз в первый класс».

Правда, сама школа не оправдала наших надежд, так что на следующий учебный год мы перевели его в гимназию № 56, которая только что открыла свой филиал в 5 минутах от дома. Она существенно отличалась от предыдущей, и вскоре была признана лучшей школой города. Да что там города! Мы с гордостью узнали, что Мишина школа заняла 1-е место в конкурсе «Школа России». В общем, и приятные моменты были в той непростой жизни девяностых!

Так прошло первое полугодие: в домашних хлопотах и заботах. У нас перебивали с визитом почти все родственники, с любопытством рассматривая нашу отремонтированную квартиру, её нестандартный дизайн приводил всех в удивление и восхищение. Мой дом действительно превратился в место встреч друзей: у нас регулярно собирался народ за большим круглым столом, благо квартира была расположена очень удобно: прямо у метро «Петроградская». Никто не мог проехать мимо. В тот период у нас было очень много друзей. Говорю «было», потому что, когда снова начались финансовые проблемы, все они куда-то исчезли.

В конце 1996 года, когда Витя целое полугодие отдал бесплатной работе на своего же должника, мы были вынуждены продать машину, которую с такой любовью выбирали год назад. Моя работа дистрибьютором (распространителем) в компании «Enrich International», производящей пищевые добавки, давала мизерные доходы. Эти добавки мне приходилось, в основном, употреблять самой и угощать ими знакомых.

Конечно, нас посещали разные идеи и планы, но их воплощение всё время требовало от нас каких-то непредвиденных расходов. В один прекрасный день пришлось заняться распродажей своего нового гардероба, ещё не успевшего побывать на моих плечах, а также аудио и видеотехники. Ещё мне пришлось «встать» в картотеку соискателей на коммерческой бирже по трудоустройству, с надеждой на получение какой-нибудь вакансии. Таковых для меня не оказалось, хотя на компьютерном тестировании я, к своему удивлению, набрала необыкновенно высокий балл по адаптивности в экстремальных условиях офиса: вроде бы все шансы у меня были.

Тогда пришлось пойти на городскую биржу труда. Я была готова согласиться на любую работу. Жизнь опять не хотела идти по моему плану. Она понесла меня в круговороте житейских проблем неведомо куда.

«В той толпе, как все, бежал я тоже...»

Сколько видов работ я перепробовала за свою жизнь! Одни из любопытства, другие от безысходности. Часто приходилось устраиваться на работу по принципу «поближе к дому» из-за ребёнка или туда, где удобнее рабочий график. Приходилось учитывать состояние здоровья, которое часто подводило: плохая переносимость городского транспорта, частые обмороки в дороге сводили на нет все остальные интересы.

Если воспроизвести в памяти весь этот «послужной список», то получится небольшой справочник-путеводитель по рабочим вакансиям. Поскольку ни на одном месте я не задерживалась подолгу, моя семья никогда не знала, где я работаю в данный момент. Просто вся эта работа не приносила ни денег, ни радости.

В чём же моё предназначение? Я долго не могла понять. Что меня всегда привлекало, так это всё необычное, непознанное, мистическое. Мне хотелось творить нечто грандиозное, значительное, вечное. На какой бирже такое найдёшь? И я откладывала вечное на потом. А пока занималась самой неблагоприятной рутинной работой, как Золушка. Работала почтальоном, страховым агентом, тайным покупателем, ревизором-аналитиком, курьером, диспетчером, выезжала в совхозы области на прополку или сбор урожая. В студенческие годы трудилась на молочном заводе, мясокомбинате, дежурила в отделе народного контроля. После вуза работала в НИИ технологом, а затем – сотрудником крупной научной библиотеки. Была попытка работы в юридической фирме и в агентстве по недвижимости. Когда сидела с маленьким ребёнком, занималась пошивом одежды на дому; стояла за прилавком на вещевом рынке; продавала газеты и журналы у метро. Пыталась работать дистрибьютором пищевых добавок. Пришлось поработать и нянечкой в детских яслях Всеволожска.

Самый большой след в моей жизни, пожалуй, оставила работа агента по недвижимости. Ещё в 90-е годы мне пришлось заниматься ею очень плотно. Собственная неустроенность не давала возможности выбора: надо было зарабатывать на жильё. Сначала это казалось весьма увлекательным занятием, но позже измотало меня вконец непостоянством, бесконечными «срывами» сделок, юридическими проблемами.

Зато мне нравился размеренный физический труд на ремонтно-дизайнерских работах. Здесь можно было проявить свои творческие способности. Я, вообще, с детства любила наводить порядок во всём: эстетика пространства, преображающая нашу жизнь – это я всегда считала достойным занятием.

Живя во Всеволожске, я попробовала войти в ту художественную среду, в которую меня всегда тянуло: воплощением её для меня был Дом культуры. Всё, что касалось искусства, для меня было святым. В этом величественном учреждении оказалась свободной лишь вакансия кассира – выездного распространителя билетов, но и это меня устроило. Ведь я почувствовала себя причастной к возвышенному.

И вот, после успешного решения жилищного вопроса в 1995 году, что само по себе тоже нелёгкая работа, я решила попробовать начать новую карьеру.

Едва оклемавшись и подлечившись после переезда, я сразу же пошла учиться на коммерческие полугодовые курсы в фирму «СОИНФОРМ». Получила квалификацию секретаря-референта и администратора: очень старалась набрать высокий общий балл, так как лучшим ученикам было обещано приличное трудоустройство. А по сколько безработица к тому времени уже приобретала массовый масштаб, то это было единственной зацепкой, чтобы начать хорошую карьеру.

Успешно закончив курсы и набрав высший балл на экзаменах, я рассчитывала на достойную работу, но чуть не расплакалась, получив несколько патовых предложений работать «за бесплатно», на которые можно было согласиться только с полного отчаяния...

Я стала искать работу по объявлениям в газетах. Сама также разослала свои резюме в рубрики поиска работы.

Не знаю, как были устроены мозги у тех работодателей? Они, видимо, читали только между строк, причём всё понимая по-своему, игнорируя изложенные факты и требования соискателя. То, что за этим последовало, меня совершенно сбило с толку. Возможно, так отразился конец лихих 90-х на умах и настроениях людей.

Текст объявления был тщательно выверен, в нём перечислялись только мои квалификации и профессиональные достоинства. Однако в телефонных звонках звучал один и тот же вопрос: каковы мои внешние данные и готова ли я к личным услугам руководителю?! Сначала я была в жуткой растерянности и ужасно смущалась от таких звонков, роняя трубку. Ведь, если бы меня интересовала подобная «работа», я не стала бы полгода учиться после вуза, просиживая все вечера за партой, вложив немалые для меня деньги в своё дополнительное образование.

Через какое-то время я сменила тактику разговоров: стала высмеивать оппонентов и остеречь по их поводу, чем ставила их в тупик. Это безумие продолжалось несколько месяцев... Я уже потеряла всякую надежду на нормальные человеческие предложения, когда мне вдруг позвонили из одной финансово-строительной компании и со всею серьёзностью предложили прямо завтра выйти на работу.

Офис компании был роскошным, с претензией, однако работа в нём едва теплилась. Только что набранный штат сотрудников растерянно болтался из угла в угол. Полное отсутствие какого-либо регламента меня немного насторожило...

От нечего делать я предложила коллегам поупражняться в английском: мы стали общаться на английском, задавая друг другу самые разные вопросы и потом поправляя друг друга в ответах на них. Это было весело, и мы как-то быстро все подружились. Директор тоже провёл с нами пару бесед на тему всестороннего развития, однако держа в секрете цели и задачи нашей фирмы. Так незаметно пролетели две недели. Уже должен был выйти из отпуска долгожданный бухгалтер, который оформил бы с нами со всеми трудовые договоры. Но через несколько дней, когда появился первый серьёзный заказчик, мои опасения подтвердились: фирма оказалась «липовой».

Получив от заказчика крупную сумму денег, наш директор пошёл попить кофейку и больше не вернулся. Мы преданно ждали его до конца рабочего дня, прикрывая от назойливых звонков клиентов, добросовестно продолжая текущую работу. Даже заботливо позвонили в «Скорую помощь»: может быть, с человеком произошёл несчастный случай? Но – нет...

Директор не появился и на следующий день. Заглянув в его кабинет, мы обнаружили абсолютно чистые полки и ящики, словно мебель только что привезли. Ни одной зацепки и улики, напоминающей о существовании фирмы. Оказалось, что человек исчез бесследно вместе со своим помощником и со всеми деньгами заказчика. Никто из нас не успел подписать никаких договоров, поэтому даже фамилии «директора» мы не знали. Результаты следствия мне тоже остались неизвестны.

Для меня эта история, конечно, закончилась шоком. А вот мои коллеги уже ничему не удивлялись: их горький опыт в бизнесе был намного обширнее. Мне повезло по сравнению с ними, ведь я ничего не успела потерять. Кроме работы, конечно. А многие сдали свои трудовые книжки, утратив их навсегда.

Весь 1996 год прошёл вот в таких нелепых попытках трудоустроиться. Одноразовые заработки иногда случались, но были смешными. Настроение от этого было очень тревожным, и у меня начала развиваться жуткая неуверенность в себе. Все мои друзья-подруги были не в состоянии меня поддержать, так как сами нуждались в помощи. Наоборот, они привыкли считать меня советчиком во всех делах. А в мою слабость просто никто не верил. И ничего другого мне не оставалось делать, как быть оптимисткой.

У Вити в этом году работы не было, долгов никто не отдавал. И, чтобы не впасть в депрессию, он ходил в школу современного бального танца. Это хорошо поднимало тонус и отвлекало от деструктивных мыслей. Уход от решения проблем стал для него чем-то вроде лечебной реабилитации. Впоследствии он часто впадал в такое состояние. Но жизнь устроена так, что одними танцами тут не отделаешься, и в следующем, 1997 году, он начал заниматься строительством деревянных дач в стиле русских сказок. Сначала это было увлечением, хобби. Потом он стал подрабатывать в небольшой фирме, строящей по одному такому домику в год. Он не стремился сделать карьеру: просто получал удовольствие от своего дела.

Меня же, наоборот, больше всего на свете волновал мой социальный статус. Меня категорически не устраивал статус домохозяйки. Слово «домохозяйка» звучало для меня, как унижение. Ведь я имела о себе совсем другое представление. Я стала много работать над собой, чтобы повысить свой образовательный уровень, соответствовать духу времени, а также улучшить личностные характеристики. Я читала много полезной, на мой взгляд, литературы: Карнеги, Жикаренцев, Свияш, Наполеон Хилл и даже Роберт Кийосаки. Уйма всяких пособий о достижении успеха в жизни. Посещала различные семинары и лекции для общего развития. Я учила английский язык, ходила на курсы астрологии, в школу дизайна интерьера.

Причины своих неудач я видела только в собственном несовершенстве. Мне очень хотелось стать значимой, социальноактивной личностью, а не «кухонной работой».

Так и не найдя достойной работы, я продолжала учиться, так, на всякий случай. Сначала я учила английский по самоучителю, с целью экономии средств. Потом мне удалось сдать экстерном экзамен за первый семестр на городских курсах в ДК Ленсовета. Я надеялась уже осенью продолжить учёбу вместе с группой, сразу на втором курсе, но обучение оказалось мне не по карману. Ещё какое-то время у меня хватало терпения и мужества заниматься самообразованием, но английский без практики выучить вряд ли возможно.

К электронике я почему-то относилась с неприязнью, и компьютер, только-только появившийся в обиходе обывателя, казался мне чем-то непостижимым. Однако, и его я вскоре освоила. Жаль, что в школе в наше время учили только печатать на машинке. Приобретение новых навыков было для меня важнее всяких там развлечений. Всё в жизни пригодится, считала я. И не ошиблась!

Но, несмотря на постоянно растущий профессиональный потенциал, с работой мне по-прежнему не везло.

Многие вакансии были недоступны для меня уже просто по возрасту. Все хотели иметь перспективных молодых сотрудников, а женщина – за тридцать, с ребёнком – ни у кого не вызывала интереса: мне отказывали даже в собеседовании. После чего я долго изучала себя и свои дипломы, пребывая в недоумении. А время шло, надо было торопиться. Снова и снова, не сбавляя темпа, я продолжала «искать и не сдаваться», как завещал великий Наполеон Хилл. Моё искусно составленное РЕЗЮМЕ стояло во всевозможных картотеках фирм по трудоустройству. Но предложений не было совсем, словно я была невидимкой. Это обстоятельство оставалось для меня полной загадкой.

Наступало лето. И, вместо того, чтобы ехать за город отдыхать, как все нормальные люди, я снова пошла учиться. Поступила в коммерческий институт фирменной эстетики, на курсы по дизайну интерьера. После того, как мы очень нестандартно оформили свою квартиру, все советовали мне стать дизайнером, восхищаясь моим художественным воображением. Эта идея мне понравилась и показалась весьма перспективной. Чтобы не тратить на учёбу полгода, я занималась по ускоренной программе, записавшись сразу в два параллельных потока учащихся: на 1-й и 2-й курсы одновременно. Мне очень хотелось стать хорошим специалистом, и как можно скорее. Я опять верила в «светлое будущее» своей вновь выбранной профессии.

Видимо, моё «козероговское» упорство помогло мне тогда столько всего осилить. Лекции проходили в разных местах: приходилось мотаться в противоположные концы города, во время

жуткой жары, на городском транспорте. Помню, иногда мне становилось плохо прямо посреди дороги, темнело в глазах, сердце замирало. Но моя установка всегда была одна – выстоять, выдержать, победить!

По выходным, отдыхая от учёбы, я помогала Вите на стройке – красила резные деревянные наличники на окнах его домика, декоративный заборчик, а ещё – с удовольствием «творила» дизайн ландшафта, делая извилистые газоны, обложенные круглыми камешками, которые я собирала повсюду, где бывала. Мне нравилось сажать декоративные растения, а потом ухаживать за ними и наблюдать, как они растут. Благодаря моему участию дела на стройке ускорялись, перекуры у рабочих становились реже – мне удавалось своим примером и отношением к делу увлечь их работой. Потом, правда, удалившись от всех, я вытягивалась на ровной доске и, будучи не в силах пошевелиться от дикой боли в спине, тихо стонала.

Осенью я получила диплом дизайнера по интерьеру, торжественно отметила это и с радостью бросилась на биржу труда в надежде, что эта модная, современная специальность будет востребована.

Но надежда – понятие эфемерное. Если бы я ещё знала требования на рынке труда! Моя оторванность от реальности снова сыграла со мной злую шутку: везде требовалось наличие опыта работы по данной специальности и рекомендации с предыдущих мест работы.

Опять замкнутый круг. Мои грандиозные честолюбивые планы снова рухнули в безнадёжность.

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»

Судьба, видно, была мною недовольна и распорядилась преподать мне очередной урок. На сей раз это было ни больше ни меньше как «испытание на выживание» – я тяжело заболела.

Весь ноябрь и декабрь я пролежала пластом: страшные головные боли и регулярные сердечные приступы. Несмотря на лечение, кардиограмма с каждым разом становилась всё хуже. Диагнозы стали появляться совсем жуткие... Позвоночник тоже не хотел слушаться ни меня, ни врачей, и я с трудом могла ходить.

Меня поставили на очередь в больницу. В ожидании её я жила только на лекарствах, всё больше поддаваясь отчаянию. Приходящая на дом медсестра делала мне капельницы и бесконечные уколы.

В результате предварительного обследования меня приговорили к неизбежной операции на сердце. Но гарантия её успеха была под вопросом. Какой-то защемлённый нерв доставлял столько неудобств! К тому же на это нужны были большие средства, которых не было. А залезать в долги мне совсем не хотелось.

Не буду здесь описывать, какие жуткие симптомы меня мучили. Я задыхалась, особенно по ночам. Кто хоть раз боролся за свою жизнь, меня поймёт. Каждую ночь возникала одна и та же проблема: дожить до утра.

Виктор, который до этого был атеистом, стал возить меня в церковь, то к одним, то к другим святым иконам...

Мы с ним обращались к разным целителям. Все сначала обещали вылечить меня, но после окончания курса лечения только разводили руками. Силы мои таяли с каждым днём. Ездить на лечение для меня было мучением: иногда доехать до врача я была в состоянии только лёжа.

Но не могла же я смириться с таким положением вещей! Чувствуя, как сбивается общий душевный настрой, как неумолимо захлёстывает пучина неудач и физических мучений, я старалась цепляться за жизнь, как за соломинку, придумывая себе различные мотивации для неперемогания в этом омуте проблем. В такой неопределённости прошли весь декабрь, январь и февраль. Из дома я практически не выходила: был полный упадок сил.

В марте, когда выглянуло долгожданное солнышко, подарив надежду на тепло, после первой же десятиминутной прогулки меня свалила тяжёлая простуда. Сильный кашель снова и снова вызывал сердечную аритмию. В общем, «хлебнула» я по полной программе.

Все эти месяцы я много читала и перечитывала «умные» книжки: В. Леви, Поля Брегга, Д. Карнеги и т. д., старалась не падать духом и верить в своё возвращение к жизни. Я лечилась самовнушением, что стану сильной, выносливой, жизнерадостной. О, как много я за это отдала бы!

Я мечтала о том, как построю заново свою жизнь, занимаясь оформлением всего, что нас окружает, в красивую гармоничную оправу: помещения станут комфортными, конструктивно удобными, вдохновляюще красивыми. А природу и ландшафт вокруг нужно облагораживать до совершенства форм и гармонии. И всё вокруг должна оживлять музыка. Я очень много размышляла в то время, представление о жизни у меня сильно изменилось. Её смысл кристаллизовался в выборе направления движения: «Я всего лишь должна создавать из хаоса гармонию – в мыслях, поступках людей, в жизни общества». В принципе, я была на верном пути: благоустроив собственный быт, упорядочив свои мысли, приведя в норму свой организм, я могла начать помогать другим, потому что уже знала как.

Большинство людей, по моим наблюдениям, не могут справиться даже с первой ступенью задачи: наладить свой быт. Они как бы врастают в свою «убитую» коммуналку, смиряются с тем, что их окружает масса ненужных, безвкусных, отживших своё вещей, вековая грязь в подъезде и во дворе.

А окружающая среда проникает внутрь человека, и тогда там тоже возникает «засорение». Люди перестают видеть выход, плывут по течению, занимаются нелюбимой работой. Многие начинают различать только унылую серую гамму цветов в жизни, соответственно одеваясь и оформляя своё жилище. И с удивлением однажды замечают, что их сущность составляют лишь терзания, нервозность, «забитые» потребности души, чувство бесконечного сожаления, разочарования и летаргический сон здравого смысла. Если, конечно, очнутся. По-немногу я писала свой первый сборник, начатый ещё в 1993 году: «Тонус для мозга», где были собраны лучшие человеческие мысли всех времён и народов. Это моя сокровенная коллекция человеческой мудрости.

Первая часть его называется «Прожиточный минимум», подразумевая те жизненные «азы», без которых никуда невозможно двигаться.

Кроме советов выдающихся личностей и старых истин, в нём есть и тонизирующие стихи, и информация из Космоса. Да-да! С некоторых пор в мои руки стали попадать какие-то странные послания в виде брошюр. Информацию, собранную из этих источников, я сочла необычайно важной и интересной. Самую суть её я решила кратко изложить и в своём сборнике.

Очень своевременными оказались напоминания, что бодрость духа, оптимизм, воля к жизни имеют особенно важное значение в процес се обновления жизненных сил организма. Мне ещё раз подсказали, что можно преобразовать свою жизнь путём изменения образа мыслей. Нужно тренировать свою эмоциональную устойчивость, а также вырабатывать у себя положительное отношение к окружающему миру. Наш эволюция зависит целиком и полностью от нашей решимости работать над собой: отступить от пагубных привычек даже на уровне мысли, обрести в душе покой и вести достойный образ жизни – наработать высокий уровень духовности. Для развития человеку также необходимо познание своей биоприроды, гармонизация тела и духа, руководство телом с помощью разума, нормализация морали и психики, правильное проявление себя. Ведь «поистине неисчерпаемы духовные и физические силы человека, умеющего управлять ими», прочитала я где-то.

Вся моя болезнь была всего лишь следствием ошибок и отклонения от своего жизненного пути. Страдания являются фактором очищения. И, как только пришло осознание итогов пройденного пути, желание всё изменить, начать сначала, произошла и удивительная перемена

в моём состоянии. Переосмысление прошлого дало толчок будущему, и жизнь словно сдвинулась с мёртвой точки.

31 марта 1998 года было переломным днём, принесшим облегчение в моей затяжной болезни. Я и сама не знаю, что произошло: словно на весах какого-то Космического Правителя Чаша Жизни перевесила Чашу Смерти.

А затем начались и вовсе удивительные вещи: появилось беспричинное ощущение счастья, окрылённости. Моё выздоровление вызвало у меня желание и готовность любить весь мир, стремление стать всем полезной. Я почувствовала, что наполняюсь новой энергетикой, новыми стремлениями, мыслями – и стала больше себя уважать. Ведь, преодолевая трудности, мы обретаем мудрость и становимся сильнее.

Часть 3 Творчество как выход из тупиков

Первые шаги в литературном творчестве

Моим истинным хобби всегда было творчество: сочинение красивых историй, художественное оформление альбомов или окружающего пространства, цветочный дизайн или музыкальное оформление мероприятия. Как сказал мне астролог, мои задачи: ФОРМирование, ФОРМулирование и оФОРМление. Мои способности до поры до времени не были востребованы нигде, кроме домашней среды. А профессионально меня ориентировали совсем не в ту сторону, поэтому и не было заметных успехов. И вот пришлось задуматься: не пора ли заняться тем, чего так давно просит душа? А там будь, что будет!

Я начала сочинять стихи ещё в раннем детстве, когда не знала букв. Позже это стало постоянной потребностью души. Одиночество, которое я всегда остро ощущала, способствовало формированию привычки общения с вымышленным собеседником. Необходимость поделиться переполнявшими меня чувствами – а их всегда было «через край» – заставляла меня учиться формулировать свои первые поэтические строки.

Мне всегда нравились стихи, которые выразались простыми доступными словами, как если бы это был рассказ обычного человека, без сложных речевых оборотов и вычурных малопонятных фраз. Главное, чтобы в них передавались сильные ощущения в легкой, доступной форме. А оригинальное построение фраз придавало возвышенность и остроту выражению мыслей, чувств и идей. Ведь любая идея может выглядеть просто гениальной, если пропустить её через ЧУДО поэтизации.

Фантазировать ещё с детства я умела необычайно, поэтому всегда в своей речи в изобилии использовала сравнения и метафоры. Я легко могла представить себе чувства другого существа, будь то человек, зверюшка или дерево. Мне было свойственно острое ощущение боли душевной, я наделяла им даже неодушевленные предметы в своём воображении. Представьте себе плач Цветка, который топчут грубые подошвы, или стон Домика, жадно съедаемого Пожаром.

Как мне хотелось сделать людей добрее и внимательнее ко всему, что нас окружает!

Ну а позже, когда я начала влюбляться, стихи стали единственной отдушиной и утешением для моего стонущего сердца и самовозгорающегося воображения. Я переплавляла в поэзию все те эмоции, с которыми не в состоянии была справиться. Таким образом я занималась самоисцелением и гармонизацией внутреннего мира. А стихи потом безжалостно уничтожала, когда утихала страсть, чтобы они, не дай Бог, никому не попались в руки.

Но вот стали появляться строки, которых я перестала стыдиться. И тогда я завела тетрадь, чтобы их сохранять. Это было в 17 лет. Сначала в неё входили только самые невинные и высокоидейные произведения. Потом я обнаружила, что эмоциональные и страстные вещи обладают гораздо большей магией. И даже давно забытые чувства вскипают с новой силой, когда перечитываешь заново свои собственные строки.

И ещё я заметила, что «в минуту жизни трудную» ничто так не воодушевляет меня, как собственные стихи. Особенно когда ситуация кажется безвыходной: выплечешься в свою тетрадку, а надо ведь какую-то концовку придумать, и тут происходит чудо: выводы делаются такие красивые и правильные, что сразу душе становится легче. Перечитываешь такое стихотворение и удивляешься: неужели это я могла написать? Просто руководство к действию в трудной ситуации. Самые оптимистичные стихи были написаны мною во время душевных кризисов.

Пробовала я писать и обычные рассказы. Ещё в школьные годы, в четвёртом классе, возвратившись из деревни после летних каникул, я написала «Повесть о лете» длиною в целую тетрадку. Мне очень хотелось сохранить свои воспоминания о летних приключениях. Было так увлекательно их описывать.

А ещё я постоянно вела дневники, куда входили все впечатления и наблюдения. Они всегда были тщательно спрятаны от глаз строгих родителей, которые во всём усматривали что-то нехорошее. Со временем старые дневники уничтожались – слишком смешными были детские обиды – и заменялись новыми. А новые, в свою очередь, тоже со временем начинали казаться смешными и наивными. Так я переходила с этапа на этап своего роста.

Однажды меня охватило жгучее желание всерьёз заняться писательской деятельностью. Я знала, что могу легко сформулировать любые впечатления, описать какие-то события. Проблема была только в том, что в моей собственной жизни я почти не находила ярких событий, достойных такого описания. К тому же образ жизни я вела довольно замкнутый, в среде моих немногочисленных знакомых не встречалось интересных тем и идей. Поэтому я очень любила просто писать письма, вкладывая в них все свои возможности от всей души. За свою жизнь я написала тысячи писем.

И вот однажды, в 1993 году, было принято решение поступать в Литературный институт. В стране их было только два, ближайший находился (и находится) в Москве.

Ранней весной начинался первый отборочный тур, на который нужно было представить определённое количество страниц своих собственных произведений. Тогда я впервые напечатала свои стихи, которые ещё не прочли ничьи глаза, не услышали ничьи уши. Да и вообще, никто не знал об их существовании.

Также я взяла с собой свой первый художественно-публицистический очерк, написанный ещё в 1990 году, но так никуда и не представленный: «Преодоление – вот доля артиста», в котором я своеобразно и пафосно рассказала о творческом пути певца Валерия Леонтьева, которого в то время часто запрещали.

Дело в том, что именно этот артист в мои юные годы своим духовным воздействием, творческими возможностями, да и самой судьбой своей, оказал большое влияние на формирование моего мировоззрения и творческого самовыражения. Я владела достаточно большой информацией, в то время как средства рекламы упорно преподносили певца только в одном ракурсе – эстрадного развлекателя; а также смело добавила свою интерпретацию событий и своё видение сущности явления, именуемого Валерий Леонтьев.

Вот с таким арсеналом я и поехала в Москву. Документы были поданы. Я замирала от волнения, когда воображала себе: а вдруг кто-то, читая это, будет «потрясён масштабом» моего литературного дарования. Мне выдали методические пособия с перечнем экзаменационных вопросов для поступления в институт, и я, с удовольствием денёк побродив по Москве, вернулась домой. Через месяц пришёл ответ. Мои материалы были оценены хорошо, но количество мест было ограничено, а желающих со всех концов страны было 57 человек на одно место. Я с трудом верила в эту цифру, но так было сказано. Как бы там ни было, но во второй тур я не прошла.

Правда, это меня несколько не расстроило: когда мне стали известны требования ко второму туру, я поняла, что мне всё равно было бы не сдать экзамен на знание 80 произведений классиков отечественной литературы. Я просто составила себе программу подготовки на будущий год, решив сделать ещё одну попытку, ведь первая была чистым экспромтом.

Набрав гору толстенных томов в библиотеке имени Маяковского, я начала читать, конспектируя основные мысли произведения, имена героев и сущность их характеров. Времени катастрофически не хватало, в собственный график я не укладывалась. Ведь это был именно тот самый год, когда мы переехали во Всеволожск для строительства дома.

А через год, когда я планировала сделать вторую попытку поступления в институт, ситуация резко изменилась в результате многократной инфляции в стране, мы залезли в долги и могли думать уже только о том, как выбраться из этой «ямы». Видно, я ещё была не готова к такому шагу, и Судьба захотела преподать мне ряд дополнительных уроков по своему усмотрению. Я не роптала и с увлечением продолжала собирать ценную информацию, которая помогла бы мне решить все проблемы и перестроить свою жизнь. Эта информация конспектировалась, анализировалась и, дополненная моими собственными наблюдениями, старательно записывалась в любимый настольный дневник-сборник «Тонус для мозга».

После своей длительной болезни я с новым вдохновением взялась за продолжение сбора жизненно важной для меня информации: именно в ней я видела «ключ» к выходу из проблем. Вторую часть этой «коллекции мудрых мыслей» я назвала «Не просто жить, а для чего-то». В неё вошли основные идеи таких книг, как «Законы успеха», «Секреты поведения людей» П. Таранова, серии книг Наполеона Хилла, Джил Шпигель, Э. Сент-Джеймс, Владимира Леви, Владимира Жикаренцева, Александра Свияша и т. д.

Я на своём опыте узнала, как меняется состояние организма от изменения хода мыслительных процессов. Действительно, сила духа превосходит силу материального тела. И я могу подтвердить слова известного целителя Г. Н. Сытина: «Человек, окрылённый идеей оздоровления, превосходит своей мощью время, старение и все болезни, все стихии естества и всеильную судьбу». Конечно, на всё это ушло немало времени и сил. Чтобы поправить здоровье, мне пришлось долго лечиться, в частности, с помощью биоэнерготерапии, суджоктерапии, остеопатии, гомеопатии и т. д. Я опять стала посещать лекции и семинары, в частности, в школе В. Жикаренцева «Обретение внутренней силы». Ходила на чудесные сеансы доктора Коновалова, которые проводились бесплатно у нас в ДК им. Ленсовета, на бесплатные лекции и музыкальные лечебные сеансы целителя Рушеля Благо.

В целом, 1998 год стал годом восстановления здоровья и жизненных сил. Весь свой бесценный опыт я фиксировала в тетрадах: вдруг он когда-нибудь пригодится людям. Так мои проблемы со здоровьем послужили толчком к созданию первого сборника-копилки уникальной человеческой мудрости.

Моя душа рвалась в искусство

Одним из самых эффективных средств лечения, между прочим, для меня оказалась музыка. Я и раньше замечала, какое сильное влияние она оказывает на меня: может снять температуру, заменить обезболивающие препараты, избавить от бессонницы. А теперь и вовсе поняла: весь мой организм сам является настраиваемым инструментом. И любое его состояние, оказывается, можно зафиксировать в самостоятельную субстанцию. Эти субстанции рождены сердцем и сознанием человека, и передают другим людям его чувства, мысли, настроение... Это именно их называют произведениями искусства.

Как ни странно, и мои стихи несут в себе некий «заряд», который безотказно «срабатывает» в любое время и в любом месте, независимо от произошедших жизненных изменений. Я обнаружила, что в них словно «законсервированы» мои чувства, идеи, воспоминания и фантазии. Может быть, напрасно я никому их не показывала? Ведь таким образом можно делиться с другими своим вдохновением, вселять в них веру и мужество, энергию и энтузиазм. Ведь это же просто здорово!

Со временем я стала замечать, что часто напеваю что-то своё. Мелодии рождались как-то сами по себе. А стихи к ним как будто были закодированы уже в самой мелодии. Я долго не знала, что с этим делать. И однажды меня осенило написать песню. На самом деле, это было моей давней мечтой, но отсутствие музыкального образования не позволяло мне на это решиться всерьёз. А тут меня словно понесло. Сколько тогда бумаги ушло в корзину! Песня

требовала «высшего пилотажа» в краткости и точности изложения; чувство вселенского масштаба нужно было суметь «уложить» в одну строчку. В песне должен быть яркий запоминающийся образ, описанный такими словами, которые каждый легко воспримет на лету с первого раза. Слова должны быть не избитыми, не пресными, а полновесными. Она должна быть изящной и великолепной, чтоб дух захватывало, чтоб за нею хотелось улететь. Короче, песня – это вам не стихи. Это – огромная сила! Вот о такой Песне я мечтаю до сих пор.

Некоторые мои попытки я решила пока сохранить на бумаге, а некоторые – реализовать в аудиозаписях. Это оказалось ещё труднее: чтобы песня «встала» с листа и зазвучала, пришлось научиться петь.

Но сначала всё по порядку.

Буквально с 1 января 1999 года у меня появились странные предчувствия, что я стою на пороге неординарных событий, что-то изменилось в ощущении жизни. Меня как будто куда-то вели, к чему-то готовили. Я ничего не искала, но мне постоянно давали знаки – куда идти и что делать.

Раньше я не видела ориентиров в жизни, двигалась по интуиции. А тут появилось чёткое осознание направления. Я слышала чей-то зов, как будто кому-то позарез нужны были мои песни. И я уже не выпускала эту мысль из головы, просто сосредоточилась и стала записывать.

Я представила себе большой зрительный зал и то, что я могла бы доверительно ему рассказать о своей самой сокровенной мечте, будь я певицей:

Я сейчас подарю вам признание,
Что живу лишь одною мечтою:
Разбудить тишину
Мирозданья Музыкальной живою строкою,
Чтобы мысли и чувства взлетали
В синеву ваших лучших стремлений,
Чтобы новые звёздные дали
Открывались за гранью сомнений!

.....

Припев:

Через тысячу дней
Или тысячу лет
Будут люди искать
Исцеляющий свет, —
Этим светом пусть станут,
Хотя бы на миг!

.....

Если в сумраке вы заблудились,
Если – холодно, грустно и больно, —
Хорошо, что вы здесь очутились! —
Вместе легче нам выйти на волю:
Знаю я ту заветную дверцу,
Подберу музыкальный к ней ключик, —
Ведь она есть у каждого в сердце:
Приоткрой, и покажется лучик!

Эта песня родилась, как озарение, на одном дыхании – я сама была удивлена не меньше, чем мои близкие, которым я её тут же напела. 3 января 1999 года я считаю Днём рождения моей первой настоящей песни.

Жаль было её оставлять «умирать» в ящике стола. Надо было с этим что-то делать. И я пошла посоветоваться с другом-астрологом. Там мне открылось, что именно для этого я и живу. А ещё я узнала, что в конце июня произойдёт событие, которое может перевернуть всю мою жизнь, если я, конечно, не просплю его...

Каждый человек стоит на пороге своего будущего. Для меня с этого порога вдруг повеяло ветром перемен, дальних странствий, больших и серьёзных дел, неординарных событий, высоких целей. Я поняла, что мне теперь придётся осваивать новые рубежи. А новые рубежи требуют иного подхода к жизни: смелости и быстроты действий, широты мышления, независимости от бытовых обстоятельств. Пришло время готовиться к серьёзным, самостоятельным шагам и решениям.

А много ли таких «шагов» сделаешь на «своих двоих»? Пришло время осваивать «вездеходы и звездолёты». Ну, во всяком случае, какого-нибудь автомонстра.

«Домохозяйка с авоськами», смешная и неуклюжая, должна была «выпрыгнуть» из ловушки повседневных проблем, переступить через страхи и комплексы, через «не могу» и через «ой, боюсь».

До этого я всё же была очень робким, нерешительным и неуверенным созданием, как мне сейчас кажется, подверженным бесконечным опасениям и иллюзиям. Я завидовала смелости и отваге людей, которые умеют обузывать современную технику, словно летающих драконов, и заставлять её служить им, увеличивая их возможности. Но 10 (!) лет имея машину в семье, я не могла решиться сесть за руль: меня охватывала паника. Теперь же я вставала на путь преодолений, где для меня больше не существовало ничего невозможного. Я дала себе «установку» не «раскисать», не расслабляться от неудач, закалять силу воли, стойкость, способность бороться как с внешним, так и с внутренним врагом.

Моя вновь обретенная цель в жизни давала мне и новые возможности в управлении собой. Мгновенно было принято решение пойти учиться в автошколу. Свобода передвижения, независимость от расстояний и времени суток – вот то, что мне было сейчас нужно.

Пора было браться за штурвал своей жизни!

Занятия в автошколе я посещала очень старательно, не пропускала ни одной лекции, вела подробные конспекты. Мой инструктор по вождению, посмеиваясь над такой «клушей», вёл обучение методом «шоковой терапии». Это был самый худший для меня вариант обучения: после первых его уроков я чуть ли не падала в обмороки, у меня подкашивались ноги, «зашкаливало» сердцебиение. Но принятые решения не подлежали отмене. Отступить было нельзя: это проверка на «вшивость», говорила я себе и не поддавалась ни на какие провокации. Наоборот, просила у него дополнительные уроки снова и снова.

Первый барьер был преодолен: все экзамены в автошколе и в ГИБДД я сдала на «отлично» с первого раза. Ничего доплачивать не пришлось. Кто сдавал сам, тот меня поймёт. То, что я получила водительские права, имело для меня двойное значение: это было победой, дающей ключ к управлению собой.

Одновременно с освоением автомобиля я посещала курс лекций в школе астропсихологии «Арктур» у Владимира Брылёва: мне очень важно было правильно оценить свои жизненные возможности, чтобы не ошибиться в дальнейшем выборе пути (слишком много ошибок уже было позади). Я всерьёз увлеклась астрологией: искала в ней ответы на свои вопросы. Даже освоила на компьютере астрологическую программу.

В этом же месяце (январе), я начала курс обучения в институте социальной экологии по теме «Развитие психофизиологических возможностей человека», который возглавлял известный учёный Губанов Вячеслав Вилорьевич. Жгучее желание изменить себя и самой руководить событиями своей жизни не давало больше мне покоя. Я уже не могла остановиться.

С неутолимым любопытством посещала я и другие лекции: Светланы Веды, Виктора Востокова, супругов Останина и Коротковой и др. У всех я искала ответы на свои вопросы.

Ведь только справившись с внутренними проблемами, я имела право приступать к решительным и, возможно, необратимым действиям в своей жизни.

Всё это время я продолжала сочинять свои музыкальные фантазии, жила, словно вырвалась на волю:

Я с радостью на волю отпустила
Безудержный накал своей души, —
И вот теперь – ликующая Сила
Вздымает и мою простую жизнь!

Ощущение свободного полёта явно шло на пользу моему измученному организму: моя внешность стала преображаться, а мою голову, словно играючи, посещали бесконечные творческие идеи.

Этот январь был совершенно необыкновенным периодом в моей новой жизни.

Вслед за первой песней сразу же родилась симфоническая феерия «Маэстро Шторм», которую я воображала себе в исполнении мощного мужского хора, с красивым небесным соло, с живым шумом ветра и ударами молний.

А потом меня увлекло в Сказку о своём далёком прошлом, которая мне однажды приснилась: я мысленно слетала в жаркие страны и наутро торопливо записала куплеты нового шлягера «В прошлой жизни», пока сон был не забыт.

Однажды, в студёную зимнюю пору, над улицей тихо кружилась метель, в чёрном небе перемигивались звёзды, и меня так потянуло в высоту, что, казалось, я вот-вот дотянусь до одной из них. Мне почудилось, что эта одинокая Звезда тоже доверчиво тянется ко мне. А наутро, действительно, в моих руках оказалась ослепительная «Звезда на ладони»!

Я смотрела в черноту окна, слушая вой снежной вьюги, и вдруг среди этого воя послышался яростный звериный рёв: словно раненая тигрица хочет вырваться из сетей ловкого охотника. Она взывает к своему единственному Богу: самому смелому на планете, для которого нет преград – Вольному Ветру. И стекло окна передаёт мне её голограмму: извиваясь от отчаяния, а затем делая резкий рывок во гневе, готовится к прыжку гордая «Тигрица»...

Зима всё никак не кончалась, по ночам я любила слушать, как «воет ветер за окном», всматривалась в темноту, которая притаилась в коридорах, и в это время так хотелось, чтобы утром в распахнутое окно свесилась ветка цветущей сирени. А утром происходило чудо: дом наполнялся птичьими трелями, которые слышались с улицы вместе с задорным детским смехом и запахом настоящей весенней сирени. Надо всего лишь верить, что всё изменится. «Не бойся, я с тобой!» – говорит твой Ангел, приближающий рассвет и спасающий тебя от одиночества и печали.

Я с удовольствием напевала эти песни дома, наигрывая одной рукой на синтезаторе, но исполнять их на сцене даже не мечтала. У меня не было ни малейшего опыта в этом, да голос был «не поставлен». И я решила попробовать предложить их известным исполнителям. Но подозреваю, что «звёзды эстрады» так и не узнали о моём существовании, так как все попытки поиска «подхода» к ним не увенчались успехом. «Шаг за порог даётся нам всем с трудом», как поётся в известной песне. А ходить «хвостом» я ни за кем не собиралась.

Тогда я попробовала найти неизвестных исполнителей, достойных моего творческого подарка. Мне очень хотелось, чтобы эти композиции могли услышать все. Тогда я смогу узнать оценку зрителя. А что ещё нужно автору, кроме оценки и признания.

«Серебряный ключ»: первый выход на сцену

Вьюги улетели, как-то раз в апреле ко мне в руки попала бесплатная газета. Обычно я их не читаю. А тут в глаза бросилась реклама: «Фестиваль молодых исполнителей приглашает к сотрудничеству...»

Я позвонила по указанному телефону и предложила свой материал и свои услуги как автор. Ведь начинающим певцам не по карману покупать песни профессиональных авторов – это очень дорого. Я же работала на энтузиазме.

Приехав в студию «Крещендо», где базировались организаторы конкурса «Серебряный ключ», я отдала свои песенные тексты композитору и директору студии. Он попросил меня напеть эти песни, поскольку записаны они были только на бумаге. А услышав мой голос, он стал так горячо убеждать меня исполнять их самой, что я решила попробовать. Один раз, просто из любопытства. Я тогда не верила, что из этого что-то получится, но убежденность Владимира Коломийца сыграла решающую роль.

Десять дней прошли в жутких колебаниях: я ещё не чувствовала готовности предъявить миру себя в образе Певицы, несущей людям своё «слово».

Сочинение песен являлось для меня чем-то вроде самолечения, яростного сопротивления недугам и проблемам. А сцена ассоциировалась с палубой корабля, несущегося по штормовым волнам. И, хотя для своих героев она открывала неограниченные возможности, манила волшебными перевоплощениями, притягивала внимание сказочным ореолом, я всё же была в растерянности. Моя болезненно ранимая нервная система тогда ещё не была готова к возможным потрясениям от массового внимания и критических оценок.

Но всегда меня мучил один вопрос: «А что же останется после меня?» Отголосок пустой суеты?

Ведь эти песни достойны жить и вне меня: я обязана их «вывести в люди»! Даже если придётся пересечь штормовой океан, дело того стоит.

Я знала, какой Образ должна сформировать. Это было некое Создание из солнечного света и морской пены, излучающее искренность и сердечную теплоту. Конечно, Образ такой Певицы вставал в оппозицию агрессивной современной манере на эстраде. И поначалу мне не хватало уверенности, позволяющей реализовать этот Образ. К тому же чувство самосохранения подсказывало мне, что до поры до времени я должна припрятывать его от глаз людей. Видимо, должен был созреть некий набор убеждений, сформироваться чёткое представление о самой себе – конкретный Образ женщины и личности. И только когда этот внутренний стержень достаточно окреп, появилась устойчивость к стрессам и мелким обидам, повысилась адаптивность ко всякого рода неожиданностям, я, наконец, научилась достигать преображения по своему желанию.

Время шло, на раздумья было отведено всего несколько дней, и я решилась. Смогу или не смогу? Покажет разведка боем. А там... будь что будет!

«Победа будет за нами!» – услышала я с экрана.

Эта старая установка мне очень понравилась: 9 мая ничего другого я и не ожидала. После того, как разошлись гости, а муж с сыном пошли смотреть праздничный салют, я занялась мытьём посуды. А это у меня целый ритуал: посуда хорошо отмывается только под моё пение. Как обычно, я стала напевать задорную мелодию, которая так захватила меня, что я уже не могла остановиться, пока не завершилось рождение третьего куплета.

И вот, под залпы майского салюта, голограммой в сумеречном небе, а точнее, в моём воображении, появилась вздымающаяся «чёрная пучина», на волне которой торжественно восседала величавая РУСАЛКА, которой, собственно, море по колено. «Русалка» своим внезап-

ным появлением продемонстрировала редкую жизнерадостность и непотопляемость, чем и вдохновила меня на дальнейшие «подвиги».

Приехав в студию на следующий день, я попробовала спеть свою новую песню просто под метроном, чтобы соблюдался чёткий ритм. Через некоторое время меня пригласили послушать фрагмент компьютерной обработки голоса с добавлением инструментальной аранжировки. Я не узнавала собственного пения: оно как будто отражалось от волшебного зеркала. Возможности студии просто потрясли меня.

На следующий день и было принято судьбоносное решение – участвовать в фестивале «Серебряный ключ».

Выход на сцену стал для меня попыткой преодоления душевного кризиса по принципу: «клин клином...» Никаких планов я не строила, кроме получения новых ощущений, новой информации. Главной моей задачей было встретиться с профессионалами, от которых можно было бы получить хоть какую-то оценку моих «творений». Мне также интересно было познакомиться с новичками, которым мог бы пригодиться мой песенный материал. Хотелось, чтобы во мне увидели достойного автора.

Работа в студии звукозаписи потребовала новых навыков: микрофон коварно выдавал и моё «неправильное» дыхание и незаметные ранее особенности артикуляции. В «подаче» песни не хватало раскованности, кокетливости, непосредственности. Но ведь никто и не учил этому!

И вот, после нескольких репетиций, первая запись была сделана. Догадываюсь, как её воспринимали профессионалы звука. Но для меня тогда она звучала необыкновенно красиво: со стороны я показалась себе совсем другой.

Вообще, эстрадно-концертная деятельность сильно изменила моё представление о самой себе, когда я стала слышать свой голос в записи, видеть своё изображение на экране. Того, чем я раньше гордилась, со стороны совсем не было видно. Но стало заметным нечто совершенно иное, чего я у себя не замечала. Ну и недостатки, конечно, крупным планом. Я спохватилась, что у меня слишком мало времени, чтобы сшить костюм для сцены, что в моём арсенале нет ни туфель, ни приличной косметики. А до фестиваля уже оставались считанные дни. Я бросилась на поиски, собрав все свои сбережения, и даже поспешно продав кожаную куртку, чтобы оплатить взнос за самоучастие. И ещё одна проблема встала передо мною: я не представляла, как буду двигаться на сцене. Куда девать руки-ноги? Необходимо было порепетировать движения.

Движение! Как много в этом звуке... А для меня это внезапно стало вопросом жизни. Случилось именно то, чего я боялась больше всего: однажды утром я проснулась «убитой» – меня скрутил жестокий остеохондроз. Уже была закончена работа над записью «Русалки», уже шилась блестящая блуза, уже была оплачена съёмка рекламного видеоролика и назначен день... А я находилась в полупарализованном состоянии, на грани отчаяния: словно крепкие ремни с острыми шипами пригвоздили моё тело к постели. Ангелы и Демоны боролись за власть надо мной.

Но я уже приняла решение. Что бы ни случилось, в нужный момент я встану. Умру, но встану!

Я ждала этот день, 10 июня, с замиранием сердца. Но, по неизвестным мне причинам, фестиваль вдруг перенесли на 25-е число. Судьба «подарила» мне две недели, и у меня появился шанс. К тому же, я вспомнила, что это была та самая дата, которую мне назвал астролог полгода назад.

Сначала мне предстояла видеосъёмка для телепрограммы, рекламирующей фестиваль. Стояла 35-градусная жара. Но выглядеть нужно было хорошо! Перенести съёмку было абсолютно невозможно. Я с трудом встала, хромая на обе ноги, с неподвижной шеей, с застывшим выражением боли в глазах. Только сила воли и самовнушение помогли мне выстоять в тот памятный день. Я свято верила, что результат будет достойным, а муки мои не напрасными.

Обещанная поездка на залив сорвалась: как только съёмочная группа уселась в перегретую на солнце машину, всем стало ясно, что до залива мы не доедем. И мы двинулись в ближайший парк с водоёмом: в нём и решено было снимать «море». Съёмка «Русалки» проводилась в Таврическом саду, у городского пруда, которому суждено было заменить вздымающуюся «чёрную пучину». Соответственно жаре на мне был тонкий шёлковый сарафан, который я сшила сама. Так я и вошла в кадр: босиком на траве, на фоне белых берёз и ярко-жёлтых одуванчиков. Всё было красиво, хотя мало соответствовало моим представлениям о видеоклипах. Вся съёмка была сделана с двух дублей, за полчаса. Никого не интересовало, что человек впервые стоит перед телекамерой: что изобразила на ходу, то и пошло в телеэфир. До результатов же, похоже, никому не было дела. Вся группа просто умирала от жары!

Несмотря на полное несходство наших действий с сюжетом песни, я чувствовала себя настоящей Русалочкой, потому что каждый шаг и каждое движение мне давались с трудом и резкой болью в позвоночнике. Я очень старалась, чтобы в кадре не отражалась эта боль в улыбке: «Русалка» должна была звучать победоносно.

Позже я узнала, что это «удовольствие» называется малобюджетным видеоклипом, который ничего общего не имеет с профессиональной съёмкой. И в телепрограмме он выглядел, как пародия на «утренники» 70-х годов. Однако после телеэфира меня стали узнавать в самых неожиданных местах.

И вот долгожданный день настал, 25 июня 1999 года.

Концертный зал «ГигантХолла» был полон народа, сюда были приглашены многие звёзды нашей эстрады и видные деятели куль туры. Красиво и со вкусом были накрыты столы, но... о, ужас! В зале не работала система вентиляции и кондиционирования. Погода стояла на редкость жаркая: до тридцати пяти градусов в тени, а в помещении было под сорок. В такой «душегубке» гости не могли долго находиться, их лица быстро становились мокрыми и унылыми. А концерт, как назло, задерживали. Обещанная жеребьёвка участников почему-то прошла без меня, а мне объявили, что мой выход будет первым.

Сначала это было шоком, но отступать было поздно. Вот если бы воздуха глоток в этом безвоздушном пространстве, чтоб продержаться на ногах.

Программу торжественно открыл народный артист Сергей Захаров – весь сияющий, в белоснежном костюме. Я всё думала, как он выдерживает в этом костюме? Затем его сменил народный артист Альберт Асадуллин, в чём-то более молодёжном и стильном, с очень красивой современной песней. А затем объявили «девушку, которая вообще впервые выйдет на сцену»: это Римма Чистякова, объявил ведущий Михаил Клёнов.

При полном зале любопытных глаз зрителей и глаз членов жюри, в которых светился холодный вызов, я вышла на всеобщее обозрение. Передо мной простирался огромный зал «ГигантХолла», который я много раз видела по телевизору, но не предполагала, что увижу его непосредственно со сцены. «Иэх!» – выдохнула я и под вступительные аккорды песни начала вглядываться в зрительный зал. Но мне в лицо бил слишком яркий свет, а всё помещение стало застилать густым театральным дымом-туманом. Колени вдруг стали ватными, руки – деревянными, губы онемели и пересохли.

Совсем ослеплённая, я медленно пошла вперёд по этим облакам, как вдруг увидела прямо под ногами самый край сцены. И отшатнулась. Не дай Бог переступить черту! В какой-то момент мне захотелось съёжиться, убежать, спрятаться. Но длинное, тягостное вступление закончилось, и я легко «включилась» в любимую песню, словно оторвавшись от земли.

В тот момент я вспоминала подвиги первых комсомольцев, и это придавало мне храбрости: ведь если я не спою вслух свои песни, то их никто никогда и не услышит. Никто так и не узнает многих тайн и чудес, которые они хранят. Мир так и не будет спасён. Всё это пронеслось в моей голове, и я гордо выстояла перед напором внимания зала и телекамер. А благодарные

зрители дали мне понять, что на сцену я вышла ненапрасно, и в голове впервые мелькнуло смелое предположение, что я, наконец, нашла своё высокое призвание в этой жизни.

Следующие исполнители выходили на сцену с измученным видом, обливаясь горячим потом, а их было около 40 (!) человек. Похоже, запасы воздуха в зале быстро таяли. Гости фестиваля и члены жюри начали падать в обмороки: кого-то уносили из зала на руках, ряды быстро поредели. Если первый десяток исполнителей был ещё как-то увиден и услышан, то остальные пели практически перед пустым залом. Да и оставшиеся зрители, расслабившись после обильного стола и жары, уже не в состоянии были что-либо запоминать или оценивать. Вот тут я поняла, как мне повезло – выступая первой, я пела при полном зале.

С тех пор, на любых жеребьёвках я всегда предлагаю себя первой, и ещё ни разу не пожалела: это максимальное внимание зала, свежее зрительское восприятие, свежие силы исполнителя.

Фестиваль «Серебряный ключ» регулярно показывали на 5 канале ТВ, по частям. Но моё выступление так и не дошло до голубого экрана, видимо, монтаж плёнки шёл не с того конца.

А вот видеосъёмка «Русалки» в парке промелькнула в рекламной паузе передачи о сельской жизни. Для сельхозновостей это было нечто: «среди поляны ровныя» без комментариев появилась Русалка. Я думала, такие передачи вряд ли смотрят горожане и люди искусства. Однако я ошиблась. Удивительно, но многие вспоминали и узнавали меня потом именно по этой странной съёмке.

Следующим этапом стала работа над своим имиджем. Увидев себя на телеэкране, я поняла, как мало я соответствую тому образу, который живёт в моём воображении. Ведь экран телевизора – это гораздо больше, чем зеркало. Острое чувство неудовлетворённости овладело мною, несмотря на многочисленные комплименты от моих знакомых. Я начала относиться к своей внешности, как к инструменту. А инструмент должен работать безукоризненно, чтобы не испортить общее дело. К сожалению, ни на чью помощь рассчитывать я не могла. Дорогие визажисты-модельеры и модные салоны были мне недоступны. Причёски, макияж, маникюр и даже свои сценические костюмы я придумывала и делала сама. Не знаю, насколько успешно всё это получилось тогда, ведь жюри никак не отметило моё выступление, но окружающие не остались равнодушными, а это главное.

Как оценить результат фестиваля? В целом, он дал мне большой толчок для развития, для работы над собой, заставил задуматься: кем же я являюсь на данный момент.

Имидж и социальный статус – вот что стало главным для меня на том жизненном этапе. Я пыталась заново оценить все свои данные и раздвинуть границы своих возможностей. Мне было уже 36 лет – вполне зрелая женщина, но слишком долго прятавшаяся от людских глаз и поэтому довольно скованная и стеснительная. На сцене это непростительные качества. Это вызывало у меня жуткие внутренние колебания: быть может, отдать свои песни на исполнение более подходящей, достаточно «горячей» и раскрепощённой, стартующей «звезде»?

Между тем я продолжала с упоением сочинять песни. За лето 1999 года появились драматическая философская баллада «Мой путь к тебе», которую я не рискнула исполнять сама: она требовала настоящего актёрского профессионализма; воздушно-лирический гимн нашей родной планете Земля – «Живая Планета». Сказочным подарком всем, кто разочарован и угрюм, появился в моих руках «искрящийся, сияющий», дарующий небесную радость «Кусочек неба», а чуть позже ностальгическим «криком уходящего лета» взлетела с моих клавиш «Падают жёлтые листья».

Всё лето я размышляла о выборе новой профессии, твёрдо решив связать её с социально-культурной сферой. Профессия автора-исполнителя в наше время звучит, скорее, как разновидность хобби. Неплохо было бы иметь какую-то серьёзную базу для будущей работы. Поиск жизненной опоры становился для меня насущной проблемой, так как строительная карьера мужа зашла в тупик: построив очередной домик, новых заказов он не получил. Да и

неинтересно стало жить в ожидании зарплаты мужа. Мне хотелось активной деятельности. Логичнее было бы, по совету мамы, пойти работать в какое-нибудь кафе, где регулярно выплачивают зарплату и можно получить тарелку каши в качестве премии. Но я выбрала университет культуры.

Университет культуры: снова студентка!

Мне, в общем-то, повезло, что я сначала прошла суровую школу жизни: перепробовала множество профессий, научилась терпению и выносливости. Теперь же у меня возникла потребность преодолеть тот уровень жизни, который могла достичь обычная семья строителей, бывших инженеров. Хотелось чего-то большего, чем перемывание посуды, утюжка белья и уборка квартиры. Работа рядовой секретаршей или буфетчицей меня уже не устраивала в принципе.

Жизнь – хитрая игра, всё время заставляет совершенствоваться и чему-то учиться. Ведь условия игры усложняются по мере роста личности и её запросов. Во мне зрела потребность в более широких общественных пространствах, нежели тёплая кухня или уголок в солидном офисе. Моя неудовлетворённость своим статусом постоянно гнала и гнала меня за упущенными когда-то возможностями. Стремление «сделать самой себя» по собственному желанию не позволяло расслабиться. И тогда я «замахнулась» на второе высшее образование, проявив, правда, абсолютную непрактичность относительно оплаты обучения. И вот я снова студентка! В сентябре 1999 года сумасбродная особа отважно пустилась в ещё одно «путешествие» – на сей раз по музыкальным волнам, к берегам шоу-бизнеса.

Поступив на коммерческий факультет эстрадного искусства в университет культуры, я рассчитывала получить специальность «менеджер-продюсер шоу-бизнеса». А главное, я хотела досконально изучить этот бизнес и стать профессионалом своего дела. О, как красив и заманчив этот мир музыки, песен, танцев, перевоплощений. Настроение у меня было самое решительное: пять курсов обучения я планировала одолеть за 2 года. Учебная программа меня нисколько не пугала, ведь уже имелся большой опыт сдачи экзаменов. Я была настроена полностью посвятить ещё часть своей жизни учёбе, пока не разучилась учиться. Все предметы здесь мне очень нравились, и преподаватели очень отличались своей живой эмоциональностью от тех давних, скучнейших учителей технического вуза. Видимо, профессия накладывает свой отпечаток.

К счастью, ни одна из моих «профессий» не оставила своего следа на моём челе. Наверно, просто не успевала оставить. Поэтому я легко вписалась в новую среду и ничем не отличалась от других. Так радостно было вновь ощутить себя студенткой. Слово я получила желанную роль. Но вскоре выяснилось, что ускорить процесс обучения никак нельзя: экстернаты здесь не приняты. А предметы, указанные в моём предыдущем дипломе, никак не дублируют предметов гуманитарного вуза, поэтому и перезачесть их тоже нельзя. Мои многочисленные курсы повышения квалификации тоже ничего не давали в данном аспекте. В общем, предстояли целых 5 лет полноценного обучения. Если бы это произошло со мной на несколько лет раньше, в этом не было бы ничего особенного. Но – возраст!

Первую сессию я сдала всю на «отлично» и в обычном порядке продолжала учёбу, старательно и с огромным удовольствием выполняя все задания. Никогда прежде я ещё не испытывала такого удовольствия от учёбы.

Правда, настораживало то, что средств на обучение уже не было, а найти работу мне никак не удавалось. И тогда меня посетила дерзкая идея: заработать денег на учёбу, продав свой песенный альбом. Мне рассказывали, что можно продать права на его издание и тиражирование. Я представляла себе, как мир шоу-бизнеса радостно распахнёт для меня свои широкие объятия, и как мои песни зазвучат из всех открытых окон, как когда-то в моём далёком дет-

стве. А люди будут искренне радоваться жизни, слушая такие добрые и светлые слова, которые наполнят их души ощущением полёта.

Я и не знала, что такой вариант был ещё возможен года полтора–два назад, а теперь всё изменилось в нашем вечно меняющемся мире.

Выпуск первого сборника своих песен «Звезда на ладони»

Осенью, едва закончив вступительную сессию, я начала искать студию для записи своих песен. «Крещендо», где записывалась «Русалка», была мне больше не по карману. Да и цена там, как выяснилось, не соответствовала качеству. Не имея никаких связей в музыкальном мире, я обратилась к телефонному справочнику. К моему удивлению, там значились всего две-три студии звукозаписи. Одна из них находилась в центре города, и расценки были гораздо дешевле. Это была «Нева-Рекордз». Качество звука меня вполне устроило. Обо всём остальном я имела смутное понятие.

Я объяснила, как могла, чего бы я хотела, а незнакомый музыкант написал то, что он понял. Первым был сделан «Маэстро Шторм», вполне грамотно и красиво, но, к сожалению, безо всякой экзотики, о которой я мечтала: было очень трудно общаться, не владея специальной терминологией. А во-вторых, любая «экзотика» стоила дополнительных денег.

Мы договорились с этим музыкантом, Женей Новожиловым, сначала сделать несколько аранжировок без записи голоса, так как я хотела лучше подготовиться, позаниматься вокалом. Женя и педагога мне нашёл. И дело пошло. Вскоре появилась «Звезда на ладони» – классический вариант лёгкой эстрадной песни с чуть ностальгическим звучанием. Я была довольна результатом. А следующей была «Тигрица». Вот тут Женя слегка растерялся: ничего подобного он ещё не записывал. Но, просидев над ней всю ночь, он нашел академическое решение задачи: включил элементы симфонического рока, придающие высокий трагизм звучанию. Песня получилась ни на что не похожей, но это-то меня и радовало больше всего.

Была ещё одна попытка сделать «непохожую» песню.

Одна из композиций японского композитора Китаро, в оригинале называвшаяся «Agreement», много лет назад настолько потрясла меня своим мощным энергетическим воздействием, что я даже выучила её наизусть. Но вот никак не могла перевести её с английского: в ней была какая-то особая мистика слов. Бесполезной оказалась даже помощь профессионального переводчика. Тогда я написала свой собственный текст, чтобы песня получила новую жизнь, под новым названием «Власть над тайной».

Эту песню я и задумала сделать тогда в студии. Мне нужна была хотя бы копия уже существующей аранжировки. Музыка всех очаровала. Она была действительно неземной. Но попытка «разобрать её на составляющие» оказалась такой же безуспешной: «шаманская» музыка не поддавалась копированию. Студийцы в недоумении дружно отказались от неё.

Когда же встал вопрос о записи вокала, оказалось, что студия в то время не имела достаточных возможностей для обработки голоса. Да и почасовая оплата записи не входила в мои скромные финансовые планы. Пришлось на этом закончить работу и искать другую студию, с другими условиями.

И тут меня познакомили со звукорежиссёром и композитором Андреем Сеницыным. У него вся студия умещалась в собственной девятиметровой комнатке. В качестве аппаратуры я не разбиралась, но цена меня устроила: дешевле найти я уже не могла. Мы сразу же приступили к работе. Желание поскорее записать свои песни было столь огромным, что я не чувствовала усталости и готова была петь сутками.

Накануне я переболела сильной ангиной с полной потерей голоса и очень испугалась, что, если со мной что-нибудь случится, или я вдруг потеряю голос, то мои песни так и не выйдут «в люди», а это уже преступление.

Я не знала, как работают другие певцы, поэтому мне казалось, что записывать по одной песне в день это недопустимая медлительность. Всё шло не слишком гладко: то барахлил компьютер, то Андрея отвлекали семейные проблемы (вся его большая семья непрерывно «тусовалась» вокруг рабочего места), а то вдруг начинали не во время «подпевать» его пушистые питомцы, количество которых было 5 особей кошачьего рода и одна – собачьего. Все они были необычайно музыкальны и принимали самое живое участие в процессе работы: один кот залезал к Андрею на колени и внимательно всматривался в компьютер, другой у его ног шаловливо грыз провода, за что ему тут же доставалось, пара других за его спиной начинали громко выяснять отношения.

По 12 часов в день мы вместе с Андреем делали аранжировки, потом накладывали голос, потом бэквокал, сводили всё это в единое целое, наутро отшлифовывали начисто и брались за следующую песню.

В итоге за период с 10 ноября по 4 декабря 1999 года были сделаны записи десяти моих песен. Ещё несколько дней были потрачены на перенос песен на различные носители: DAT-кассеты и минидиски, что пришлось делать в профессиональной студии. Вся проделанная работа приводила меня в восторг, давала ощущение самореализации и исполнения желаний.

Как я верила тогда, что смогу быть услышанной! Как мечтала, что кого-то мои песни вдохновят на подвиги и, возможно, душевно исцелят. Мне казалось, я дарила их всему миру:

Чтобы родить огонь в ночи,
Пускай душа моя звучит
Дождём сверкающим из музыки и слов!

Своё «детище» я назвала просто: «Звезда на ладони».

Мне хотелось каждому протянуть эту ладонь и поделиться своими сокровищами с целым миром.

Все песни в этом сборнике были буквально новорожденными, только что сошедшими с листа:

«Звезда на ладони»
«МаэстроШторм»
«Русалка»
«В прошлой жизни»
«Маленькая планета»
«Не бойся, я с тобой!»
«Тигрица»
«Падают жёлтые листья»
«Кусочек неба»
«Откровения песен моих»

А от композиции моей мечты «Власть над тайной» Андрей Сеницын тоже отказался, мотивируя это тем, что она слишком сложна и непривычна для нашего слушателя, хотя мне она казалась феноменальной.

Когда записи были подготовлены, я сделала полиграфический заказ в типографии на 1000 экземпляров обложек для своих кассет. Их напечатали по моему собственному проекту, почти мгновенно. Кассеты производила студия «КДКРекордз», их тоже сделали очень быстро, т. е. в течение двух недель.

И вот, под самый Новый год, я получила четыре огромных коробки с тысячей моих улыбок на стопках блестящих коробочек. Для меня не было лучшего подарка, чем увидеть воочию материализованные результаты своего труда. Счастье и гордость переполняли меня. Мы собрали гостей: всех родных и друзей, человек 30, и устроили презентацию моей кассеты.

Никто в моём кругу ничего подобного ещё не делал, поэтому мой поступок был всем в диковинку. Естественно, на радостях раздали всем по несколько экземпляров.

Новый год, 2000-й, сулил исполнение желаний, ведь он так хорошо начинался. Я была полна новых надежд и витала в облаках. К тому же мне неожиданно повезло попасть на «Голубой Огонёк», который проводился в ресторане гостиницы «Советская», снимался на телевидении, а потом шёл на экранах Санкт-Петербурга в новогоднюю ночь. На «Огоньке», который устраивал Санкт-Петербургский «Классик-Центр», всё прошло замечательно, хотя я сильно переволновалась и просидела, как на иголках, целых семь (!) часов, не зная, когда же мой выход: меня не было в списках выступающих. Но директор программы велел мне быть готовой в любой момент. Я так и сидела по стойке «смирно».

Мой выход всё же состоялся, но после основной программы: две мои песни восторженная публика приняла очень хорошо и потребовала ещё. После небольшой паузы я спела ещё две! Но зрители не хотели отпускать меня со сцены, хотя я уже едва стояла на ногах.

На экран я тогда ещё не попала: не «доросла». Но люди услышали мои песни. Я получила первое признание.

Часть 4. Законы рынка, или сколько стоит имя?

Цена удовольствия свободного самовыражения

Цель моего творчества изначально не была коммерческой. Я просто хотела выразить своё мироощущение, дать другим почувствовать то, что чувствую я, и, таким образом, найти единомышленников и друзей. Мне хотелось быть полезной, нужной. И, конечно, быть понятой. Творчество – это крик одиночества. Я щедро раздаривала свои кассеты старым и новым знакомым, жадно вникая в их реакцию на песни. Каждое мнение было для меня очень ценным: чтобы двигаться дальше, нужно понять, где ты находишься сейчас.

Оценки людей были различными: кто-то называл мою музыку оптимистичной и жизнеутверждающей, кто-то считал очень грустной и трагичной, кто-то называл её интеллектуальной «попсой», а кто-то – излишне драматичной и высокопарной. Сколько людей, столько и мнений, вот уж действительно. На том, начальном, этапе я так и не смогла разобраться в этом вопросе.

Новый, 2000 год, я встретила с горой готовых кассет, выпущенных пока с рекламной целью. С ними надо было что-то делать. Ни опыта, ни совета.

Сначала я попыталась сдать их в оптовую торговую сеть, но там, оказалось: с частными лицами не работают. Тогда я попробовала раздать их по несколько штук в мелкие магазинчики и ларьки, по себестоимости, но кассеты оставались лежать на прилавке. Мне объясняли это так: «Чистякову пока никто не спрашивал». Интересно, а кто бы мог спросить?

Через месяц-другой, проверив эти прилавки, я обнаружила, что ни одна кассета нигде не продана, и даже не распечатана упаковка. Может, причина была в том, что цена везде в 2–2,5 раза превышала ту, о которой мы договаривались? А, может быть, в том, что моё имя просто никого не интересовало?

Я поняла, что ни о какой прибыли не может быть и речи. И, для начала, неплохо было бы просто вернуть вложенные средства. Но пока мне приходилось только раздавать свои кассеты с автографом в качестве сувениров. Втайне я мечтала, что их может случайно услышать какой-нибудь продюсер... Но мне сказали, что для этого их надо отнести на радио. Что я и сделала.

Следующим разочарованием оказались радиостанции: все они отказывались брать мои песни в эфир под тем или иным предлогом. Говорили: «Не формат!». Или не нравилось качество. А иногда интересовались, от кого я пришла. Позже я поняла, что техническое качество записей было ещё недостаточно высокого уровня. Мне отчаянно захотелось их переписать, но все мои средства были уже потрачены.

Оставалось надеяться только на розничную торговлю.

Но не тут-то было! Никто ведь не был заинтересован в продвижении моего «товара». Здесь работали жёсткие законы рынка: каждый хотел на мне максимально заработать. А на мою робкую просьбу о проигрывании песен для покупателей мне в ответ предложили... за это заплатить.

Я поняла, что стою на тупиковом пути. Пришлось искать совета людей, сведущих в законах шоу-бизнеса. Таковых оказалось очень немного, и все они были, по-моему, пессимистами. Во всяком случае, никто из них не верил, что мне удастся хоть что-либо сделать в этом «нешуточном деле». Я узнала, что нужно сначала вложить много-много денег в рекламу Имени, а для этого надо разработать и «раскрутить» свой сценический образ, сделать высококачественные аудио и видеозаписи, плакаты, рекламные буклеты и т. д., что тоже стоит немалых средств. Всё это следует отдать в «ротацию» на радио и телевидение, то есть на пару-тройку месяцев регулярных эфиров, а это вообще целый капитал. И только тогда можно выпускать свои кассеты

и диски в торговлю. Оказывается, я начала не с того конца! Но теперь-то надо было как-то выходить из положения. Этот «конец» тоже требовал продолжения. Всё, что у меня было – это стремление вырваться за пределы повседневной суеты, за пределы социальной безысходности, к расширению возможностей самопроявления.

Мой «капитал» составляли только песни, записанные в домашней студии, моя душа, мой голос. Да ещё открытость всем ветрам. В этот период жизни, куда бы я ни пришла, везде от меня хотели денег, денег, денег... «за удовольствие свободного самовыражения».

Поражение при «взятии» Москвы

Этой зимой ничего особенного больше не происходило: я занималась учёбой в университете культуры, подолгу просиживала в Публичной библиотеке за составлением рефератов и конспектов. Как и прежде когда-то, я всё писала собственноручно, этот процесс почему-то доставлял мне ностальгическое удовольствие: я гордилась статусом студентки. А «родные» стены библиотеки напоминали мне о годах юности, проведённых здесь.

Иногда я выступала в фестивальных программах «Серебряного ключа», которые стали регулярными, но проводились в кругу одних и тех же людей. Я не слышала, чтобы кто-то из молодых исполнителей «выбился» дальше этого «замкнутого круга».

Конечно, я продолжал сочинять песни. Надежда и Вера в их силу и могущество всё ещё были живы во мне. Я молилась и просила у невидимого Образа дать мне хотя бы шанс, «Последний шанс»:

Развей мою печаль! Спаси меня из плена!
Тебя мне никогда не разлюбить уже!
Мне нечего терять, мне море по колено,
Оставь последний шанс моей измученной душе!

Я верила, что мои песни обязательно когда-нибудь зазвучат в исполнении новых певцов, с новой, более сильной «подачей», и тогда, непременно, они станут интересны миру. Всему своё время. А время признания обязательно настанет, даже если я до него не доживу. Песня «Бессмертие души» была призвана пережить меня:

Мне хочется верить, что в новом рожденьи
Смогу я достигнуть заветных вершин.
Я знаю, что жизнь – это только мгновенье,
Одно из мгновений бессмертья души.

Однажды со сцены концертного зала
Об этом споёт незнакомый певец,
И вся моя жизнь повторится сначала,
И он достучится до ваших сердец!

В этот же период у меня родилась ещё одна песня: ностальгическая мечта о лучшем мире – «За краем света». Дело в том, что свою жизненную ситуацию я тогда расценивала, как вынужденный простой, как ловушку. Я не видела возможностей полноценной работы, с применением всех своих оригинальных способностей. В поисках выхода мне и пришла в голову идея убежать «за край света», хотя бы по строчкам своей песенки.

Конечно, бежать было некуда. Но меня мучила жажда действий, острое желание что-то предпринять. И я решила поехать прямо в Москву. Уподобившись «ходокам», я решила искать

поддержки в «первопрестольной»: уж там-то мои произведения смогут оценить по достоинству.

Вооружившись большой спортивной сумкой со своими кассетами, я приехала «удивлять» матушку Москву. Не зная ни одного адреса здесь, я сначала устроилась в гостиницу «Измайлово»: мне пришлось целый день «просидеть на телефоне» в поисках продюсерских центров, адресов радиостанций и прокатных компаний. На следующий день я успела объехать чуть ли не пол-Москвы, раздавая свои кассеты для прослушивания. Их приходилось оставлять секретарям, вахтёрам... К тем людям, от которых непосредственно что-то зависело, было просто так не попасть. Похоже, и там я никого не интересовала.

Настоящий диалог получился только в одном продюсерском центре «Звёзды России». Там ко мне отнеслись со всею серьёзностью. Собрав свой коллектив за большим столом, президент компании тут же устроил прослушивание моего компакт-диска. Большую часть песен прослушали почти целиком. И очень внимательно. Заботливо предупредили, чтоб не забыла зарегистрировать свои авторские права на них, а то кто-нибудь может ими воспользоваться без моего ведома. Песни и качество записей обсудили, проанализировали и, наконец-то, я узнала, что и как нужно было делать.

Эти первые советы профессионалов наполнили меня надеждой и оптимизмом. Если есть такие люди, значит, ещё не всё потеряно!

На прощание мне подарили диск популярных песен, называвшийся «Парк Звёзд», только что выпущенный этой компанией, чтобы я могла иметь представление о настоящем качестве и модной сейчас стилистике.

На радиостанциях Москвы я получала только отказы. Узнав, что эфиры стоят денег, я впала в уныние. Суммы назывались от 30 до 50 долларов за один эфир. Да и песни для этого пришлось бы сначала переписать на московских студиях, где расценки колебались от 300 до 700 долларов за песню. Для сравнения: в Питере это удовольствие стоило от 50 до 300 долларов.

У меня в кармане было денег – только на обратную дорогу, но я всё же из любопытства побывала на некоторых студиях звукозаписи, пытаюсь понять, чем же они так хороши. На одной из них, довольно дорогой, мне даже позволили спеть. Но, когда мне продемонстрировали возможности обработки вокала, я поняла, что их уровень ничем не лучше нашего. Да и ни в чём другом я не увидела преимуществ.

Поездка обошлась мне в круглую сумму. Да ещё я оставила здесь часть своих надежд, раздарив пару десятков кассет и полсотни своих визитных карточек. Я получила кое-какую информацию, не более. Ответов на мои творческие предложения я так и не дождалась.

Фестиваль «Молодой Петербург»

С тяжёлым сердцем приехала я из Москвы, с ощущением, что вся работа по записи этого альбома проделана напрасно. Но уже потрачено время, силы, сбережения, тают остатки энтузиазма и надежды. Разочарование – страшная вещь. Ему нельзя поддаваться. И я, немного поплавав, снова взяла себя в руки.

Что же дальше? Нет смысла останавливаться на полпути, если веришь в этот путь, в свою Звезду и удачу. Значит, надо искать другие способы достижения своей цели. И, как бы ни был труден этот путь, я решила продолжать искать своё место в искусстве. А я уже твёрдо знала, что это место где-то здесь.

И вот Судьба дала мне ещё один шанс!

В апреле 2000 года меня пригласили принять участие в фестивале «Молодой Петербург», который проходил в Театре эстрады. Здесь собирались совсем юные любители музыки с самым разным уровнем подготовки. Участие было практически бесплатным, и я не могла не использо-

вать возможность показать там свои песни. Тем более что председателем жюри был мой любимый поэтесенник, с которого мне всегда хотелось брать пример – Николай Денисов! Мы были знакомы уже несколько лет: я периодически вручала ему свои стихотворения, чтобы услышать отзыв великого мастера. Многие звёзды эстрады исполняли хиты с его текстами. Общаться с ним было одно удовольствие: он рассказывал о себе очень живо, эмоционально, а главное, искренне хвалил меня за мои попытки творчества.

Надо было видеть его удивление, когда я появилась на сцене. Ведь ничего подобного обо мне он ещё не знал.

И вот я, стоя прямо перед ним, сидящим в первом ряду, исполнила песню «В прошлой жизни». Иллюстрируя её мифический сюжет, я обращалась к нему своими жестами, а он смущённо улыбался и что-то шептал своим коллегам. Не иначе как «хвастался» знакомством со мной.

Всё это было очень забавно и напомнило мне строчки из известной песни:

...Играю я для Вас, Маэстро!
Вы – в восьмом ряду, в восьмом ряду,
И тот же зал, и то же место!

Фестиваль прошёл замечательно: было много интересного общения, много получено комплиментов и цветов. Я познакомилась с несколькими талантливыми молодыми артистами. Мы тогда радовались, как дети, что ведётся видеосъёмка, и вскоре мы все получили по видеокассете.

Но ни одного продюсера или хотя бы журналиста на этом фестивале так и не появилось. Хотя это было мероприятие городского масштаба. И, конечно, никаких сдвигов в моей судьбе опять же не последовало. Разве что получила очередной диплом лауреата.

Но всё же самым дорогим для меня были аплодисменты благодарных зрителей. Я не могла забыть теплоты их оживлённых глаз.

«Ещё один рывок, ещё одна попытка!»

Вскоре у меня началась очередная сессия в университете культуры. Учёба, как ни странно, доставляла мне огромное удовольствие, и поэтому, наверно, я снова сдала все экзамены на «отлично». Однако от теории до настоящего шоу-бизнеса было ещё очень далеко: мы проходили историю музыки и биографии известных музыкантов, историю России и т. д. Иногда я из любопытства заглядывала на лекции старших курсов: уж очень мне не терпелась узнать что-либо конкретное и полезное о современном положении дел в этом, таком недоступном и таком непонятном для меня «шоупродюсерстве». Но, к моему разочарованию, во всех аудиториях говорили только о научной теории и о высоком искусстве, каким оно, бесспорно, и должно быть. К вопросам же о современном, реально существующем, шоу-бизнесе мудрые преподаватели относились как к чему-то инопланетному и неактуальному.

Отрыв от реальности был налицо, и я с горечью поняла, что придётся всё познавать только на собственной шкуре и учиться только на собственных ошибках.

После сессии я начала усиленно заниматься вокалом с педагогом, хотя меня снова начало подводить здоровье. Но я не обращала на это внимания: таблетку под язык – и снова в бой! Денег и физических сил едва хватало, но я не сдавалась. Занималась до полного изнеможения: голосовые связки периодически «садились», измученное сердце работало с перебоями, а пообедать я часто просто забывала. Я возобновила поиски подходящей студии звукозаписи, а также аранжировщика, который смог бы более точно уловить и передать в музыке смысловое и эмоциональное содержание моих песен. Я познакомилась с несколькими хорошими музыкан-

тами, каждый из которых видел звуковое решение этих песен по-своему. Но ни один из них не приблизился в своих звуковых и стиливых набросках к тому, что я хотела услышать. А я уже точно знала, чего хотела, но никак не могла донести этого до них. Ведь все мои песни с самого начала отчётливо звучали у меня в голове. Но отсутствие специального образования и владения терминологией так и не позволили мне этого сформулировать.

Отчаявшись, я решила выбрать наугад. Знакомые посоветовали обратиться к известному композитору Игорю Шаматрину. Он писал замечательную музыку, но... был далёк от современной эстрады. Он мог написать партии для симфонического оркестра, и даже виртуозно изобразить всё это на компьютере. В общем, я решила положиться на его профессионализм и доверила ему две песни. Он сделал мне новую аранжировку «Русалки», как он сказал, более грамотную, и после длительных репетиций с педагогом мы её записали. Песня зазвучала совсем по-новому, очень резко и драматично, от лирики и таинственности ничего не осталось. Вроде бы всё было правильно, но песня стала какой-то чужой. Вторым был такой дорогой моему сердцу, величественный «МаэстроШторм». Здесь я решила не рисковать, и аранжировку мы оставили старую, просто немного её «подчистили». Переписали только вокал, на полтона ниже. Но песня от этого ничего не выиграла. Наоборот, стала какой-то тяжеловесной, скучной. А я – выдохлась полностью.

У меня возникло странное ощущение сильной усталости от полного непонимания вокруг. Близкие относились более чем скептически к моим усилиям. Муж критиковал. И моё здоровье резко «поехало под откос». Позвоночник – мой дамклов меч – тут же свалил меня в постель, как всегда, зацепив и сердце. Так он реагировал на мои неудачи... Но я не сдавалась и никогда не хотела признавать своё поражение. Какой бы горькой и драматичной ни была твоя судьба, сумей «удерживать вожжи» и направлять её к своей цели, как бы тебя ни сносило потоком потрясений и потерь. Мой рукописный «Прожиточный минимум» помогал мне выстоять и сохранить душевное равновесие.

Вскоре у меня появилась возможность представить свои обновлённые песни в одном из лучших концертных залов Петербурга: в ночном клубе «Олимпия». В тот раз выступление далось мне очень тяжело: я отработала свой номер, едва стоя на ногах от резкой боли в спине, задыхаясь от бесконечных перебоев пульса. В это время на улице бушевала сильная гроза. Зал утонул в жуткой духоте. Но мне пришлось выстоять. Сколько ещё будет жертв впереди.

Судьба продолжала закалять меня, как сталь, тут же испытывая на прочность. Ну не могла же я сдаться!

Несмотря ни на что, я чувствовала себя героиней, потому что преодолела физические муки, я поняла, что скорее умру за свои песни, чем откажусь от них.

А мой тогдашний успех подтвердил ещё и мои актёрские способности: ведь если «слёз моих не видно никому, то Арлекин я, видно, неплохой!»

Самопрезентация на авторынке

Несколько благотворительных концертов за лето ничего нового не принесли. Работы у меня попрежнему не было. А у мужа с работой вообще был кризис. И мы дружно «сели на мель».

Сначала я сдавала домашние вещи в скупку, это позволяло временно обходиться без зарплаты. Но лишние вещи кончились. И в один прекрасный момент нам пришлось заняться продажей своей машины. На авторынке машин было море, а покупателей почти никого. Скучающие водители в своих авто стояли длинными рядами, протянувшимися, казалось, на километры. Мы поняли, что машину так быстро будет не продать. А надо как-то выкручиваться.

К тому времени, за прошедшие полгода, я уже раздавала около 500 штук своих кассет: знакомым и потенциальным работодателям. Все кассеты, сданные в торговые точки на реали-

зацию, в конце концов вернулись ко мне. Я не смогла придумать ничего лучшего, чем взять их с собой на авторынок, расположив на подставке.

Сначала было безумно сложно психологически на это решиться: ведь я никогда не занималась подобной торговлей. Но, просидев с мужем на рынке несколько часов, я поняла, что без обеда я не выдержу, а другого выхода нет. Тогда, взяв с собой подставку с кассетами, я пошла вдоль рядов скучающих продавцов машин. Шла, как по острию ножа. Но ощущения «ступней Русалочки» были мне не в новинку.

Я представлялась как есть, автором-исполнителем, и предлагала послушать или купить мои песни. Люди с любопытством смотрели на меня и очень удивлялись: такого ещё никто не видывал, чтобы сама певица разносила свои кассеты. С недоверием, но и с интересом они ставили их в свои автомагнитолы, и тут уже удивлялись по-настоящему, потому что качество действительно было на уровне, которого в данной обстановке никто не ожидал. Говорили, что не хуже того, что звучит на многих радиостанциях.

Песни нравились, и кассеты активно раскупались. Тем более что я продавала их по себестоимости, объясняя, что это рекламная акция. Полной неожиданностью для меня было то, что после прослушивания песен добрая половина рынка вставала ко мне в очередь за автографом. Люди добросердечно хвалили песни, некоторые пытались со мной сфотографироваться на память. И все желали мне дальнейших успехов в творчестве, а также найти хорошего продюсера. Это было так приятно: люди отнеслись ко мне с теплотой и вниманием. Мои страхи оказались напрасными: все были добры и щедры ко мне.

И вскоре по всему бескрайнему авторынку из открытых окон машин звучали мои песни. За те несколько дней, что мы простояли там со своей машиной, я распродала остальные 500 (!) кассет. В последующие дни меня уже узнавали и горячо приветствовали издалека, тут же представляя и рекомендуя своим новым «соседям» по стоянке.

Вот так прошла моя самопрезентация, оставив приятные воспоминания и о моей отчаянной решительности, и о доброте первых моих слушателей.

«Хрустальный мир моей мечты»

В течение этого года я написала ещё несколько песен. Впервые в моём творчестве появилась такая заводная и озорная, как «В тихом омуте», песня, собственно, о музыке, которая способна кружить голову и творить чудеса:

В этой музыке – черти водятся...
Исполнять её мне приходится!
Эта музыка пахнет звёздами,
Ароматными снами грёзами...
Опьяняет стихами прозой
Несерьёзную, несерьёзную!

Мне хотелось, чтобы все песни были разными, на любой вкус – тогда их не скучно будет слушать в любом настроении. Следующей на свет появилась томная, лирическая «Только наступит ночь»:

...Шёпотом нежным незримо касаюсь
Дремлющих губ родных:
Я до тебя дотянуться пытаюсь
Через ночные сны.

Особо любимые мною качества: драматизм и ностальгия, отразились в песне «Свеча любви моей». Здесь я всерьёз задумалась о хрупком источнике творческого вдохновения. Этот живой родник – природное чудо. Если его не беречь, как свечу, то чей-то дом, быть может, твой, может утонуть в темноте, захватившей «хрустальный мир твоей мечты».

Не дай Бог, если в вашей жизни, наполненной музыкой вашей души, какой-то «Ветер-сухой задувает песенный родник»!

Осенью 2000 года, с новой силой ощутив горечь потери уходящих возможностей, я переделала песню «Падают жёлтые листья». Чудесной ностальгической мелодии, на мой взгляд, не соответствовал слишком легковесный текст. Теперь в ней появились горькие осенние нотки:

Слёзы моих надежд
Смоет стена дождей,
В тучах растает эхо
Звёздной мечты моей.

И уж совсем драматичным призывом зазвучала «Купите время!» о бессмысленности бытия, «где нет тебя со мной». Мечты и надежды несбывшейся любви, способной вызывать столь дивные творческие порывы, теперь превращены в предмет торговли, как не имеющие больше высокой духовной ценности. Осталось только сожаление о призрачном счастье:

Мой сон был так чудесен
В неведеньи своём
Рождением этих песен,
Где мы с тобой вдвоём!

А время шло...

Как и любая женщина, я занималась семьёй, воспитанием сына, хозяйством, решением массы бытовых проблем, которые обладают свойством никогда не кончаться. Конечно же, безумно уставала, как и все. Единственной радостью и утешением от всех невзгод для меня были мои песни, творчество в уединении, которое исцеляло изболевшую душу.

Я копила силы и средства на новые записи. По-немногу занималась поиском новой студии и музыкантов, способных мне посодействовать за приемлемую для меня оплату.

Периодически меня приглашали выступать на различных концертных площадках: от уличных модульных сцен до солидных тысячных залов. Но это случалось редко... Ни оплаты за это, ни перспектив пока не наблюдалось.

В ноябре меня снова пригласили на фестиваль «Молодой Петербург», который на этот раз проходил в зале на 2,5 тысячи мест – в ДК им. Горького.

О такой сцене я могла только мечтать. Это послужило толчком к записи новой песни. Очень уж хотелось выйти на должный уровень.

Сначала мы попробовали работать с известным автором-исполнителем и аранжировщиком Андреем Кудрявцевым. Он сделал мне новую версию инструментального оформления песни «Кусочек неба», в результате чего она стала слишком напоминать колыбельную. В ней, как и прежде, не хватало чувства полёта и динамики. А ведь слова-то говорили совсем о другом:

Если только ты согласишься,
Сбудутся мечты!
За распахнутою дверью
Хватит высоты!

Только воздухом наполни
Крылья за спиной!
Только верь волшебной, вольной
Музыке земной!

Эту работу пришлось отложить – переделывать не было смысла. Спорить с аранжировщиками я не люблю. Здесь просто должно быть одинаковое чувствование. Что-то не пошло. Я стала искать музыканта с более динамичным подходом, с другим темпераментом. И нашла – меня познакомили с Владимиром Кривошеем, музыкантом из легендарной группы «Невский проспект». Я предложила ему сразу несколько своих песен на выбор в надежде на то, что понравившийся и близкий ему материал, соответственно, и сделан будет с душой. Ему понравилась абсолютно новая – «Последний шанс». Но в его руках она приобрела такое «рокерское» звучание, что я оторопела, представив себя исполняющей её в каком-нибудь рокерском прикиде. Хотя, чего ещё можно было ожидать от «горячего рокера» по натуре? В общем, это было действительно сильно, но не в моём исполнении.

Следующим моим коллегой-музыкантом стал Игорь Постоев, работающий в известной студии «МРекордз». Он совершенно по-другому изобразил тот же самый «Последний шанс», и его версия была более близка моей манере исполнения. Получилась воздушная романтическая баллада, близкая к классике, но, к сожалению, совсем не современно звучащая.

Как раз её я и исполняла в ДК им. Горького. В зале было около тысячи зрителей: для меня огромное число. Я так волновалась, что пела задыхаясь, почти шёпотом, и голос дрожал, но песня от этого только выиграла. Потому что после концерта ко мне подходили незнакомые зрители в вестибюле и говорили, что у них бежали мурашки.

А на следующий день, 1 декабря, меня пригласили в петербургский «Новогодний Огонёк». На этот раз уже в основную программу!

Концерт со съёмкой был назначен на 16 декабря. Нетрудно подсчитать, сколько оставалось дней. И я сразу же начала готовиться.

Новогодняя тема требовала особой песни: ведь заканчивался XX век, наступал новый. И тут очень кстати оказалась «Живая Планета», которая «через время вперёд летит», в новый век. Только она, опять же, нуждалась в обновлении аранжировки.

Мы с Игорем Постоевым долго пытались найти нестандартное музыкальное решение: он настаивал включить звучание «ретро», усматривая в этом мою личную «фишку». Получилась лёгкая танцевальная песня, универсальная по своему назначению, что впоследствии меня очень выручало.

«Огонёк» прошёл великолепно! О моей песне отзывались с восхищением. Даже Эдуард Хиль в своём интервью с радостью отметил, что есть ещё такие простые, искренние, душевные песни. Она попала на телеэкран в новогоднюю ночь в одном ряду с номерами мастеров эстрады. Правда, очередь дошла до неё только под утро, где-то в полшестого утра 1 января... Все, кого я знаю, в это время, к сожалению, уже уснули.

Незадолго до этого, в самом конце декабря, я случайно узнала о существовании у нас в городе литературного фестиваля для молодых поэтов. У меня как раз была готова и даже распечатана целая эстрадная программа из собственных песен и стихов, которую я назвала «Бессмертие души».

Программа состояла из 30 музыкально-поэтических произведений, общей длительностью 1 час 45 минут, что могло бы стать реальным музыкальным спектаклем. Но... она где-то затерялась на столах у жюри, ей не успели уделить внимания. На конкурс она не прошла. Правда, спустя какое-то время, мне сказали, что стихи были прочитаны, но неожиданно оказались настолько сильны, что у меня могли бы появиться враги. Такая «рецензия» меня сильно

озадачила: я, по наивности, не видела здесь связи. Оказывается, и в мире высокого искусства существует соперничество. Да ещё какое!

Но, к счастью, существует ещё и искреннее, доброжелательное отношение: после выступления на «Новогоднем Огоньке» мне впервые предложили реальную помощь. Наш новый коллега мужа по работе, Вадим Баранов, впоследствии ставший надёжным деловым партнёром, предложил мне денежную ссуду на запись следующих песен. Если бы не это, то не знаю, когда бы я ещё смогла делать записи. Муж в это время собирался открыть фирму по производству оконных блоков. Он планировал брать большие долгосрочные кредиты.

В общем, 2000 год заканчивался вполне неплохо. Тем более что у меня появился свой маленький автомобиль «Форд Фиеста», который нам отдали в доплату по какой-то сделке, эквивалентом тысячи долларов.

Теперь я могла свободно разъезжать по городу, не отказываясь от слишком поздних концертов, не боясь грозовых ливней и снежных метелей. Это приводило меня в восторг и давало ощущение большой свободы.

Фестиваль «Таланты и поклонники»

Новый год, 2001-й, начался с кропотливой работы над новыми песнями. Меня убедили, что основная проблема моей творческой карьеры, в первую очередь, в качестве записей. Значит, надо было прорабатывать именно качество. Я наивно верила тогда, что мои песни непременно «раскрутятся» сами собой, если будут достаточно профессионально сделаны.

Статус студии «МРекордз» не вызывал сомнений. Качество и количество аппаратуры были внушительными. Специалисты были авторитетными. У Игоря Постоева записывались даже звёзды, такие как Олег Кваша, Игорь Латышко, актриса Анна Самохина, группа «Сливки», группа «Озон»... И я доверилась его профессионализму. Игорь делал аранжировки очень медленно: по одной в месяц. Не думаю, что он тогда был сильно занят, потому что уйму времени мы тратили на прослушивание его предыдущих работ, подолгу их обсуждали, да и просто говорили о шоу-бизнесе. Запись каждой моей песни занимала у него бесконечное количество рабочих дней, как мне казалось, да и у меня уходило на это всё свободное время.

В итоге за два месяца были сделаны только две аранжировки: «Купите время!» и «За краем света». Результаты мне понравились, но чувство неудовлетворённости всё равно не покидало меня. В марте я решила, наконец, записать к нему вокал: в самой простейшей обработке. Конечно, можно было записать его на новейшей аппаратуре, с использованием эквалайзера и спецэффектов, но каждая минута студийного времени стоила для меня целое состояние.

К тому же в апреле Игорю предложили постоянную работу в каком-то коллективе на контрактной основе, и он, счастливый и гордый, удвоил свои расценки. Но в мои-то планы это никак не входило: выданная на записи денежная ссуда была строго ограничена. Поэтому я снова осталась без партнёра.

Но удача улыбнулась с другой стороны.

Этой весной в творческой сфере моей жизни начались кое-какие изменения. Несколько интересных мероприятий породили во мне новые надежды: во-первых, я участвовала в известной телевизионной программе «День любви» вместе с такими известными певцами, как Сергей Рогожин, Марина Цхай, Сергей Иванов и «восточная» певица Таира; во-вторых, выступала в сборном концерте в Театре эстрады в День космонавтики, 12 апреля; в-третьих, сама устроила весёлую вечеринку 8 марта в ресторане «Бинго-Бонго» на Невском проспекте: собрала гостей, пригласила своих знакомых артистов и получился весьма интересный вечер смеха, юмора и экспромтов.

Мне тогда понравилось заниматься организационной работой, и я подумала, что неплохо было бы когда-нибудь устроить настоящий грандиозный концерт.

А пока подходило время ещё одного фестиваля. Он имел весомую репутацию в городе, хотя существовал всего лишь год. Это был столь шумевший тогда, обнадеживающий своей рекламой, «Таланты и поклонники». Его организаторами («Союзом творческой молодёжи») было столько всего обещано, что не пойти было просто нельзя. И вот в апреле 2001 года состоялись два тура и галаконцерт победителей этого мероприятия.

Концерты проводились в лучших ночных клубах города: «Олимпии» и «Астории». Их залы были заполнены до отказа. Хотя, возможно, потому, что все участники обязаны были распространить определённое количество билетов.

Всё было очень пышно «обставлено»: пресса, телевидение, известные деятели культуры...

И что же? Сама программа прошла очень скучно и уныло. Кандидаты в дипломанты напоминали мне школьную самодеятельность. Тех, кого можно было назвать настоящими артистами, было так мало, что публика от скуки уходила из зала прямо во время представления. Я пыталась понять, что же полезного я могу здесь почерпнуть, на кого мне следует равняться, с кого брать пример. Ведь я всё ещё чувствовала себя ученицей. Но на этот раз с недоумением озиралась вокруг. Как всегда, я записывала в блокнот фамилии участников и отмечала, кто и чем отличился, кто особенно запомнился. Будучи большой поклонницей эстрады, очень трепетно относившейся ко всем новичкам в этом деле, в этот раз из сорока участников фестиваля я отметила «плюсом» только человек шесть.

Здесь, на сцене «Олимпии», и состоялась премьера песни «Купите время!». Знаю, что впечатление она произвела сильное: мне говорили об этом зрители в зале, подходили с вопросами представители прессы, меня снимали телекамеры.

На втором туре я исполняла новую версию всеми любимой «Русалки», доработанную в студии «Крещендо»: в ней появились новые звуки, бэквокал, добавили живую гитару. Качественные студийные записи на этот раз выгодно отличались от других: это сказали мне и знакомый звукорежиссёр, стоявший за пультом, и некоторые профессиональные музыканты, с которыми жизнь свела нас здесь. Все вокруг говорили, что я уже «переросла» уровень подобных фестивалей. Но меня постигло полное разочарование: жюри опять никак не отметило моё выступление.

Однако, когда на галаконцерте я вышла на сцену, чтобы произнести несколько слов благодарности, зал разразился бурными аплодисментами. И хотя, петь мне уже было неположено (ведь я не вышла в финал), всё равно ощущала себя победительницей. Мне оставалось только поблагодарить чутких зрителей за то, что они дали мне это почувствовать. Я и раньше наблюдала, что реакция зрителей и мнение жюри часто расходятся... Как бы там ни было, но я считаю опыт всех этих фестивалей бесценным.

Во-первых, я научилась владеть собой на сцене, преодолевать не только волнение, но и свои комплексы, а также свой дамоклов меч: раньше выступления всегда вызывали у меня жуткое обострение остеохондроза и аритмии. Теперь же я научилась получать удовольствие от свободного самовыражения, и мой организм это принимает с благодарностью.

Во-вторых, я обрела массу новых знакомых среди артистов, музыкантов, артменеджеров и т. д., а обмен опытом это тоже учёба.

В-третьих, обо мне узнали в городе, пусть пока в узких кругах «местного шоу-бизнеса», но всё же... Моя репутация создавала мне благоприятные условия для дальнейшего продвижения. Пускай мои удачи ещё были слишком скромны, зато вскоре после этого фестиваля мои детища были представлены на «Радио-Модерн», в отличие от песен других певцов. Четыре песни с небольшим интервью прокручивали в эфире дважды, причем абсолютно бесплатно.

Немного позже и на других радиостанциях стали брать мой материал, правда, только для одноразовых эфиров. На большее (на радио раскрутку) нужно было чьё-то особое разрешение, так мне сказали, и многочисленные согласования.

Всё это было, конечно, хорошо. Но если бы нашлись деньги, то было бы совсем хорошо. Но реальных перспектив я по-прежнему не видела. Они витали только в моих мечтах. Никаких дальнейших предложений ниоткуда не последовало. От бесплодных поисков работы в одиночку я стала уставать. И тогда, будучи по большей части оптимисткой, я решила объединить своих коллег-певцов, чтобы предлагать заказчикам сразу целую готовую концертную программу. А лучше даже несколько разных вариантов программ.

И хотя я не смогла продолжать учёбу в университете культуры из-за отсутствия финансов, всё же профессию моей мечты решила испробовать на деле. Так появился новый проект сборной концертной программы.

Ветреный проект «Дотянись до звёзд!»

В нашем арсенале было почти всё: интересные певцы с прекрасным материалом, свободно простаивающие концертные залы с аппаратурой, зарегистрированный пакет документов на продюсерский центр «Николаевский мост», подготовленный моей новой подругой Юлией Мешковой, которая поверила в успех этого мероприятия и вызвалась быть нашим администратором. Не было только финансирования. Но мы не унывали!

Актив группы решил вскладчину оплатить заказ афиш. Их заголовок должен был звучать динамично, как пламенный призыв: «Дотянись до звёзд!»

Мы с Юлией очень гордились нашим замыслом: давать жизнь новым песням, танцевальным номерам, цирковым и паранормальным новшествам, демонстрируя действительно красивые, интеллектуальные, высокоидейные произведения. Постепенно планировалось вводить в программу всё новых и новых исполнителей, расширять и дорабатывать её, пока не получится настоящее красочное ШОУ с профессиональной постановкой, с элементами театральной игры, с иллюзионными трюками и пиротехническими эффектами. Компьютерный дизайн афиш разрабатывала Юлия, а я занималась подбором концертного зала.

Это лишь поначалу казалось, что там только нас и ждали. Я прозвонила и объехала несколько десятков концертных площадок, но все они оказались нам недоступны. В черте города за любой маломальски пригодный зал нужно было платить арендную плату, причём назывались такие суммы, что были абсолютно нам не по карману. Тогда я обратилась к загородным домам культуры. Там помещения предлагали бесплатно. Но предупредили, что обычно залы у них пустуют и «сбора» мы не сделаем. А нужно было чем-то оплачивать аренду аппаратуры, которой в загородных клубах как раз и не было. Да и, естественно, хотелось, чтобы афиши тоже окупались. А самое главное: мы хотели сделать видеосъёмку всей этой программы, чтобы потом предлагать её различным прокатным организациям и крупным продюсерским компаниям.

Мечты, мечты...

Целых два месяца ушло на подготовку и сбор информации, потому что все мы занимались этим впервые, опыта не было ни малейшего. Я тратила массу времени и сил на многочисленные контакты, поездки, обсуждения планов.

Да ещё, к тому же, искала аранжировщика для новых песен: настоящего, понимающего. Я уже отчаялась такого найти: все они видели меня в каком-то преломлённом свете, а мои песни ни одному из них не были близки. Мне уже начинало казаться, что я работаю в слишком редком жанре. Хотя, сами они называли его «Tradition». И, наконец-то, с аранжировщиком мне повезло!

В простой и скромной обстановке его студии сначала ничто не предвещало такой «развершейся бездны» его музыкальных и творческих возможностей, но чуть позже, когда, выслушав мои пожелания, он сделал первый музыкальный набросок, я чуть не заплакала, потому что

это было именно то, о чём я мечтала. И даже больше. Он услышал и почувствовал сущность моих песен, как хороший психолог.

Это был Михаил Остроумов.

Только что написанная песня «Чайка» в его аранжировке приобрела совершенно небесное звучание. Я сама заслушивалась ею и удивлялась загадочным звукам, которыми она наполнилась. Казалось, что теперь эта песня действительно может полететь «через семь морей, на семи ветрах». Мне просто не терпелось показать её на нашем концерте.

А концерт был на грани срыва! Афиши, старательно расклеенные по заборам, наутро исчезали, билеты никто не покупал. Я лично ездила буквально ко всем своим знакомым и просто раздаривала эти билеты, чтобы зал не остался пустым.

С залом всё решилось очень неплохо: я нашла удобный, достаточно большой и красивый зал, с просторной сценой, искусно задрапированной пёстрыми кулисами, и прямо в двухстах метрах от Невского проспекта. Аренду оплатила сама, снова заняв денег в долг. Было бы очень обидно теперь выступать в пустом зале.

Юлия за свой счёт сделала небольшой тираж афиш. Группа поддержки (наши друзья) нашла видеокамеры. Нужно было во что бы то ни стало сделать съёмку! Но уже было ясно, что сбора мы не сделаем. Большинство артистов отказывалось работать на энтузиазме. Прозрачные перспективы уже никого не устраивали. Но всё же нас, болеющих за идею, собралось достаточно, чтобы всё состоялось. Более того, в одной из дизайнерских фирм мне по дружбе одолжили кое-какие декорации (!), чтобы сцена не выглядела скучно.

И вот, наконец, в июне 2001 года состоялась премьера эстрадной программы «Дотянись до звёзд!» Она проходила в концертном зале «Молодёжный» на Малой Конюшенной улице, что сразу за Домом Книги.

В этом действе участвовали молодые исполнители – лауреаты и дипломанты различных петербургских и московских конкурсов: певец и музыкант, очень энергично заявляющий о себе – Александр Бекназаров; юная, но с мощным низким голосом певица Таис с экзотическим шоубалетом; авторисполнитель Сергей Иванов, бывший басгитарист известной группы «Сплин», ныне начавший сольную карьеру; очень заводная и темпераментная певица русского шансона Маша Вакс; сладкоголосый и очень пластичный черноглазый брюнет Роберт Пертая, которого называли вторым Киркоровым; Милена Колесникова с лёгкими дискотечными танцами и ритмами; совсем юная смуглянка Лиана, бывшая Карина, а на самом деле – Земфира, которая ещё не выбрала себе имя и имидж; солидный и идейный певец и композитор Андрей Крюков, уже довольно известный и именитый; и, наконец, вечный романтик, лиричная Римма Чистякова со своими воздушными замками и мистическими персонажами.

Программа была успешно отснята на видеоплёнку и имела большой успех у публики.

Позже я сделала десяток копий на видеокассетах, а затем всё лето и всю осень рекламировала своих ребят, объехав несколько десятков различных учреждений. Кассеты просматривали с интересом, нас везде хвалили, но... К сожалению, заинтересовать официальные продюсерские структуры и концертные организации не удалось: ведь все они были ориентированы только на «раскрученных» исполнителей с известными именами, так, во всяком случае, они сами говорили.

И пусть эта наша попытка самопрезентации осталась только в памяти этих ребят, но я верю, что она была сделана не зря. Главное – это приобретённый опыт в преодолении сопротивления внешней среды.

Донести «нетленку» до широких масс!

Лето казалось мне многообещающим: мы записывали песни с Михаилом Остроумовым, и результаты этой работы меня очень радовали. «Вот оно!» – думала я, слушая то, что у нас

получалось. На хорошей творческой волне были сделаны записи: «Падают жёлтые листья», «Бессмертные души», вокальная партия к «Последнему шансу».

Михаил оказался моим ровесником. Я была потрясена, каким серьёзным композитором он оказался, с большим творческим стажем и опытом. Я теперь часто с удовольствием слушаю его многочисленные произведения, а их у него уже больше шести сотен. Его хорошо знают многие известные люди искусства и называют живым классиком. Его композиции регулярно звучат на радио и телевидении: это и музыкальные заставки к программам, и озвученные им рекламные ролики. А немного раньше он писал музыку к документальным кинофильмам: о морских глубинах, о таинственном космосе. Его узнают по одной только композиции в прогнозе погоды, которая уже много лет звучит на ТВ.

Особенность его музыки в том, что она вне времени и пространства, вне моды и переходящих течений, на любой вкус и возраст. Она, как творения истинных художников, восхищает и завораживает своим дыханием вечности, красотой и глубиной. Это не моё мнение, это общепризнанно. Однако сейчас, во времена торжества коммерческой музыки, когда высокое искусство остаётся не востребованным, таким людям очень тяжело «удержать свою позицию» в жизни. Далеко не каждому на стоящему художнику-творцу удаётся выстоять, выдержать... Я наблюдала, как многие из них играли под чужую дудку, при этом полностью теряя свою индивидуальность, а их произведения превращались в одну безликую серую массу, изготовленную из набора одних и тех же так называемых модных «фишек».

Михаил, невзирая на непростую жизненную ситуацию (да что там скрывать: человек голодал!), сразу сказал мне, что наша с ним миссия гораздо выше, хотя и сложнее: мы не будем ни под кого подстраиваться, потому что верим в своё искусство! Индивидуальность художника и собственная тема – важнейшая ценность на все времена. «Будем делать нетленку!» – пошутил он, и я поняла, что он прав. Мы, авторы, должны сами формировать вкусы общества, создавать свою идеологию в музыке, в песенной поэзии, несущую позитивные движущие силы, отражающую нашу жизненную позицию, раз она у нас есть. Ведь наши песни – это же выражение духовной субстанции, вовсе не нужно их под когото «причёсывать».

За это лето мне всё же удалось несколько раз опробовать свои песни в новом «аранжементе» на зрителе: это были и городские праздники на открытых площадках, и благотворительные вечера. Как ни странно, люди с большим интересом слушали эту «некоммерческую» музыку, хотя организаторы обычно требовали только танцевально-развлекательную, ошибочно думая, что современному человеку больше ничего не нужно.

Михаил Остроумов сделал еще один, героический в моих глазах, шаг. Он оказался единственным из всех музыкантов, кто не побоялся взяться за волшебную, мистическую музыку Китаро, которой я «бредила» уже много лет. Мою песню «Власть над тайной», родившуюся на свет под завораживающую космическую композицию великого Маэстро, Миша аранжировал в своём собственном ключе, при этом сохранив все голоса этнических инструментов и основные специфические элементы оригинала. Надеюсь, что сам достопочтенный Китаро, услышав наш смелый эксперимент, простит нам эту дерзость, вызванную лишь высокими стремлениями.

Работа над песнями доставляла мне огромное удовольствие: я могла петь и перепевать заново часами. Мы уходили в работу с головой, совсем переставая замечать окружающую действительность. Потом мы дружно радовались результатам, а потом... снова всё переделывали.

И вот однажды наши результаты достигли ушей слушательской аудитории: меня пригласили на радио «ТЕОС» для 45-минутного прямого эфира.

Передача оставила неизгладимые впечатления! Тем более что радиослушатели высказали в эфир массу приятных отзывов о шести моих новых песнях, прозвучавших в тот памятный день (6 августа 2001 г.) на всю Россию.

В вопросах людей звучало бесконечное удивление по поводу того, почему меня нигде не было слышно раньше? Мой голос напомнил им родные голоса забытых певиц 60-х годов:

Аиды Ведищевой, Лидии Клемент, Майи Кристалинской. Им было интересно, как я всё это сочинила: без педагогов и музыкального образования, да и без музыкального инструмента, собственно. И в этот чудесный летний вечер сумела, к их великой радости, всё это «донести до широких масс», придя вот так просто на радио.

Боюсь, не смогли они понять, что не во владении инструментом и не в навыках дело. Мои главные инструменты – сердце и голова. Именно там рождается музыка, получая импульс откуда-то из другого мира, а мне остаётся её только записать. Ну и стихи, конечно, тоже. Остальное – дело техники, той, что стоит в студии звукозаписи.

А процесс, называемый творчеством, не педагогами закладывается – он подвластен только Всевышнему.

Когда финансы «поют» «жестокый романс»

Как было бы замечательно жить на белом свете, если бы творческие люди могли заниматься только творчеством. Но в наше время это большая роскошь. Настал день, когда отложенная на записи песен ссуда закончилась. Моя семья уже давно не имела доходов: предприятие Виктора испытывало большой дефицит бюджета. Я почти ежедневно обращалась в какие-то организации, которые, на мой взгляд, могла бы заинтересовать наша эстрадная программа либо моя административная помощь. В итоге «на безрыбье» мне приходилось заниматься всем подряд: иногда меня использовали просто для доставки аппаратуры, поскольку моя машина каким-то чудом всё ещё была на ходу, хотя ей давно пророчили капремонт двигателя и всей ходовой части. Да ещё выручали съёмки в массовках на «Ленфильме». Ещё иногда перепадала халтура в виде машинописных работ на компьютере.

К началу августа меня стало мучить острое ощущение жизненного тупика. Так дальше продолжаться не могло. Нужно было принимать экстренные меры для выживания.

И в самый кризисный момент, как всегда, пришла помощь: мне предложили организовать отделочные работы в одном загородном коттедже. Это было совсем не то, что я искала. Но выбора у меня не было: пора было отрабатывать долги. И в один прекрасный день, точнее, на следующий же день после моего успешного радиоэфира, я прибыла во Всеволожск для выполнения «ответственного спецзадания».

Дом, подлежащий моей «обработке», стоял такой заброшенный, «весь покрытый зеленью», то есть плесенью, и паутиной. Вся композиция дома с участком была олицетворением «острова невезения». Проект когда-то запустил мой Витя с партнёрами. Но деньги закончились на середине пути... Теперь надо было рассчитаться с инвесторами. Вот один из инвесторов и пригласил меня, даже предложив мне зарплату.

Первая задача состояла в том, чтобы закупить все необходимые отделочные материалы и доставить их на объект. Затем требовалось найти специалистов для выполнения работ. Что и в каком объёме делать, мне предложили решить самой: коттедж нужно было подготовить к продаже, то есть придать ему товарный вид. Я, словно на машине времени, попала в другой временной контур. Всё возвращалось, будто я шла по замкнутому кругу.

Но как бы там ни было, идти нужно было только вперёд. И я отчаянно «впряглась» в эту работу. Материалы я постепенно закупила, рабочих нашла по «Рекламе-ШАНС». Необходимый хозяйственный инвентарь приобретала по ходу дела. В этот подготовительный период я решила пригласить свою подругу Иру Дмитриеву, чтобы вместе с ней поработать над дизайном этого доведённого до плачевного состояния объекта.

Вскоре работа закипела: маляры-штукатуры, электрики, столяры-плотники, все «промелькнули перед нами, все побывали тут». Мы с Ирой тоже без дела не сидели: расчистили весь участок вокруг дома, выкосили метровые сорняки, разровняли и засыпали дорожки щебнем, сделали цветники у крыльца. И таким образом, безо всяких диет, сбросили по несколько

килограммов, что пошло на пользу нашим фигурам. А когда мы с нею взялись помогать малярам и плиточникам, то поняли, что дизайн стен – наше любимое занятие.

Партнёры по строительной работе с трудом верили, что бок о бок с ними работают певица и художница. Но однажды мы принесли им свои произведения: я – кассету с песнями, а Ира – свои картины, вот тогда недоверие на их лицах сменилось гордостью за нас. А когда, отмывшись после работы, мы приезжали на очередной концерт, там никто не верил, что мы способны работать на стройке: ничто не выдавало в этих стройных «изнеженных блондинках» железного характера и огромной силы воли.

Помню, как один человек в Театре эстрады, куда мы приехали прямо со стройки, услышав моё пение, с завистью сказал: «Вам-то хорошо, вы – богема!». Не мог он знать, как у нас болели все мышцы и невозможно было дотронуться до спины. А встать тогда на каблуки и выйти на сцену было равносильно мучениям Русалочки. Но сцена – это для меня святое и работать на ней всегда большая честь. Я готова была зарабатывать деньги где угодно, чтобы было чем заплатить за возможность постоять на сцене. Да и кому не приходилось платить за свободу творческого самовыражения? Сейчас, насколько я знаю, многие артисты, музыканты, художники подрабатывают, где только могут, ради того, чтобы потом, поздней ночью, украдкой сотворить очередное чудо, которое, возможно, пробудит чьи-то умы и чувства, а возможно, войдёт в историю. Есть поговорка в народе: «Талант должен ходить голодным». В этом, конечно, есть рациональное зерно. Но в наше время это звучит прямо как исполненный приказ.

В итоге, за два месяца коттедж изменился до неузнаваемости. Профессионалы недвижимости недоумевали, почему наши рабочие, нанятые за минимальную плату, всё делали так быстро и добросовестно. Ведь до нас на этой стройке работали «фирмы», но они всё запороли, сорвав сроки.

Как мы работали с людьми? Да просто встали рядом, плечом к плечу, как на фронте. А когда я собственноручно отмыла и отскребла от побелки закапанные краской окна (14 штук!), коттедж стал выглядеть как на глянцевой обложке журнала. Это, пожалуй, самое приятное на свете – видеть результаты своего труда.

Неважно, кем ты работаешь и где. Важно, как ты выполняешь свою работу.

Всесоюзный конкурс в Театре эстрады

Уходящий 2001 год приготовил ещё немало сюрпризов. Хотя, впрочем, я была к ним готова.

В октябре-ноябре в Театре эстрады на Большой Конюшенной состоялся грандиозный конкурс артистов со всей страны. Он был учреждён Комитетом по культуре, проводился самим «Петербург-Концертом» и посвящался памяти народного артиста Аркадия Райкина.

Само участие в этом конкурсе считалось уже почётным и престижным. А что касается лауреатских званий и перспектив, то на этот счёт меня «успокоили» сразу: мол, у меня шансов абсолютно никаких. Там всё «уже схвачено».

«Ну и пусть!» – сказала я и пошла на конкурс. Мне было по-человечески интересно просто посмотреть, а тем более поучаствовать. Да и показать свои песни заслуженным мастерам искусства уже было захватывающе.

Жюри состояло примерно из пятнадцати человек, пожалуй, самых солидных и заслуженных деятелей культуры. Да, тут было, кому себя показать!

Желающих выступить собралось более трёх сотен (!) человек. Артисты разделялись по жанрам, каждый боролся за победу только в своей номинации.

После жеребьёвки просмотры шли в течение двух недель, ежедневно, по три концерта в день. Бедное жюри! Обычно к третьему просмотру в зале почти никого не оставалось.

Я старалась по возможности попасть на все концерты. И не зря! Я была приятно поражена: столько талантов в нашей огромной стране. Гордость и искреннее восхищение наполняли меня. Ведь можно принести столько радости людям, развернув такую концертную деятельность, что заполнятся все пустующие залы страны. И ведь можно, таким образом, спасти от безработицы тысячи людей. Не только артистов, но и технический персонал, и административные кадры. Но почему-то эти мысли никому больше, кроме меня, в голову не приходили. Остальные предпочли ограничиться только проведением конкурса.

День за днём на эту замечательную, легендарную сцену выходили и выходили молодые артисты. Моя очередь была в самом конце.

Конкурс, естественно, всех изрядно утомял. К моменту моего выступления в зале оставались только самые стойкие члены жюри, человек шесть, да ещё зрителей человек десять. Видимо, сопровождающие.

Я появилась на сцене, как всегда, во всеоружии: с высокой причёской, в длинном элегантно-платье василькового цвета, в достаточ но классическом стиле, как того и требовала строгая обстановка.

Здесь и состоялась премьера моей песни «Бессмертие души», которую в тот холодный осенний вечер я посвятила бессмертным душам всех великих артистов, когда-либо стоявших на этой сцене. Я так вошла в роль, что, видимо, перестаралась. Потому что позже мне сказали, что в номинации «Автор-исполнитель» совсем не обязательно было кружиться по сцене, заламывая руки.

Короче, я не вписывалась в традиционный образ. Позже, проходя по коридорам «Петербург-Концерта», я с удивлением обнаруживала, что многие меня узнавали, помнили мою песню и даже синее платье. Все тогда щедро давали мне одни и те же советы: «бороться и искать, найти и не сдаваться!» Меня подбадривали, советовали нанять хороших педагогов (чьи уроки стоили бы мне месячной зарплаты, если бы она у меня была). Но у меня не было оснований не верить Наполеону Хиллу, который сказал: «Неудача – лучший путь к успеху!»

И я решила, что могу рассматривать этот конкурс как всего лишь очередную «ступеньку» на пути к своему олимпу. «Я накапливаю опыт, – твердила я себе, – и всё, что ни делается, всё к лучшему».

Но всё равно было жаль моих никак не оцененных стараний. В полном холода одиночестве я опять ушла ни с чем.

Но должно же быть хоть что-то, что держит человека на плаву? Ах, да! «Добрый зритель в девятом ряду!» – слова знаменитой песни самого Аркадия Райкина. Помните?

Я безбожно весь текст перепутал,
Я споткнулся у всех на виду,
Только «браво!» кричал почему-то
Добрый зритель в девятом ряду...

Ну и, конечно, то, что я сама верю в свои песни: они, несомненно, достойны признания и любви.

Новое амплуа в Новогодней кампании – 2002

Всю осень я, сжав зубы, как голодный волк, старательно искала работу: приближались новогодние праздники – самое лучшее время для артистов.

Уже с первых чисел ноября составлялись планы проведения праздничных торжеств, заранее определялся состав выступающих. Мне, как и Золушке, очень хотелось попасть в интерес-

ные шоупрограммы, хотя бы для того, чтобы в праздники не сидеть дома на кухне в какой-нибудь скучной компании.

Много лет я провела «на кухне». Мой дом часто превращался в место проведения застолий и вечеринок, где собиралось множество народу. Подумать только, ведь когда-то я об этом мечтала. Я так любила готовить и мыть посуду. Но теперь кухня перестала меня интересовать.

Каждый день я обходила по несколько продюсерских компаний, артистических агентств по найму и даже бюро добрых услуг. Выяснилось, что понастоящему организацией концертов почти никто из них не занимается. Все они предпочитают быть всего лишь информационными посредниками. Информацию обо мне как о певице тоже «брали на заметку», ничего не обещая. Тогда я стала предлагать им свою помощь в организации праздничных вечеров: ведь у меня было уже столько друзей-артистов и музыкантов. Они могли составить не одну программу, причём на любой вкус. А при необходимости – обеспечить аппаратурой с качественным звуком, освещением, даже устроить пиротехническое шоу.

Но всё упиралось в отсутствие заказчиков. Словом, все хотели заниматься любимой работой, причём за минимальные деньги, лишь бы окупилась трата, а работы так ни у кого из них и не было. В ресторанах и ночных клубах был свой строго определённый круг артистов, в который постороннему вход воспрещён. На всякий случай, объезжая рестораны, я оставляла там свои кассеты, визитки и фотографии; записывала в блокнот условия аренды каждого из них, примерное меню и уровень цен, а также размер зала, стиль его оформления, наличие сцены и т. д.

Я предполагала, что когда-нибудь, возможно, смогу быть хорошим организатором праздничных мероприятий. Чтобы мои предложения выглядели более убедительно, я даже составила сценарий целого новогоднего вечера. Обзванивая знакомых артистов, я заранее оговаривала с ними условия сотрудничества в случае неожиданного, а точнее, долгожданного заказа.

Но время шло, а предложений всё не было. В середине декабря уже пора было бить тревогу. Забыв про все свои прежние комплексы нерешительности и застенчивости, я стала предлагать себя не только в качестве певицы, но и в качестве ведущей программ и даже Снегурочки, на которую сейчас был большой спрос. Отчаяние придавало мне смелости.

Дома ситуация была вообще из ряда вон: фирма, в которой работал мой муж, обанкротилась. Надежда получить долгожданную зарплату растворилась как дым. Друзья подвели, коллеги оказались несостоятельными, чтобы выполнить свои обязательства перед нами. Таким образом, в доме не оставалось ни рубля. Отношения в семье тоже не выдерживали напора внешних стихий: полное отсутствие денег и перспектив, жуткая депрессия у мужа после предательств партнёров, которых считал друзьями, мои зыбкие планы завоевания позиций в этом «кровожадном» шоу-бизнесе – всё это стало поводом для взаимных упреков, нервных срывов, бессонных ночей.

Каждый новый день теперь начинался с головной боли: как оплатить счета? Где взять денег на бензин? Что купить на обед? Да и долги уже давно пора было отдавать. Иногда я чувствовала полную растерянность и безысходность. Всё вокруг начинало казаться мне столь мрачным, что я не выдерживала и... уходила с головой в астрологию, пытаюсь разобраться, что же про исходит и как из всего этого выбраться.

Я пробовала заглянуть в будущее: есть ли там просвет? И то, что я обнаруживала в своих расчётах, было единственным согревающим огоньком, дающим надежду в этом декабрьском мраке.

Дело в том, что я давно уже увлекаюсь астрологией, сама строю гороскопы своей семье, собрала немало хороших справочников, которые дают возможность интерпретировать конфигурации аспектов планет и т. д. Я постоянно веду наблюдение за тем, как проявляются в жизни те или иные транзиты небесных тел, пытаюсь понять основные законы мироздания, которые чётко прослеживаются в многочисленных трактатах астрологии.

Только вера в светлое будущее и спасала меня от депрессии: нужно потерпеть ещё каких-нибудь годика три, тогда меня ожидает счастливое соединение Венеры с Солнцем и прочие небесные радости... А пока надо было просто бороться за выживание.

И тут, в самый критический момент, ко мне на помощь пришёл... Дед Мороз.

Он появился из «Созвездия плюс» с целым мешком волшебных предложений. Я с радостью приняла их и стала... Снегурочкой!

Честно говоря, это была моя давнишняя мечта: побывать в сказке. Я ничего не забыла из своего детства и рада была хоть ненадолго окунуться в него вновь.

Жизнь у Снегурочки оказалась очень насыщенной. Утром и днём я играла в детских спектаклях на новогодних ёлках, а по вечерам ездила на вечеринки в рестораны вместе с Дедом Морозом – поздравлять публику. Нас везде принимали по-детски восторженно, радостно хлопая в ладоши. Я никогда ещё не доставляла людям столько радости, и мы оба чувствовали себя олицетворением праздника.

А когда Снегурочка предлагала спеть песенку собственного сочинения, то её поддерживали бурными аплодисментами, принимая этот подарок как кусочек Новогоднего чуда. В это время «Маленькая планета» пользовалась большим успехом.

Вот так в городе узнали о поющей «Русалке», которая зимой перевоплощается в «Снегурочку». И неожиданно посыпались предложения от различных организаций: выступить у них на новогодней вечеринке, поздравить очередную компанию. В общем, работы вдруг появилось много, а я этому очень радовалась. Но, что самое удивительное, даже в промежутках между выступлениями, когда я была в своём обычном обличье, во мне все узнавали именно Снегурочку. Так я нашла своё истинное амплуа. Стоило мне только где-то обмолвиться, что я играю в детском музыкальном театре, как тут же спрашивали: «Уж не Снегурочку ли? Ну, вылитая!»

Участие в проведении новогодней кампании, особенно сотрудничество с агентством «Созвездие плюс», дало мне возможность поправить свои финансовые дела и на время вздохнуть свободно. Я смогла сделать своему ребёнку настоящие подарки: новенький школьный костюм и ботинки. А то он внезапно вырос на целую голову и в прежнюю одежду не помещался.

Наш замечательный спектакль о капитане Врунгеле, в котором участвовали и фокусник, и акробаты, и циркачи-клоуны, и даже дрессированные животные, был поставлен режиссёром Юрием Арсеновичем Лехно. Скажу по секрету: это он был главным Дедом Морозом, и дети, завидев его, приходили в трепет – настолько силён был его образ.

Спектакль, который мы показали детишкам ровно 25 раз, был снят на множество любительских видеокамер в разные дни спектаклей. Уютный зал кинотеатра «Родина», где проходили наши ёлки, всегда был полон до краёв самыми лучшими зрителями: это были горячие болельщики за торжество добра.

Я была довольна своей работой: она оживляла мои детские воспоминания, наполняла сердце приятной теплотой. И я радовалась тому, что есть.

Вот так, иногда, неожиданно мы попадаем в сказку. А в ней говорится: «Над чем стараешься, тому и порадуешься!»

«С кем поведёшься...»

Наступил 2002 год. Новое тысячелетие всё больше вступало в свои права.

Закончились праздники, а с ними закончилась и работа. Наступили суровые будни. Сил на новые поиски заработка уже не оставалось: слишком много было отдано новогодним перевоплощениям. Мне был необходим период уединения для восстановления сил. Затянув «пояс потуже», я занялась пересмотром своих песен и стихов, исправлениями, доработкой текстов, осмыслением своего песенного направления.

И тут, к счастью, обо мне вспомнил Игорь Александрович Виноградский. Известный поэт и писатель-юморист, он был одним из членов жюри на последнем Всероссийском конкурсе артистов эстрады, что проходил осенью. Его тогда по-человечески заинтересовало моё творчество, поэтому он захотел почитать мои стихи и послушать песни. Я, конечно же, оставила ему свою кассету и пачку исписанных стихами листов. Когда же я услышала от него, заслуженного члена Союза литераторов России, а также Союза концертных деятелей Санкт-Петербурга, что мои стихи вполне могли бы дать мне статус профессиональной поэтессы, это было очень значимой для меня оценкой. Более того, на собрании своих коллег он представил меня им как претендентку на вступление в их союз.

Я заполнила анкету, оставила на рассмотрение свой материал. Правда, мне сказали, что читать и обсуждать его будут несколько человек, а это протянется очень долго. Но дело не в сроке, а в признании, решила я и стала ждать. А пока Игорь Александрович предложил сотрудничество: мне очень нужна была работа, а ему – помощник в оформлении книги, которую он написал. Я с энтузиазмом занялась печатью его рукописи на компьютере: это был сборник альпинистских рассказов, написанных с большим чувством юмора: «Улыбнись горам, дружище!»

Я получала огромное удовольствие от чтения, а отдельные фрагменты даже зачитывала своим членам семьи вслух, чтобы поднять им настроение. Передо мною разворачивалась картина жизни этого незаурядного человека, который в молодости покорял горные вершины, будучи инструктором по альпинизму. В этих рассказах чувствовались и его отвага, и чувство юмора в экстремальных ситуациях, а особенно – большая человечность по отношению к своим коллегам и друзьям. Он описывал время сталинских парадоксов в добродушной манере, с шутилкой критикой тогдашней показухи, громких лозунгов и всяких забавных несуразностей в жизни спортсменов-альпинистов. Я погружалась в чтение, затем печатала, раздумывая о судьбе этих людей и о судьбе этой книги. И тут меня осенило, что это не просто частные воспоминания и не только «развлекательное чтение», ведь это – наша история. Пусть её небольшой, но очень значимый отрезок, открывающий нам неизвестные грани жизни людей в те сложные времена, увиденный глазами конкретного человека.

Мои размышления шли всё дальше и дальше. «Каждый человек, – думала я, – это кусочек всеобщей истории, ведь из жизней отдельных людей и складывается жизнь общества, жизнь страны в целом...» Значит, и моя жизнь имеет своё уникальное значение, свой вклад в «общую копилку». А мои собственные наблюдения и наработки так же могут стать достоянием других людей, которые заинтересуются историей нашего поколения, если я напишу об этом. Во всяком случае, моя жизнь стала казаться мне тоже достаточно интересной, чтобы о ней написать книгу.

Вот так, благодаря замечательной и познавательной книге Игоря Александровича Виноградского, я и решила написать свою автобиографию. Воистину, с кем поведёшься, от того и наберёшься. В данном случае – писательского творческого запала и вдохновения.

Игорь Александрович от души пытался помочь мне и как певце: во всяком случае, мои песни на кассете он показывал многим концертным деятелям, и мне приятно, что меня прослушали и теперь знают некоторые выдающиеся люди в этом городе. Хотя помочь мне они пока никак не могут: ведь у нас сейчас даже выдающиеся люди сидят без работы. А иногда им приходится работать бесплатно, как мне кое-кто из них сказал, чтобы просто не отвыкнуть от процесса. Во всяком случае, это замечательно, что есть люди, пытающиеся помогать другим. Моя благодарность И. А. Виноградскому за все его полезные советы профессионала и человеческое внимание к моей личности останется навечно запечатлена в этих строках, на страницах книги, которую вы сейчас держите в руках.

Долго ещё я не решила бы написать это повествование о себе, если бы не задумалась о быстротечности бытия...

Наше творческое сотрудничество на этом не закончилось: впоследствии Игорь Александрович ещё неоднократно помогал мне в написании сценариев и стихотворных текстов для эстрадно-концертных программ.

Вот такими чудесными открытиями и находками иногда оборачивается участие в конкурсе, где не предвиделось шансов на победу.

Часть 5. НАЧАТЬ СНАЧАЛА!

Пожар как стимул к новой жизни

Только я закончила печатать рукопись Виноградского, порадовавшись результатам, как Привередница-Судьба тут же поставила мне новые задачи для экстренного решения.

Конечно, этого следовало ожидать.

Нас давно уже измучили наши соседи снизу: буйная, скандальная компания. У них регулярно что-нибудь случалось, и это сильно отражалось на благополучии ближайших соседей. Скучать они нам не давали ни днём, ни ночью. Местное отделение милиции от них уже давно было «без ума». Мне приходилось всё время быть начеку и не терять бдительности, иначе дому периодически угрожала опасность.

Однажды, в студёную зимнюю пору, у наших соседей случился пожар. Для них это было обычным явлением. Но у меня на этот раз терпение кончилось: пора было принимать какие-то меры. За последний год, благодаря их стараниям, наша любимая, ухоженная, вся в цветах квартира на пятом этаже наполнялась дымом 5 раз. Как правило, это происходило по ночам от возгорания у соседей то дивана – от забытой на нём сигареты, то кастрюли, оставленной на плите... А проснуться они не могли до тех пор, пока не приезжали пожарные и не начинали ломать их дверь. Иные звуки в их сознание не проникали.

У нас и раньше всё это вызывало серьёзные опасения, так как наш дом постройки 1937 года имел деревянные перекрытия. Но убеждать соседей в чём-либо было абсолютно бесполезно: крепкий алкоголь глушил им все разумные мысли. На этот раз всё было гораздо серьёзнее: искра попала в открытое перекрытие и тлела там несколько часов, пока в один прекрасный момент перекрытие не загорелось. Весь дом мирно спал. Хорошо, что у меня была бессонница. Несколько раз меня поднимало с постели странное тревожное чувство. Но поначалу оно было ничем не обосновано. Я бродила по квартире как лунатик. В половине третьего ночи на кухне появился явный запах гари. Обследовав окна и входную дверь, я поняла, что запах идёт не оттуда. Он шёл сквозь щель в полу, где был снят плинтус.

Через некоторое время, выйдя на лестницу и увидев, что нижний этаж уже полон дыма, я не стала раздумывать и тут же вызвала пожарных. Моя семья мгновенно оделась и подготовилась к эвакуации. Соседи снизу на этот раз, к счастью, тоже проснулись. Но все попытки разбудить соседку-старушку с третьего этажа, живущую под ними, были безуспешны.

А тем временем прибыли пожарные и, увидев сильно дымящийся пол квартиры на четвёртом этаже, поняли, что огонь идёт снизу, горит перекрытие между третьим и четвёртым этажами. Сделав такие выводы, они приняли судьбоносное решение: взломать дверь квартиры на третьем этаже, где мирно спала глухая старушка. Эта дверь, вошедшая теперь в историю дома, была поставлена ей заботливым сыном и оказалась очень качественной: из толстого многослойного металла, с хорошей системой защиты от взлома. Зря не сделали съёмку процесса взлома – это была бы самая лучшая реклама для производителей таких дверей! После длительных безуспешных попыток её решили вынуть вместе с дверной коробкой с помощью перфоратора. Этот зверюга оглушительно ревел в течение тридцати минут(!) и разбудил-таки весь дом. Но безмятежный сон старушки так и не нарушил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.